

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО

ФИЛОСОФИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научный журнал
Том 2 (68). № 3

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского»
является историческим правопреемником журнала «Ученые записки
Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2016

Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, протокол № __ от _____ 20__ г.

Главный редактор – Шоркин Алексей Давыдович, д-р филос. н., проф.,
КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Редколлегия:

Берестовская Д. С.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Вигель Н. Л.	д-р филос. н., проф., РГМУ (Ростов-на Дону)
Габриелян О. А.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Грива О. А.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Кузьмин П. В.	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Лазарев Ф. В.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Морозова Е. В.	д-р филос. н., проф., ГПГУ (Краснодар)
Николко В. Н.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Романова А. П.	д-р филос. н., проф., Гуманитарный институт, АГУ (Астрахань)
Рыскельдиева Л. Т.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Сенюшкина Т. А.	д-р гос. упр., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Темненко Г. М.	д-р филол. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Фёдорова М. М.	д-р полит. н., Институт философии РАН (Москва)
Юрченко С. В.	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Ответственный секретарь – Иванова Р. А.

Редакторы электронной версии: Страхов В. В., Шкорубская Е. Г.

Техническая корректура: Залевская Е. А., Иванова Е. В., Кузьменко Н. С.,
Чернявская М. В.

Ответственные за выпуск:

Зарапин О. В.	канд. филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Зиннурова Л. И.	канд. филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Коротченко Ю. М.	канд. филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Цветков А. П.	канд. филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Контакты редакционного совета серии:

Тел.: +7-978-736-7713 Факс: +7 (3652) 54-52-46
E-mail: raisaivanova2013@yandex.ru
Сайт: <http://sn-philcultpol.cfuv.ru/>

Формат 70x100 1/16 11 усл. п. л.

Тираж: 50 экземпляров (цена: договорная)

Журнал доступен в электронной версии: <http://sn-philcultpol.cfuv.ru/>

Отпечатано в отделе редакционно-издательской деятельности КФУ имени В. И. Вернадского 295007,
г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

УДК 101.1

КОММУНИКАТИВНАЯ НАГРУЖЕННОСТЬ ИДЕИ НООСФЕРЫ В. И. ВЕРНАДСКОГО

Зарапин О. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: zaraoleg@yandex.ru

В статье рассматривается проблема интерпретации идеи ноосферы В. И. Вернадского. Отмечается, что проблема интерпретации имеет междисциплинарный контекст, в рамках которого идея ноосферы рассматривается с позиции научного подхода и с позиции философского подхода, что приводит идею ноосферы к двусмысленности и порождает дискуссию о возможности интерпретации. Выдвигается тезис, что репрезентируемая в дискуссии проблема интерпретации имеет своим основанием особенность интерпретируемого и выявляет коммуникативную нагруженность идеи ноосферы. Ставится вопрос о том, что обеспечивает идею ноосферы коммуникативную нагрузку и в чем нагруженная идея находит свое проявление. Разработка вопроса ведется в направлении анализа текста В. И. Вернадского «Научная мысль как планетное явление». Анализ текста позволяет выделить два обстоятельства: 1) идея ноосферы получает свою нагрузку в коммуникативной ситуации текста «Научная мысль как планетное явление» как ситуации общения автора и читателя; 2) в качестве особенности коммуникативной ситуации текста В. И. Вернадского подчеркивается эквивокация позиций: автор исходит из позиции ученого, а читатель – из позиции философа. Делается вывод, согласно которому идея ноосферы определяет нацеленную на нее интерпретацию таким образом, что интерпретация обнаруживает двусмысленность и тем самым вызывает дискуссию о собственной возможности.

Ключевые слова: идея ноосферы, интерпретация, коммуникативная ситуация текста.

Идея ноосферы, озвученная В. И. Вернадским, давно и прочно вошла в современную интеллектуальную культуру. Ее используют как ученые, представляющие естествознание, так и философы, представляющие гуманитарную мысль. Подобная пластичность весьма выразительно характеризует данную идею в рамках специфики междисциплинарных исследований, где на первый план выходят конкретные научные проблемы, требующие координации усилий специалистов из различных областей знания и отраслей науки.

Вернадский подчеркивает, что в современной науке междисциплинарные исследования играют значительную роль, затрагивающую само понятие научной специализации. «Дело в том, – пишет Вернадский, – что рост научного знания в XX в. быстро стирает грани между отдельными науками. Мы все больше

специализируемся не по наукам, а по проблемам. Это позволяет, с одной стороны, чрезвычайно углубляться в изучаемое явление, а с другой – расширять охват его со всех точек зрения» [7, с. 505]. Идея ноосферы репрезентирует междисциплинарный подход в том смысле, что связывает многообразие точек зрения на «реальность в области жизни человека» в единый контекст планетарной целостности («ноосферический разрез мира») [там же].

Сегодня, спустя полвека с момента публикаций работ Вернадского, когда прошла волна первоначальной увлеченности идеей ноосферы, мы можем критично взглянуть и оценить некоторые итоги исследовательской работы, направленной на интеграцию научной и философской мысли. Обобщая, можно сказать, что идея ноосферы обнаруживает проблему, свойственную дискурсу междисциплинарности в целом. Известный отечественный эпистемолог И. Т. Касавин подчеркивает, что общим местом междисциплинарных исследований является проблема перевода с языка одной дисциплины на язык другой, который никогда не может быть достаточно точным, отчего результаты междисциплинарных исследований нельзя считать объективными, они содержат неустранимую коммуникативную компоненту. Касавин пишет: «Учитывая то обстоятельство, что м-взаимодействие идет в условиях методологической несоизмеримости и дополнительности, невозможности унификации методов, то подлинной м-коммуникацией может быть только неформальный дискурс. И если в этом случае можно говорить о научных результатах ..., то таковые обладают не столько объективной, сколько коммуникативной природой, т. е. говорят не столько об исследуемом объекте, сколько об условиях и формах его исследования» [10, с 14].

Особенность идеи ноосферы как центра интеграции философской и научной мысли находит свое выражение в том, что этот центр не является фиксированной точкой, вокруг которой разворачивается продуктивный обмен мнениями ученых и философов. В междисциплинарном исследовании идея ноосферы инициирует коммуникативный процесс дискуссии и обсуждения самой идеи ноосферы, что создает ситуацию, при которой предмет растворяется в разговоре о предмете. Поиск общего языка, который мог бы связать достижения философской и научной мысли, осложняется тем обстоятельством, что представленная в качестве основы такого языка идея ноосферы сама оказывается коммуникативно нагруженной в том смысле, что по ее поводу нет достигнутой договоренности и как проблема она открыта обсуждению.

Репрезентацией процесса подобного обсуждения можно считать конференцию «Философские идеи В. И. Вернадского и современная научная картина мира», которая состоялась в 2013 г. и была приурочена к круглой дате – 150-летию со дня рождения В. И. Вернадского. Организаторами конференции выступили Институт философии РАН, Российское философское общество, Институт истории естествознания и техники РАН, Российская академия естественных наук, Российская экологическая академия. Материалы работы конференции опубликованы в журнале «Вопросы философии» в очерке И. К. Лисеева «Философские идеи В. И. Вернадского и современная научная картина мира (К 150-летию В. И. Вернадского)» [12]. Отмечая тот факт, что идеи русского ученого не

потеряли актуальности, докладчики коснулись проблемы интерпретации высказанной Вернадским идеи ноосферы, и в выступлении А. Н. Чумакова, вице-президента Российского философского общества, эта проблема представлена в свете опасности некритического восприятия идей Вернадского.

В развернутом виде основную мысль своего доклада Чумаков представляет в статье «Ноосфера В. И. Вернадского: философское и естественнонаучное содержание», опубликованной в «Вестнике Московского университета» [17]. Согласно Чумакову, идея ноосферы стала заложницей определенной интерпретации, со временем превратившейся в то «общее место», которое не подлежит пересмотру, а необходимость в таком пересмотре назрела. Автор пишет: «Так, ученые, предельно высоко оценившие учение о ноосфере, рассматривали его как “реалистический взгляд на будущее” и видели в нем оптимистическую перспективу для вступившего в глобальный конфликт с природой человечества. Прошедшие с тех пор несколько более двух десятилетий по существу мало что изменили. И теперь еще нередко высказываются мнения, что альтернативы ноосферной концепции человечества попросту нет, а идеи общественного развития, не имеющие ноосферного аспекта, так или иначе воспринимаются в красках катастрофизма, пессимизма и упадничества» [17, с. 28]. Выдвигаемые данной интерпретацией на первый план «бесконечные разговоры о гармонизации» взаимодействия человека и природы явно контрастируют с реальностью нерешенных, в частности, экологических проблем. Именно в этот момент, как подчеркивает автор, энтузиазм, с каким было воспринято учение о ноосфере, легко перерастает в разочарование.

Итак, в чем же один из лидеров российской философской общественности видит проблему интерпретации ноосферы? Прежде всего, в том, что идея ноосферы, несомненно актуальная в постановке вопроса о взаимодействии человека и природы, «все больше предстает как красивая, но непрактичная идея» [17, с. 31]. Рассматриваемая в качестве отвлеченной, идея ноосферы уместна в философии. Такой поворот легитимирует «уход в область, недоступную для экспериментов и проверки высказываемых положений», поскольку «философские идеи и концепции не могут считаться научными и потому вовсе не претендуют на выверенную точность и безусловную доказательность, как и не дают конкретных рекомендаций» [17, с. 32]. С точки зрения Чумакова для Вернадского изначально характерен именно такой, подчеркнуто философский взгляд на ноосферу, где «он не говорит о безусловном и неременном переходе биосферы в ноосферу, который состоится с необходимостью и при любых обстоятельствах, тем более в какие-то реально определяемые сроки» [17, с. 33]. Как можно понять основную мысль автора, проблема интерпретации ноосферы предстает как проблема реконструкции взглядов В. И. Вернадского, осуществляемая на основе размежевания Вернадского как мыслителя и Вернадского как ученого.

Точке зрения философа явно противостоит позиция представителя естественных наук Б. Г. Режабека, который также выступил с докладом на конференции, посвященной Вернадскому. Б. Г. Режабек, известный биофизик и директор Института ноосферных разработок и исследований, рассматривает учение

о ноосфере «как синтез научного, философского и религиозного подходов» [12, с. 181]. Он признает, что этот синтез следует воспринимать как научную задачу, которая все еще далека от своего окончательного решения. В этом смысле учение о ноосфере, представленное Вернадским эскизно, «требует усилий для превращения в работающую научную концепцию» [там же].

Приведенные мнения демонстрируют, что проблема ноосферы сегодня носит характер дискуссии о границе, разделяющей позиции научной и философской мысли. Основанием для подобной дискуссии может быть вопрос о практических импликациях этой идеи, который исходит и от философии, и от естествознания.

Погруженная в атмосферу оптимистических разговоров о будущем, идея ноосферы стала притягательным предметом философского умозрения, мотивированного ожиданием революционного преобразования всего спектра интеллектуальных и нравственных установок современного человечества. Такой подход нашел свое отражение в понятии «ноосферизм», введенном современным российским философом А. Субетто. Уже на первой странице своей работы «Введение в ноосферизм» автор подчеркивает, что предложенный им термин «отражает уже сложившуюся целостную теоретическую систему научных взглядов, законов, принципов», которые призваны служить «теоретической базой нового мировоззренческого переворота», называемого «вернадскианской революцией» [16, с. 15]. «Вернадскианская революция, – замечает Субетто, – только начинается. Она есть часть глобальной, синтетической революции во всем корпусе знаний, накопленном человечеством, – революции, направленной на коренные изменения оснований образования, науки, культуры, мировоззрения в целом» [там же].

Мировоззренческий переворот, называемый Субетто «Ноосферным взрывом», не есть личностный акт интеллектуальной жизни. Речь идет о событии и общечеловеческого, и космического масштаба, стоящего в одном ряду с событиями появления вселенной и зарождения жизни (данный ряд как раз и образует линию так называемой «Синтетической революции»). Предсказываемые Субетто изменения в жизни как отдельного человека, так и общества в целом носят неотвратимый характер развивающегося по заранее установленному плану эволюционного процесса.

Высказываемые Субетто идеи, прежде всего, из-за их неоднозначного характера стали предметом специальной экспертизы, по итогам которой доктор юридических наук Понкин И. В. и доктор юридических наук Кузнецов М. Н. опубликовали «Заключение от 16.07.2005 по содержанию религиозно-политической идеологии ноосферизма» [15]. В преамбуле документа сказано, что речь ни в коем случае не идет о том, чтобы поставить под вопрос научный вклад В. И. Вернадского. Свою цель авторы разъясняют так: «Однако, как это весьма часто случается в современной России, всегда находятся люди, которые, искажая действительный смысл научного наследия того или иного ученого либо выискивая в его работах несуществующие “духовные смыслы”, либо выделяя какие-то частные идеологические (или религиозные) предпочтения (или заблуждения) данного ученого, прямо не связанные с его научным наследием, в ущерб его признанным научным заслугам, стремятся превратить этого человека в “знамя” созданных на

основе таких манипуляций оккультно-религиозных сект или идеологических объединений. Настоящее заключение посвящено исследованию многообразия идеологических систем приверженцев ноосферизма (далее используем обобщающее наименование ноосфериты) как квазирелигиозной идеологии, базирующейся на манипуляциях основными концептуальными идеями В. И. Вернадского и его именем» [15, с. 657]. Развернутый ответ по части квалификации ноосферизма как квазирелигиозной идеологии Субетто дает во второй части своей работы «Введение в ноосферизм», которое озаглавлено в тональности апологии «Ноосферизм: движение, идеология или новая научно-мировоззренческая система? (открытое письмо – ответ «борцам» против ноосферизма)» [16, с. 555–640].

Не будем вдаваться в дискуссию о том, где пролегает грань между разработкой творческого наследия Вернадского и маскируемой его именем квазирелигиозной идеологией и в какой мере данный предмет находится в сфере компетенции правоведения. Наша цель в ином – продемонстрировать, что идея ноосферы воспринимается и в науке, и в философии как безусловно актуальная в вопросе о взаимодействии человека и природы, но вместе с тем она порождает острые дискуссии в оценке данного вопроса.

Особенности дискуссий обусловлены различием научной и философской интерпретации проблемы. В обобщенном виде это различие можно отобразить с помощью метафоры «прикрытие». В контексте научных разработок, так или иначе нацеленных на конкретный практический результат в виде решения поставленной задачи, идея ноосферы рискует выглядеть избыточно нагруженной философским содержанием, уводящем от конкретики достижимых целей в область расплывчатых мировоззренческих проблем, которые не имеют однозначного решения. В этом свете идея ноосферы выглядит прикрытием, посредством которого в проблематику научного познания проникает философствование и потому возникает дилемма депортации и легализации привнесенных вопросов. Подобным образом дело обстоит и в философии. Только здесь ситуация представлена с точностью зеркального отображения. Воспринятая философским умозрением идея ноосферы играет роль своего рода пропуска в науку, позволяющего рассуждать о жизни и исторической целесообразности человеческого существования на Земле с точки зрения научно достоверной истины, которая подкрепляется фактами и законами, не позволяющими сомневаться в том, что мировоззренческие проблемы имеют решение в науке. На этом фоне вполне ожидаемо мнение, будто идеи Вернадского играют роль научного прикрытия для идеологических построений, где за наукообразной ширмой объективного и беспристрастного следования фактам скрывается попытка манипулировать фактами в угоду интересам, имеющим вполне конкретное политическое, экономическое, нравственное и религиозное выражение. Такое мнение выглядит радикальным и спорным, но оно заслуживает внимания именно потому, что схватывает ситуацию «на пределе», когда свернутое, смутное или сознательно сдерживаемое разворачивается со всей ясностью своего назначения.

Своей рефлексии требует то обстоятельство, что интерпретации, представленные как со стороны научного подхода, так и со стороны философского

подхода, в конечном итоге приводят к дискуссии и обсуждению того, насколько приемлемыми являются результаты интерпретаций. Можно подумать, что дискуссия указывает на недостаточность интерпретации и выход следует искать в дальнейшей разработке темы. Мы предлагаем иной ракурс, при котором взгляд переключается с интерпретации на интерпретируемое, что позволяет воспринимать дискуссию как свидетельство объективной коммуникативной нагруженности идеи ноосферы.

Каким образом идея ноосферы связана с коммуникацией и в чем эта связь находит свое проявление? В разработке данного вопроса мы попробуем прояснить его контекст, что выведет нас к анализу текста В. И. Вернадского «Научная мысль как планетное явление».

КОНТЕКСТ ВОПРОСА О НООСФЕРЕ

Обратим внимание на два обстоятельства: 1) идея ноосферы находит свое место и в научных исследованиях, и в философии; 2) в обоих случаях место и роль этой идеи вызывают споры и дискуссии. В свете этой идеи становится прозрачной и относительной граница между научным познанием реальности и ее философским постижением. Одно проникает в другое и всякий раз дает о себе знать то «иное», что невольно сближает философа и ученого, вынуждая реагировать на происходящее или в оптимистической перспективе многообещающих возможностей, или в пессимистической перспективе антиутопии. То, что каждая из сторон имеет свои аргументы, можно видеть в работах: философа В. А. Кутырева «Утопическое и реальное в учении о ноосфере» [11], геолога и философа Ф. Т. Яншиной «Ноосфера Вернадского: утопия или реальная перспектива?» [20], физика и географа Г. И. Швевса «Ноосфера как символ цивилизации нового типа» [18], математика Н. Н. Моисеева «Человек и ноосфера» [13], историка науки Д. Р. Винера «Экологическая идеология без мифов» [8].

Отметим точку зрения известного российского философа А. П. Огурцова, который полагает продуктивным «поставить идею ноосферы Вернадского не в контекст утопии и антиутопии, а в иной контекст – контекст современных споров между конструкционизмом (constructionism) и реализмом (realism)» [14, с. 13]. Позиция Огурцова интересна также и в том плане, что, как видно из самого названия его работы «История науки как путь к ноосфере: концепция В. И. Вернадского», вопрос – в какой перспективе следует воспринимать идею ноосферы? – не исчерпывает существо проблемы. Не менее значим также вопрос реконструкции того пути, который привел Вернадского к обсуждаемым сегодня идеям. В этом смысле актуальным и оригинальным выглядит мнение А. П. Огурцова о том, что решающую роль в становлении идеи ноосферы сыграла задача концептуальной разработки истории науки, к которой Вернадский подошел, разделяя историю естествознания и историю отдельных наук. Автор статьи замечает: «Поскольку Вернадский видит основную задачу истории естествознания в изучении общих законов образования и развития научного мировоззрения, не совпадающего с научным дисциплинарно организованным знанием, постольку логика истории научного мировоззрения не совпадает с логикой развития науки.

Необходимо принципиально иными глазами взглянуть на историю человеческого сознания, ибо в качестве аналитического средства выделена новая единица исследования – не история научной дисциплины, не генезис научной теории, а специфическое духовное образование – научное мировоззрение» [14, с. 5].

Отметим позицию А. П. Огурцова как поворот в рассмотрении проблемы ноосферы от вопроса оценки к вопросу становления самой идеи. Надо также подчеркнуть, что разрабатываемый А. П. Огурцовым подход имеет, как минимум, два измерения, одно из которых оказалось неучтенным. Метафора «путь», задающая новый вектор рассмотрения проблемы, в равной мере может быть интерпретирована и как личностный акт творческого поиска Вернадского, и как социальный процесс воспроизводства идеи ноосферы в современном общественном сознании. Что же превращает лично пройденный Вернадским путь в широкую дорогу, на которой встречаются и дискутируют математик, биолог, физик и философ? В чём состоит социальный исток того, что идея ноосферы воспроизводится как двусмысленное образование, некая эквивокация?

В ответе на этот вопрос мы имеем дело не с частной интеллектуальной жизнью философа, а с общественным и публичным процессом. Если рассматривать идею ноосферы с социальной точки зрения, нам придется иметь дело с языком, в котором она находит свое выражение. Ведь именно язык есть то пространство, в котором социализируются не только люди, но также их идеи. Что это за язык? Очевидно, что это язык текстов самого В.И. Вернадского, но в своей социальной функции это язык коммуникативной ситуации, связывающей автора и читателя. Прежде чем выяснить специфику этой ситуации, разберемся, с каким текстом мы имеем дело, ведь творческое наследие Вернадского обширно и включает в себя научные работы, письма, дневники, заметки и проч.

Первой работой, которую можно считать экспликацией идеи ноосферы, является небольшая по объему статья «Несколько слов о ноосфере», напечатанная в журнале «Успехи современной биологии» [1]. Георгий Иванович, сын Вернадского, перевел статью на английский язык, после чего она была опубликована в американском журнале «American scientist» под заголовком «Биосфера и ноосфера» [26]. Надо сказать, что в этой статье Вернадский опубликовал лишь незначительную часть материала, который разрабатывал в своей обширной работе «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения», где планировал обобщить результаты своих исследований, но эта книга вышла в свет лишь после смерти автора в 1965 году [2]. Это капитальный труд, в котором, по замыслу автора, планировались три части, а последняя должна была отразить проблематику ноосферы. В опубликованной работе вопрос о ноосфере рассматривается лишь фрагментарно и в самом конце (§225 имеет заголовок «Вмешательство человека – стремление к ноосфере»).

Понимая, что публикация книги задерживается, Вернадский решает часть материалов, посвященных проблематике ноосферы, опубликовать в газете «Правда», с просьбой об этом он обращается с письмом к Сталину. Просьба не нашла ответа, но во многом благодаря этому письму вышла в свет статья «Несколько слов о ноосфере». Письмо, датированное 27 июля 1943 г., приводит

Г. П. Аксенов во вступительной статье к тому избранных трудов Вернадского [7, с. 26].

Надо сказать, что высказанные в данной статье идеи Вернадского не получили значительного отклика. Предметом общественного внимания идея ноосферы становится лишь после первой публикации работы «Научная мысль как планетное явление». Рукопись книги была обнаружена в архиве В. И. Вернадского уже после его смерти. Подготовкой к публикации занималась группа учеников Вернадского под руководством академика Б. М. Кедрова, произведение вышло в свет в 1977 г. в двухтомнике «Размышления натуралиста» [3]. Опубликованный текст существенно отличался от оригинала, были сделаны многочисленные купюры. В частности, в издание не вошли параграф 73 и все параграфы со 151 по 156. Второй раз произведение издавалось в 1988 г. в рамках деятельности специально созданной Комиссии Академии наук СССР по изучению научного наследия В. И. Вернадского, которую возглавлял академик А. Л. Яншин. «Научная мысль как планетное явление» вышла в сборнике «Философские мысли натуралиста» [4], в текст были возвращены все купюры, хотя последние шесть параграфов по-прежнему не вошли. Только в 1991 г. труд Вернадского был издан отдельной книгой (составитель Ф. Т. Яншина) [5] вместе с последними параграфами, однако, они вошли не в основной текст и были представлены как приложение. В полном соответствии с оригинальной рукописью «Научная мысль» вышла в свет в 1997 году [6].

В примечаниях к «Научной мысли», изданной в 1988 г., редакторы (И. И. Мочалов, К. П. Флоренский и др.) дают любопытную картину того, с какими сложностями они столкнулись в работе над рукописью [4, с. 425–436]. Работа Вернадского представляет собой машинописный текст с чернильными правками В. И. Вернадского, сделанными автором собственноручно. Текст содержит много неисправленных опечаток. Переписывая некоторые фразы, автор правил только тот текст, который его не устраивал, и не вносил исправления в связанные с ним по содержанию другие части работы. В результате в оригинальной рукописи слова иногда не согласуются во временах и падежах. При подготовке работы к печати редакторам «приходилось продумывать, как согласовать слова и предложения, чтобы не исказить мысль автора» (Мысли натуралиста) [4, с. 425]. Наряду с решением чисто грамматического вопроса пришлось решать также и вопрос смысла. В рукописи встречаются фразы, построенные очень сложно и написанные наспех. Чтобы вникнуть в их смысл, текст пришлось изменять более существенным образом, как отмечают редакторы: «В таких случаях иногда при помощи перестановки слов достигалась большая ясность» [там же].

Существенный интерес представляет редакторский взгляд на особенность оригинального текста Вернадского. При всей работе, проделанной при подготовке рукописи к публикации, невозможно избавиться от последствий того, что мы имеем дело с незавершенным текстом. В примечаниях читаем: «Подлинник работы представляет собой черновик, не подготовленный автором к печати» [там же]. Некоторые из запланированных разделов совсем не написаны (например, «О морали науки»), другие представлены не полностью («О логике естествознания»). Далее: «Очень часто в тексте встречаются указания на то, что тот или иной параграф

является лишь первоначальным наброском и изложенные в нем положения будут подробно развиты в специальном разделе, но указанного автором развития мы так и не находим. При чтении текста обращают на себя внимание некоторые повторения в изложении одних и тех же положений и фактов, встречающиеся в разных местах книги. Но это отнюдь не технические повторения, а чаще всего развитие мысли автора в ином аспекте и на ином уровне. Это является характерной особенностью изложения, присущей данной работе» [там же].

КОММУНИКАЦИЯ В ТЕКСТЕ

Попробуем разобраться со спецификой коммуникации автора и читателя в тексте «Научная мысль как планетное явление». Каким образом позиционирует себя автор и кем является предполагаемый читатель? На первый взгляд, ответ очевиден: автор позиционирует себя как ученый натуралист, рассматривающий факты с точки зрения объективного наблюдателя, озабоченного чистотой своего дескриптивного опыта. Даже там, где он отступает от конкретики эмпирического исследования в область обобщений, где отдельные явления связываются друг с другом и тем самым осуществляется переход от фактов к их идейному осмыслению, мы встречаем разъяснение о том, что обобщение фактов есть новый факт. Глагол «обобщать» в этом свете предстает как действие мысли, выражающее объективную реальность без какой-либо попытки вмешаться в ее устройство. Разбирая вопрос о различии между живыми и косными телами в природе, Вернадский делает важное замечание, раскрывающее его взгляд на то, что значит эмпирическое обобщение. Приходя к выводу, что существует резкая и непроходимая грань между косным и живым, он пишет: «Это не является философской или научной гипотезой или теорией – это есть *эмпирическое обобщение* [курсив авт.] из бесчисленного множества точно логически и эмпирически установленных фактов ...» [7, с. 630]. И ниже еще одно важное пояснение: «Все обобщения, здесь указанные, не выходят за пределы явлений, наблюдаемых в жизни организмов и их совокупностей. Они не касаются и не дают никакого объяснения жизни; они только сводят вместе факты и делают логические выводы из научного описания реальности» [там же].

Таким образом, Вернадский обращается к читателю как исследователь эмпирик, стремящийся собрать в единую картину мира факты, относящиеся к самым различным областям научного знания. В этой картине находят свое место данные из биологии, геологии, химии, астрономии и истории. То, что связывает столь разнообразные факты как части единой в своей природной сущности реальности, Вернадский называет «естественным телом». Он пишет: «В действительности для научного мыслителя вся реальность, весь космос, научно строяемый, есть естественное тело, находящееся в пространстве-времени. Иначе ученый не может работать. Не может научно мыслить» [7, с. 611]. С этим связана еще одна примечательная особенность – автор не ограничивает себя областью конкретной дисциплины, он говорит не столько с позиции какой-то отдельной науки, сколько выражает обобщенную точку зрения научного подхода. Подобная точка зрения, по выражению Вернадского, как раз и отличает «научного мыслителя».

Другое дело, что само «естественное тело» делится на различные области. Так Вернадский различает космос, «область человеческой жизни», именуемой ноосферой, и далее идет область атомов. Автор пишет: «Ибо область человеческой культуры и проявление человеческой мысли – вся ноосфера – лежит вне космических просторов, где она теряется как бесконечно малое, и вне области, где царят силы атомов ..., где она отсутствует как бесконечно большое» [7, с. 506].

Подчеркнем, что воссоздаваемая посредством эмпирического обобщения идея ноосферы, согласно замечанию Вернадского, отражает единство «области человеческой жизни», имеющее место в объективной реальности, а не только в мысли. Чем ближе мысль подходит к самой себе, тем более логичным и упорядоченным представляются ее построения. Вернадский пишет: «Логически стройными могут быть и бывают иногда лишь рационалистические или мистические построения философских систем ...» [7, с. 481]. Научная мысль тем и отличается от философской, что ею управляет не стремление к самопознанию, а противоположное стремление к познанию внешней реальности. Постигая внешнее, мысль уходит от самой себя и, вместе с реализацией в системе научных понятий, оказывается с «логически-критической точки зрения несовершенной» [там же]. Как пишет Вернадский: «Научное построение, как правило, реально существующее, не есть логически стройная, во всех основах своих сознательно определяемая разумом система знания» [там же]. Если, следуя позиции Вернадского, признать, что ноосфера представляет собой научное понятие, мы должны отказаться от требования ясности и определенности этого понятия. В качестве научного построения оно предполагает ряд «непрерывных изменений, исправлений и противоречий» [там же] и соответствует модели «динамически неустойчивого равновесия» [там же]. Что означает всё это применительно к коммуникативной ситуации текста «Научная мысль как планетное явление»? Автор использует понятие ноосферы в качестве понятия науки так, что это понятие допускает неопределенность и не исключает противоречивость.

Какую коммуникативную цель преследует Вернадский как автор текста, обращающийся с определенным намерением к читателю? Надо признать, что текст «Научной мысли» предполагает специфического адресата. Его читатель, разумеется, не развлекается, а имеет дело с научным текстом. И вместе с тем нельзя сказать, что он рассчитан на специалистов, профессионалов, занятых разработкой и решением конкретного набора научных проблем. При этом не важно, кем является читатель, будь он биологом, химиком или математиком – не это определяет коммуникативную ситуацию. Адресатом текста является «ученый вообще», рассматриваемый вне связи с тем, какую науку он представляет. В этом смысле предполагаемый читатель соответствует автору, который также не связывает себя рамками конкретной науки.

Но что такое «ученый вообще»? В случае Вернадского – это осознанная позиция «научного мыслителя», к которой он приходит в результате длительного хода своей творческой жизни. Что нужно предпринять, чтобы стать реальным собеседником, способными понять и оценить картину мира, представленную понятием ноосферы? Сложно ответить. Не в том ли и состоит коммуникативная

цель автора, чтобы посредством текста высвободить мысль читателя из узких рамок научной специализации и таким образом открыть ему некую новую перспективу обобщающего научного взгляда на природу? Если это так, тогда задача, совместно решаемая автором и читателем посредством текста «Научная мысль как планетное явление», позволяет считать данный текст не только научным, но также и философским. Несомненно, что текст содержит научные сведения и посредством него транслируется знание, но также можно видеть и другое. Сообщаемое знание не просто принимается к сведению, оно воздействует на образ мысли человека и перенастраивает его на новый лад так, что он осознает себя как «житель планеты и может – должен – мыслить и действовать в новом аспекте, не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государств или их союзов, но и в планетном аспекте» [7, с. 458].

Самопереосмысление человека в ходе дружеской беседы – это классический для философии мотив, наследуемый из античных традиций, восходящих к диалогам Сократа. И какой бы странной на первый взгляд ни казалась мысль о том, что в тексте Вернадского присутствует сократическая нота, эта мысль выявляет то, что связывает его научный текст с философией. Каким же образом эта связь обнаруживается?

Осваивая текст, трудно уяснить значение понятия ноосферы, что допустимо в свете специфического взгляда, которого придерживается Вернадский, и согласно которому научное не исключает неопределенное. Всякий раз понятие ноосферы нагружено контекстом разработки конкретного вопроса и попытка разобраться, что оно значит само по себе, наталкивается на объективную сложность и требует со стороны читателя личного интерпретирующего усилия. К примеру, Ф. Т. Яншина, анализируя учение Вернадского, насчитывает двенадцать положений о ноосфере [22, с. 121–129]. Каждое из них выглядит вполне самостоятельным и можно лишь смутно догадываться, каким образом ноосфера объединяет их все в единое целое. Перечислим этот ряд:

- 1) заселение человеком всей планеты;
- 2) преобразование средств связи и обмена между разными странами;
- 3) усиление связей, в том числе политических, между всеми государствами Земли;
- 4) преобладание геологической роли человеческой деятельности над природными геологическими процессами;
- 5) расширение границ биосферы и выход в Космос;
- 6) открытие новых источников энергии;
- 7) равенство людей всех рас и религий;
- 8) увеличение роли народных масс в решении политических вопросов;
- 9) свобода научной мысли от религиозного и политического давления;
- 10) подъем благосостояния человечества, возможность побороть голод и нищету;
- 11) разумное преобразование природы в целях удовлетворения потребностей численно возрастающего населения;
- 12) исключение войны из жизни общества.

Понятие ноосферы связывает перечисленные положения. Но именно потому, что эта связь создается в личностном акте интерпретации читателя, представленное автором в качестве научного понятие трансформируется восприятием читателя в философскую идею. И это вполне согласуется с подходом Вернадского – чем ближе мысль к самой себе, тем более она смещается с позиции научной постановки вопроса в сторону философствования.

В этом плане вполне закономерно то, что по прочтению текста Вернадского у каждого складывается собственное видение того, что такое ноосфера, и крайне сложно ставить вопрос не только о том, какое из них правильное, но также и о том, как они соотносятся. Шугрин С. М., специалист в области гидродинамики и вычислительной математики, приходит к идее о том, что ноосфера есть идеал «всемирной собранности» [19, с. 421]. Биофизик В. П. Казначеев видит в ноосфере выражение идеи человека как «космопланетарного феномена» [9]. Математик Н. Н. Моисеев высказывает идею коэволюции как «совместного гармоничного развития природы и человека» [13, с. 307]. Эффект разночтения находит свое объяснение в предположении, что ноосфера в качестве объективной предметности, выраженной в соответствующем понятии, есть предметно кристаллизовавшийся в языке текста «Научной мысли» личностный взгляд Вернадского на мир. В стремлении понять, о чем идет речь, читатель распрямечивает идею ноосферы и тем самым воспроизводит этот взгляд, но уже как собственный, идущий изнутри его личности.

Итак, к какому выводу подводит нас мысль о том, что идея ноосферы обозначает своеобразную точку пересечения встречающихся в тексте взглядов автора и читателя. Вспомним наши вопросы: 1) каким образом связаны коммуникация и идея ноосферы и 2) в чем данная связь проявляется? Теперь мы можем ответить:

1) коммуникация и идея ноосферы связаны в коммуникативной ситуации текста «Научная мысль как планетное явление», в рамках которой идея ноосферы маркирует способ общения автора и читателя;

2) связь коммуникации и идеи ноосферы проявляется в особенности данного способа общения, где автор исходит из позиции ученого, а читатель – из позиции философа.

Отсюда понятно, почему интерпретация идеи ноосферы инициирует дискуссию относительно результатов интерпретации и почему это вовсе не проблема интерпретации. Дело в том, что идея ноосферы несет коммуникативную нагрузку в том плане, что конструктивной особенностью идеи является не предметность (общность), а процессуальность (общение). Согласующаяся с данной особенностью интерпретация инициирует дискуссию как свой результат, и это можно понять так, что идея жива и разговор о ноосфере имеет смысл лишь в обсуждении вопроса о том, каков этот смысл и есть ли он вообще.

Список литературы

1. Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере / В. И. Вернадский // Успехи современной биологии. – 1944. – № 18. – Вып. 2. – С. 113–120.

2. Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения / В. И. Вернадский. – М.: Наука, 1965. – 376 с.
3. Вернадский В. И. Размышления натуралиста. Научная мысль как планетное явление. В 2 книгах. Книга 2 / В. И. Вернадский. – М.: Наука, 1977. – 192 с.
4. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление / В. И. Вернадский // *Философские мысли натуралиста*. – М.: Наука, 1988. – С. 20–208.
5. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление / В. И. Вернадский. – М.: Наука, 1991. – 271 с.
6. Вернадский В. И. О науке. Том 1. Научное знание. Научное творчество. Научная мысль / В. И. Вернадский. – Дубна: Феникс, 1997. – 576 с.
7. Вернадский В. И. Избранные труды / В.И. Вернадский. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 744 с.
8. Винер Д. Р. Экологическая идеология без мифов / Д. Винер // *Вопросы философии*. – 1995. – № 5. – С. 82–97.
9. Казначеев В. П. Учение В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере / В. П. Казначеев. – Новосибирск: Наука, 1989. – 248 с.
10. Касавин И. Т. Междисциплинарность в науках и философии / И. Т. Касавин. – М.: Институт философии РАН, 2010. – 205 с.
11. Кутырев В. А. Утопическое и реальное в учении о ноосфере / В. А. Кутырев // В. И. Вернадский: pro et contra. Антология литературы о В. И. Вернадском за сто лет (1898–1998). – СПб.: РХГИ, 2000. – С. 626–629.
12. Лисеев И. К. Философские идеи В. И. Вернадского и современная научная картина мира (к 150-летию В. И. Вернадского) / И. К. Лисеев // *Вопросы философии*. – 2013. – № 11. – С. 174–184.
13. Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера / Моисеев Н. Н. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 351 с.
14. Огурцов А. П. История науки как путь к ноосфере: концепция В. И. Вернадского. Электронный философский журнал VOX. – 2014. – Выпуск 17. – URL: <http://vox-journal.org/html/issues/280/283>.
15. Понкин И. В., Кузнецов М. Н. Заключение от 16.07.2005 по содержанию религиозно-политической идеологии ноосферизма / И. В. Понкин, М. Н. Кузнецов // *Гражданско-правовая, конституционно-правовая и уголовно-правовая охрана нравственности: сборник*. – М.: Институт государственно-конфессиональных отношений и права, 2009. – С. 657–700.
16. Субетто А. И. Сочинения. Ноосферизм. Том первый. Введение в ноосферизм. Ноосферизм: движение или новая научно-мировоззренческая система? / А. И. Субетто. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2006. – 644 с.
17. Чумаков А. Н. Ноосфера В. И. Вернадского: философское и естественнонаучное содержание / А. Н. Чумаков // *Вестник Московского университета*. – 2013. – № 1. – С. 27–37.
18. Швецбс Г. И. Ноосфера как символ цивилизации нового типа / Г. И. Швецбс // В. И. Вернадский: pro et contra. Антология литературы о В. И. Вернадском за сто лет (1898–1998). – СПб.: РХГИ, 2000. – С. 630–634.
19. Шугрин С. М. Космическая организованность биосферы и ноосферы / С. М. Шугрин. – Новосибирск: Сиб. предприятие РАН «Наука», 1999. – 496 с.
20. Яншина Ф. Т. Ноосфера Вернадского: утопия или реальная перспектива? / Ф. Т. Яншина // В. И. Вернадский: pro et contra. Антология литературы о В. И. Вернадском за сто лет (1898–1998). – СПб.: РХГИ, 2000. – С. 635–644.
21. Яншина Ф. Т. Развитие философских представлений В. И. Вернадского / Яншина Ф. Т. – М.: Наука, 1999. – 144 с.
22. Яншина Ф. Т. Эволюция взглядов В.И. Вернадского на биосферу и развитие учения о ноосфере / Яншина Ф. Т. – М.: Наука, 1996. – 222 с.
23. Bailes K. E. Science and Russian Culture in an Age of Revolutions: V. I. Vernadsky and His Scientific School, 1863-1945 / K. E. Bailes / Foreword by Loren Graham. – Bloomington: Indiana University Press, 1990. – 238 p.
24. The biosphere and noosphere reader: global environment, society and change / Edited by Paul R. Samson and David Pitt. – London: Routledge, 1999. – 206 p.
25. Vernadsky V. I. The biosphere / V. I. Vernadsky / translated by David B. Langmuir; revised and annotated by Mark A. S. McMenamin. – New York: A Piter Nevraumont book, 1997. – 192 p.

26. Vernadsky V. I. The biosphere and the noosphere / V. I. Vernadsky // American Scientist. – 1945. – Vol. 33. – № 1. – P. 1–12.

Zarapin O. V. Communicative Loading of V. I. Vernadsky's Noosphere Idea // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 3. – P. 3–17.

The article considers the problem of interpreting V. I. Vernadsky's idea of the noosphere. It is noted that this problem has an interdisciplinary context in which the idea of the noosphere is considered from the side of a scientific approach and from the side of philosophical approach, that leads to equivocality of the noosphere idea and induces debate on the possibilities of interpretation. It is put forward the thesis that the problem of interpretation represented in the discussion is based on the peculiarity of the one that is interpreted and detects the communicative loading of the noosphere idea. It is risen the question on what provides communicative load for the noosphere idea and where the loaded idea finds its manifestation. This question is developed within analyzing V. I. Vernadsky's text "Scientific Thought as a Planetary Phenomenon". Text analysis makes it possible to distinguish two things: 1) the noosphere idea gets its load in communicative situation of the text "Scientific Thought as a Planetary Phenomenon" as the situation of communicative interactivity between the author and the reader; 2) as a particularity of communicative situation V. I. Vernadsky's text it is emphasized the equivocation of positions: the author comes from the position of a scientist, and the reader – from the position of a philosopher. It is concluded that the noosphere idea defines interpretation aimed at the last one in such a way that the interpretation detects equivocation and thereby causes a discussion on the possibility of itself.

Keywords: the noosphere idea, interpretation, text communicative situation.

References

1. Vernadskij V. I. Neskol'ko slov o noosfere [A Few Words About the Noosphere]. Uspehi sovremennoj biologii [Successes of modern biology], 1944, no. 18, Vol. 2, P. 113–120.
2. Vernadskij V. I. Himicheskoe stroenie biosfery Zemli i ee okruzenija [The Chemical Structure of the Earth's Biosphere and its Environment]. Moscow, Nauka, 1965, 376 p.
3. Vernadskij V. I. Pazмышlenija naturalista. Nauchnaja mysl' kak planetnoe javlenie [Reflections of a Naturalist. Scientific Thought as a Planetary Phenomenon] v 2 knigah. Kniga 2. Moscow, Nauka, 1977, 192 p.
4. Vernadskij V. I. Nauchnaja mysl' kak planetnoe javlenie [Scientific Thought as a Planetary Phenomenon]. Filosofskie mysli naturalista [Philosophical Thoughts of Naturalist]. Moscow, Nauka, 1988, P. 20–208.
5. Vernadskij V. I. Nauchnaja mysl' kak planetnoe javlenie [Scientific Thought as a Planetary Phenomenon]. Moscow, Nauka, 1991, 271 p.
6. Vernadskij V. I. O nauke. Tom 1. Nauchnoe znanie. Nauchnoe tvorcestvo. Nauchnaja mysl' [About Science. Volume 1. Scientific Knowledge. Scientific Creativity. Scientific Thought]. Dubna, Feniks, 1997, 576 p.
7. Vernadskij V. I. Izbrannye trudy [Selected Works]. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2010, 744 p.
8. Viner D. R. Jekologičeskaja ideologija bez mifov [Environmental Ideology Without Myths]. Voprosy filosofii [Problems of Philosophy], 1995, no. 5, P. 82–97.
9. Kaznacheev V. P. Učenie V.I. Vernadskogo o biosfere i noosfere [V.I Vernadsky's Teachings of Biosphere and Noosphere]. Novosibirsk, Nauka, 1989, 248 p.
10. Kasavin I. Mezhdisciplinarnost' v naukah i filosofii [Interdisciplinarity in Science and Philosophy]. Ed. by I. T. Kasavin. Moscow, Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences, 2010, 205 p.
11. Kutjrev V. A. Utopičeskoe i real'noe v učenii o noosfere [Utopian and the Real in the Doctrine of the Noosphere]. V. I. Vernadskij: pro et contra. Antologija literatury o V. I. Vernadskom za sto let (1898–1998). [V. I. Vernadsky: Pro et Contra. Anthology of Literature about V. I. Vernadsky for a Hundred Years (1898–1998)]. SPb., Publishing house of the Russian Christian Humanities Institute, 2000, P. 626–629.

12. Liseev I. K. Filosofskie idei V. I. Vernadskogo i sovremennaja nauchnaja kartina mira (k 150-letiju V. I. Vernadskogo) [V. I. Vernadsky Philosophical Ideas and Modern Scientific Picture of the World (to the 150th anniversary of V. I. Vernadsky)]. *Voprosy filosofii*, 2013, no. 11, P. 174–184.
13. Moiseev N. N. Chelovek i noosfera [The Man and the Noosphere]. Moscow, Molodaja gvardija, 1990, 351 p.
14. Ogurcov A. P. Istorija nauki kak put' k noosfere: koncepcija V. I. Vernadskogo [History of Science as a Way to Noosphere: the Concept of V. I. Vernadsky]. *VOX*, 2014, Iss. 17. URL: <http://vox-journal.org/html/issues/280/283>.
15. Ponkin I. V. Kuznecov M. N. Zakljuchenie ot 16.07.2005 po sodержaniju religiozno-politicheskoj ideologii noosferizma [Judgment of 16.07.2005 on the Content of the Religious-Political Ideology of Noosferizm]. *Grazhdansko-pravovaja, konstitucionno-pravovaja i ugovovno-pravovaja ohrana нравstvennosti: sbornik* [Civil, Constitutional-Legal and Criminal-Law Protection of Morals: a Collection]. Moscow, Institute of state-confessional relations and law, 2009, P. 657–700.
16. Subetto A. I. Sochinenija. Noosferizm. Tom pervyj. Vvedenie v noosferizm. Noosferizm: dvizhenie ili novaja nauchno-mirovozzrencheskaja sistema? [Works. Noosferizm. Volume One. Introduction to Noosferizm. Noosferizm: Movement or New Scientific and Ideological System?]. Kostroma, Nekrasov Kostroma State University, 2006, 644 p.
17. Chumakov A. N. Noosfera V. I. Vernadskogo: filosofskoe i estestvennonauchnoe sodержanie [V. I. Vernadsky Noosphere: the Philosophical and Natural Sciences Content]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University], 2013, no. 1, P. 27–37.
18. Shvebs G. I. Noosfera kak simbol civilizacii novogo tipa [Noosphere as a Symbol of a New Type of Civilization]. *V. I. Vernadskij: pro et contra. Antologija literatury o V. I. Vernadskom za sto let (1898–1998)* [V. I. Vernadsky: Pro et Contra. Anthology of Literature about V. I. Vernadsky for a Hundred Years (1898 – 1998)]. SPb., Publishing house of the Russian Christian Humanities Institute, 2000, P. 630–634.
19. Shugrin S. M. Kosmicheskaja organizovannost' biosfery i noosfery [Space Organization of the Biosphere and the Noosphere]. Novosibirsk, Publishing House of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 1999, 496 p.
20. Janshina F. T. Noosfera Vernadskogo: utopija ili real'naja perspektiva? [Vernadsky's Noosphere: Utopia or Realistic Prospect?]. *V. I. Vernadskij: pro et contra. Antologija literatury o V. I. Vernadskom za sto let (1898–1998)* [V. I. Vernadsky: Pro et Contra. Anthology of Literature about V. I. Vernadsky for a Hundred Years (1898–1998)]. SPb., Publishing house of the Russian Christian Humanities Institute, 2000, P. 635–644.
21. Janshina F. T. Razvitie filosofskih predstavlenij V. I. Vernadskogo [Development of V. I. Vernadsky Philosophical Ideas]. Moscow, Nauka, 1999, 144 p.
22. Janshina F. T. Jevoljucija vzgljadov V. I. Vernadskogo na biosferu i razvitie uchenija o noosfere [Evolution of V. I. Vernadsky Views on the Biosphere and Development of the Theory of the Noosphere]. Moscow, Nauka, 1996, 222 p.
23. Bailes K. E. Science and Russian Culture in an Age of Revolutions: V. I. Vernadsky and His Scientific School, 1863-1945. Foreword by Loren Graham. Bloomington, Indiana University Press, 1990, 238 p.
24. *The Biosphere and Noosphere Reader: Global Environment, Society and Change*. Edited by Paul R. Samson and David Pitt. London, Routledge, 1999, 206 p.
25. Vernadsky V. I. *The Biosphere*. Translated by David B. Langmuir; revised and annotated by Mark A. S. McMenamin. New York, A Piter Nevraumont book, 1997, 192 p.
26. Vernadsky V. I. *The Biosphere and the Noosphere*. *American Scientist*, 1945, Vol. 33, no. 1, P. 1–12.

УДК 177

**АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ:
РАЗМЫШЛЕНИЕ О ПРАВСТВЕННЫХ РИСКАХ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

Кальной И. И.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: igor_kalnoy@mail.ru

В статье рассматривается феномен человека, ценностные ориентиры которого спроецированы на обретение счастья, как состояние психологического комфорта, достижение гармонии в отношениях человека с миром. Автор статьи заостряет внимание на необходимости поиска причины амбивалентности ценностных ориентиров, предлагая читателю рассмотреть проблемную ситуацию через призму интересов (потребностей) человека и общества, а затем в рамках сравнительного анализа определить причину через взаимосвязь объективных условий и субъективного фактора. Эта взаимосвязь – своеобразный «фонарь Диогена», высвечивающий реальное состояние желаемого и действительного в системе общественных координат, где переплетаются интересы личности и общества, меры и нормы; где поиск меры на индивидуальном уровне сталкивается с нормативной базой общества, что порождает определенные нравственные риски в жизни общества.

Актуальность заявленной проблемы усиливается на порядок в условиях кризиса, заявляющего о себе в статусе очередного исторического вызова. Достойный ответ этому вызову может обеспечить только творческий тандем человеческого общества и общественного человека в условиях разумного компромисса. Этот тандем может отредактировать субъективное представление о феномене «счастье», сблизить меру человеческого и норму общественного, желаемого и возможного. Это и будет профилактика амбивалентности ценностных ориентиров человека и шкалы основных ценностей общества на определенном этапе его развития, это и будет базовое основание достойного ответа историческому вызову. К сожалению, реальная действительность далека от предложенного варианта решения заявленной проблемы. В условиях разрыва связи поколений общества «симулякров» молодежь, игнорируя опыт предков и не располагая своим, предпочитает осуществление рискованного идеала, который на поверку оказывается идолом. Знание постфактум не научает, а только усугубляет трагедию заложника. Нужны время и те, кто проходит по реестру героя, способного своим примером заставить обывателя повседневности остановиться, оглянуться и обрести способность не только смотреть, но и видеть; находить оптимальные решения актуальных проблем современности, преодолевая возможность смыслоутраты.

Ключевые слова: шкала ценностей, ценностный ориентир, амбивалентность, человек, власть авторитета, авторитет власти.

Все ценностные ориентиры человека в мире повседневности прямо или опосредованно спроецированы на достижение счастья, но для каждого человека, включенного в социум через личностное измерение, существуют:

- свое представление феномена «счастье»;
- своя шкала ценностных ориентиров, определяющих этот феномен;
- свой набор средств достижения счастья.

1. Каждое представление о феномене счастья грешит неадекватностью, ибо счастье является производным метафизики. Его нельзя измерить, взвесить, подержать в руках. Для умирающего от жажды глоток воды – это уже счастье, а для человека месячная норма осадков за сутки на дырявую крышу – это уже несчастье.

2. Личность ориентирована на нормативную базу общества, но при этом она сохраняет свою меру соотношения части и целого. Для кого-то движение к цели – больше, чем результат, а для кого-то – наоборот, ибо общественный человек не только многоликий, но и многомерный.

3. Индивидуальная шкала ценностей определяет индивидуальный набор средств достижения цели, за которой просматривается надежда на обретение счастья, но для одного цель оправдывает средства, а для другого даже праведную цель нельзя осуществлять несправедливыми средствами.

Все это свидетельствует, что дорога к подлинному счастью пролегает через «врата» нравственных рисков и на этом пути много проблемных ситуаций. Одна из них свидетельствует о необходимости перевода «стрелки» с представления о счастье в его понятие, раскрывающее сущность, не довольствуясь формой проявления.

Любое слово от термина до понятия несет определенную печать ограничения на уровне оформления чувственного познания объекта внимания, где объект находится в состоянии развития, подтверждая хрестоматийную истину о том, что «в одну и ту же реку нельзя войти дважды» (Гераклит). Слепок, образ – это уже нечто, выхваченное из контекста развития с претензией на доминанту формы. Образ мысли в статусе идеи прерывает пульс жизни и включает механизм оформления идеи на уровне застывшего прошлого, связь которого с жизненным смыслом идеи скорее условна, чем безусловна. Как тут не вспомнить фразу Ф. И. Тютчева о том, что «мысль изреченная есть ложь». В этой метафоре есть своя истина, указывающая на приоритет формы, а не содержания. Последнее несет на себе печать прошлого, а не перспективы будущего.

Уже на уровне чувственного познания заложены истоки амбивалентности, феномен которой усиливается в условиях перехода от чувственного уровня к рациональному, где термин представления после соответствующих манипуляций обретает статус понятия с претензией на саморазвитие, как это показывает Г. Гегель [1]. Тем не менее переход от представления к понятию таит в себе проблемную ситуацию амбивалентности, которую надо принимать как нечто, уже существующее в субъекте, а не привнесенное извне. Стало быть, и стратегию, и тактику профилактики амбивалентности нужно выстраивать с учетом того, что амбивалентность – это «сила» вероятных противоположностей, основу которой составляют чувства симпатии и антипатии, удовольствия и неудовлетворенности.

Исключите из жизни человека совесть, честь, долг и от человека останется только биологический организм, демонстрирующий волю к жизни через обмен веществ с окружающей средой. Это будет жизнь животного с ориентиром на

удовлетворение только витальных потребностей. Как подчеркивает известный советский философ Ю. Н. Давыдов, попав в негативную среду, личность демонстрирует обратную связь в диапазоне от протеста до адаптации этой среды [2].

Эллинизм, как первый переходный периода европейской цивилизации, актуализировал вопрос о статусе личности в обществе, проложив дорогу к освобождению ее через теологический дискурс. Религиозная власть авторитета обеспечила духовные скрепы общества, сделала индивиду прививку человечности и ответственности за свои деяния, внесла свой вклад (лепту) в профилактику «леденящего кровь» страха, визитной карточки биологического инстинкта к самосохранению. Метафизике ужаса противопоставляется нравственное отношение человека к миру с полной мерой его ответственности перед Богом. Эти проблемы власть авторитета решала через систему образования, где доминировало просвещение. Не обучение приемам и навыкам определенной профессии, а просвещение души, которое обеспечивало формирование теологического мировоззрения и соответствующей шкалы ценностных ориентиров личности Средневековья.

В XIX веке процесс секуляризации сместил акценты. Индустриализация общества отредактировала рассмотрение мировоззренческого вопроса, стержнем которого выступают ценностные ориентиры. Это стало прерогативой уже не власти авторитета (Церкви), а авторитета власти в лице государства. Решение мировоззренческого вопроса перешло из теологической области в сферу социальных отношений. Он обретает статус идеологии как системы взглядов и установок на осуществление определенной идеи.

Базовым основанием идеологии является Идея с ее возможностью трансформации в Идеал с ориентиром на осуществление Добра и Красоты или в Идола с ориентиром на торжество зла и безобразности [3].

Уже Т. Гоббс обратил внимание на амбивалентность слова, особенно если его истоки уходят в метафизику, исключая измерение и даже наблюдение. Мыслитель в качестве профилактики амбивалентности предложил концепцию конвенционализма в договоре двух сторон. Практика показала, что эта концепция не гарантирует паритет сторон, не обеспечивает пролонгацию дружественных отношений, а посему обретает статус всего лишь декларации.

Общество, как свидетельствует история европейской цивилизации, не стоит на месте. В своем становлении и развитии оно пережило три переходных периода: Эллинизм, Ренессанс и нынешний Постмодерн. Каждый период проходит по реестру исторического вызова, суть которого заключается в угасании старой шкалы ценностных ориентиров и отсутствии новой желаемой. В результате обыватель находится в трансе, свидетельствующем о потере способности искать выход из тупика. Кризис сознания возрождает принцип жизни «здесь и только сейчас». Это не жизнь, а выживание. Один затаился, другой стал заложником аномалий, третий изъявил желание прислуживать миру сильных. Исключение составляют только те, кто готов служить Общему делу поиска той Идеи, которая может составить основание добротного, достойного ответа определенному историческому вызову.

Нужна новая шкала ценностных ориентиров и в условиях нынешнего Постмодерна. Она должна заставить обывателя повседневности остановиться, оглянуться и воспроизвести кантовские вопросы: «что есть мир?», «что я должен делать?», «на что смею надеяться?» и «что я есть как человек?». Это и будет первый шаг в поисках выхода из критического состояния современного общества. За ним последуют конструктивные изменения в системе общественного сознания. Они, в свою очередь, вызовут изменения структуры отдельных форм сознания на уровне их культуры, языка, института деятельности и самой деятельности в системе соответствующих отношений. Бесспорно, на это потребуется время, существенные средства и незаурядные интегративные усилия человеческого ресурса, о чем свидетельствует история Эллинизма и Ренессанса. В нашем случае не стоит уповать на появление легендарной личности, способной очистить «Авгиевы конюшни». Это общее дело всех, кто оказался в условиях «перемен».

Вера, Надежда и Любовь как фундаментальные ценности общественной жизни должны обеспечить перспективный процесс подлинной Перестройки, где каждый может найти свое место, занять свою нишу и приблизить время достойного ответа очередному историческому вызову. Пока что человек общества потребления насыщается его «симулякрами» до тошноты, но есть вера, что со временем у него проснется желание осознать свою многоликость и многомерность, свою ответственность за себя и мир его ближайшего окружения, а не включаться в поиск «Покемона», разновидности социального примитивизма. Основание этой веры составляет та часть человечества, которая определяет его судьбу, что подтверждает выводы Джамбаттиста Вико о подъемах и расцвете общества, упадке и надежде общества на новое движение.

Вчера потрясения носили локальный характер, а ныне – глобальный. Остается одна только надежда, что человечество остановится у критической черты, обретя способность к спасению, ориентируясь на новую шкалу ценностных ориентиров. Не исключено, что такой поворот несет печать иллюзии, но если иллюзия обеспечивает движение, то это уже лучше, чем ныть и топтаться на месте. Не следует забывать, что историю делает отдельно взятый человек, а не абстрактное человечество. От «маленького человека» повседневного бытия зависит и судьба человечества. Это воспринимается как парадокс, но это так. Поле боя или труда определяет не отдельно взятая личность вертикали власти в системе общественных координат, а организованное действие «маленьких людей», преследующих свои цели с ориентиром на удовлетворение своих потребностей. От интегративных усилий «маленьких людей» зависит история конкретной страны. Страна уходит либо в небытие, когда критическая масса дееспособного населения впадает в равнодушие, предпочитая ориентир социальной активности псевдоценности алкоголя, наркотиков, сиюминутных утех, либо население этой страны обретает «второе дыхание» и готовность достойно ответить очередному историческому вызову. Население становится народом.

Ответ историческому вызову – это не прерогатива одной или нескольких стран, это дело всего человечества в условиях тотальной глобализации мира, той непростой ситуации, которая существенно осложняется феноменом

террористического фактора, отвергающего ценности подлинной человечности. Острые террора направлено против носителей чуждых ему ценностей. Переступив через религию, в том числе и свою, растоптав мораль, носители терроризма оседлали агрессию зла. Первые успехи завораживают, и субъект зла уже не в состоянии понять, что он служит не Идеалу Добра, а прислуживает Идолу Зла. Зло – это своеобразный бумеранг: что посеешь, то и пожнешь.

Проблема движения к новой шкале ценностных ориентиров тесно связана и с феноменом маргинала. В прошлом маргинал подорвал власть авторитета в системе общественных координат. Ныне он разрушает авторитет власти, о чём свидетельствует сегодняшняя Европа. Оторвавшись от своей культуры, потеряв Родину, он не приемлет и приютившую его культуру. Маргинал был и остается в руках носителей так называемой демократии средством (инструментом) осуществления сомнительных целей по установлению нового мирового порядка в условиях глобализации мира по американскому сценарию, основу которого составляют: «Товар – Деньги – Капитал». Там бал правит прагматика и отчуждение человека от всего, всех и самого себя.

Актуальность сохраняет и феномен нигилизма, истоки которого уходят в историю непрекращающегося спора западников и славянофилов (уместно вспомнить прозорливое предупреждение Ф. М. Достоевского о нигилистедестроере, для которого революция благословляет все несправедливое). Нигилизм был и остается одним из факторов формирования «пятой колонны», подрывающей критическую массу людей позитивной социальной активности.

Свою проблемность сохраняет и наследие властолюбивых старцев, а также устремленность к власти молодых старичков, лишенных долга, чести и совести. Этот тандем вчера разрушил СССР, а сегодня успешно тормозит выход из сложившегося тупика.

Современное состояние мира вновь актуализирует философские вопросы: что есть мир, что есть человек и какова мера отношения человека к миру. Пока что с экранов ТВ и глянцевого обложки журналов культивируется идея о банальности зла: не нужно испытывать угрызения совести, ибо зло, как и добро – понятие условное и относительное; не надо искать истоки зла, определять его причину в мире, где виртуальное и реальное перемешалось [4].

Похоже, пришло время гуманистики. Она должна не только сказать свое слово, но и осуществить инвентаризацию ценностных ориентиров, предложив новую шкалу ценностей, отвечающих духу времени, устремленного восстановить связь поколений; преодолеть издержки общества симулякров; профилактировать отчуждение, рождающее «одномерного», закомплексованного человека. Для этого нужна новая парадигма образовательной системы, которая включает:

- воспитание от семейного до университетского;
- просвещение с ориентиром на формирование той индивидуальности, которая заявит о воле к власти над собой;
- обучение, ориентированное на освоение техники и технологии всех сфер общественного производства и правил общежития.

Рождение человека – это уже участие в воспроизводстве конкретного общества, но, чтобы это участие было продуктивным и полноценным, оно должно пройти сложный и ответственный процесс воспитания, когда новый биологический организм погружается в социализацию, становится личностью.

Просвещение души человеческой должно осуществляться с ориентиром на формирование социального иммунитета, который стоит на пути смыслоутраты молодых людей, испытывающих дефицит собственного опыта жизни.

Школьное образование (обучение) должно соблюдать меру в соотношении ретроспективы и перспективы учебного процесса, пробудить в ученике интерес к определенной профессии. Что касается среднего, специального и высшего образования, то они должны ориентироваться на освоение новой техники и технологии, специфики избранной специальности, включающей историю, теорию и практику, а также усвоение меры социальной ответственности за себя и мир ближайшего окружения через систему гуманитарных дисциплин, которые обеспечиваются усилиями подлинной интеллигенции [5].

Дееспособность новой парадигмы восстановит связь поколений, обеспечит пролонгацию развития общества и поиск ответа на вопрос, как сделать общество человечным, а человека общественным. Новая парадигма ориентирована на восстановление фактора подлинной духовности. Она претендует на выверенный социальный компас в системе общественных координат, где место противостояния политической системы господствующего режима и политической организации общества занимает позитивная конкуренция целого и части, их партнерство в преумножении благ общества и обеспечения благополучия отдельно взятого человека. Речь идет о взаимосвязи авторитета власти в лице государства и власти авторитета в лице гражданского общества.

Чтобы усмотреть необходимость такой постановки вопроса, следует заглянуть в историю становления и развития европейской цивилизации, которой предшествовали дикость и варварство. Реперной точкой становления цивилизации была власть авторитета в различных ее модификациях, начиная с культуры мифа, основанной на инстинкте самосохранения. Культура мифа включила механизм социализации с ориентиром на достижение доминанты целого, части которого – ничто, если они не воспроизводят целое. Отмеченный фрагмент истории европейской цивилизации предстал как поступательный процесс осуществления возможностей человека и реализации его интересов (потребностей). Отправной точкой отсчета этого процесса выступают люди. Их человеческая природа демонстрирует: эксцентричность, свое несовершенство и неудовлетворенность; противоречия между волей к жизни, волей к власти над обстоятельствами и волей к власти над собой; потерю способности к самокритике. Несмотря на то, что люди – это заявленное «чело» истории, они сплошь и рядом превращают цель в средство и наоборот. Люди живут в абберациях обыденного сознания в условиях повседневного бытия. Чаще всего они оказываются заложниками «очевидного», пытаясь в качестве цели видеть все что угодно только не человека в его самоценности. К сожалению, эту погрешность человеческого поведения усиленно культивируют средства массовой информации и в первую очередь ТВ и Интернет.

Жизнедеятельность людей, как способ их существования, является базовым основанием функционирования всех сфер общественного производства. Поскольку люди творят свою историю, постольку и исторический процесс носит творческий характер, не исключая тех обстоятельств, которые заявляют о себе как исторический вызов. Исторический вызов ждет (требует) добротного ответа. Этот ответ обеспечивается единством объективных условий и субъективного фактора.

Власть авторитета в своем становлении и развитии прошла длительный период, вызывая к жизни проблемы и решая их с учетом своих возможностей. Последующая дифференциация общества и усложнение сфер общественного производства актуализировали проблему системы общественных координат. Исчерпав свой потенциал, власть авторитета уступает место авторитету власти. Таковым выступает государство. В значении социального института государство располагает своей историей становления и развития. Его история – это не Невский проспект. Она изобилует не только достоинствами, но и недостатками. Недостатки (погрешности) государства обусловили появление гражданского общества.

Этот феномен первоначально заявил о себе как оппонент государства, своеобразный доктор, демонстрирующий способности врачевать государственные недомогания и в первую очередь «ахиллесову пяту» государства – бюрократию. Из системы надлежащего обеспечения жизнедеятельности общества и человека в этом обществе бюрократия легко трансформируется в систему самообеспечения в условиях встречи субъектов разной весовой категории: юридического уполномоченного лица и физического лица – просителя, страдальца.

Гражданское общество – это ассоциация свободных и независимых людей с ориентиром на осуществление своих интересов (потребностей), осознающих, что их личная (частная) жизнь протекает в лоне общественной (публичной) жизни с ее мерой (нормой) отношений, с ее радостями и горестями. Стержнем гражданского общества выступает средний класс, но его положительная сущность может и не состояться без соответствующей идеологии.

Претендуя на идеал в декларациях, идеология может оказаться идолом в реальной действительности того политического режима, который, обеспечивая в системе общественных координат вертикаль власти, преследует свои сомнительные цели. Поскольку идеология через соответствующие социальные институты формирует мировоззрение людей, то она всегда остается объектом особого внимания как ее защитников, так и ее оппонентов (противников).

Гражданское общество не является субъектом политической системы. Это одна из основных составляющих политической организации общества, которая может сыграть не только роль позитивного фактора общественного развития, но и роль своеобразного «Троянского коня», когда из дружественного оппонента, партнера, лечащего врача, в силу своего аморфного состояния, гражданское общество может оказаться источником опасности для существующего политического строя.

Институт государства не вечен. Этот авторитет власти имеет начало, историю своего становления и развития, а стало быть, и свою завершенность (летальность), о чем свидетельствует угасание национальной государственности в условиях тотальной глобализации мира и поиска Нового Мирового порядка. Кто придет на

смену государству? Этот вопрос обретает актуальность в условиях неопределенности завтрашнего дня. Он остается открытым в условиях, где градус ответственности институтов современного гражданского общества граничит с безответственностью на всех уровнях жизни общества, что проявляется в устаревших системах образования и здравоохранения, в омоложении преступного мира и вечной бессмертности коррумпированных чиновников. Стало быть, нельзя рассматривать гражданское общество в качестве единственного соискателя на место того Субъекта вертикали власти, который обеспечит единство авторитета власти и власти авторитета, сделает систему общественных координат дееспособной с ориентиром на созидание человеческого общества и общественного человека.

Заявленная тема с нетерпением ждет своих исследователей в условиях нравственных рисков в жизни современного общества, где сущностью общества выступают деньги, а не духовность, где прислуживают Идолу, а не служат Идеалу.

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Академ. проект, 2008. – 767 с.
2. Давыдов Ю. Н. Этика любви и метафизика своеволия: проблемы нравственной философии / Ю. Н. Давыдов. – М.: Мол. гв., 1982. – 287 с.
3. Идеология: поиски и находки. Монография / науч. ред. И. И. Кальной. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2015. – 420 с.
4. Бурдые П. Социология политики / П. Бурдые. – М.: Socio-logos, 1993. – 336 с.
5. Кальной И., Марков Б. Интеллигенция в условиях современности / И. Кальной, Б. Марков, // Вестник СПбГУ. – 2016. – Сер. 17. – Вып. 2. – С. 88–99.
6. Кальной И. И. Гражданское общество: истоки и современность / И. И. Кальной и др. / Науч. ред. проф. И. И. Кальной, доц. И. Н. Лопушанский. 3-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 492 с.

Kalnoy I. I. The Ambivalence of Value Orientation Targets: Thinking about the Moral Risks in Modern Society // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 3. – P. 18–26.

The article deals with the phenomenon of man, whose values are projected to finding happiness as a state of psychological comfort, to achieve harmony in the relationship of man with the world. Practice shows that this goal is difficult to achieve. The author draws attention to the need to find the reasons of ambivalence of values by offering the reader to consider the problem situation through the prism of the interests (needs) of man and society, and then, in the framework of a comparative analysis to identify the cause through the relationship of the objective conditions and subjective factor. This relationship is a kind of "lantern of Diogenes", which illuminates the real state of the desired and actual in the social system of coordinates where the interests of the individual and society, measures and standards are intertwined. The urgency of the stated problem is amplified in a crisis, asserting itself in the status of the historic challenge. Decent response to this challenge can only be provided by a creative tandem of human society and social man in the condition of reasonable compromise. This tandem will be able to edit the subjective view about the phenomenon of "happiness", bring together the best of the human and social norm, desirable and possible. This will be the prevention of human ambivalence of values and scale of fundamental values of the society at a certain stage of its development.

Keywords: scale of values, value, ambivalence, man, power of authority, the authority of the government.

References

1. Gegel G. Fenomenologiya duha [Phänomenologie des Geistes]. Moscow, Academic project, 2008, 767 p.

2. Davydov Yu. *Etika lyubvi i metafizika svoevoliya* [Ethics of Love and Metaphysics of Self-Will]. Moscow, Molodaya gvardiya, 1982, 287 p.
3. *Ideologiya: poiski i nahodki* [Ideology: Search and Findings]. Kalnoy I. I. Moscow, International Publishing Center "Ethnosocium", 2015, 420 p.
4. Bourdieu P. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of Politicks]. Moscow, Socio-logos, 1993, 336 p.
5. Kalnoy I., Markov B. *Intelligentsia v usloviyah sovremennosti* [Intelligentsia in Modern Conditions]. Vestnik of Saint Petersburg University, 2016, Ser. 17, Iss. 2, P. 88–99.
6. Kalnoy I. I. *Grazhdanskoe obshchestvo: istoki i sovremennost* [Civil Society: the Origins and the Present]. SPb., Publishing house of R. Aslanov "Legal Center Press", 2006, 492 p.

УДК: 008

ФИЛОСОФИЯ КАК СТРЕМЛЕНИЕ К ИСКРЕННОСТИ

Чернявская М. Н.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: marina.tcherniawsckaya@yandex.ru

В данной статье поднимается проблема философии как проблема культурных и аксиологических ориентиров, формирующих основные интенции, которыми руководствуется человек. Рассматривается история философской рефлексии как поиск интенции, ведущей к Истине, к Абсолютному, к просветлению экзистенции, что выражается в философии Карла Ясперса. Но выражение самобытия в коммуникации, стремление человека обрести истину является бессмысленным, если данная настроенность не имеет в себе чистоты осуществления, определенной искренности самовыражения. Постмодернистский дискурс деконструировал эту возможность, выставив аксиологические ориентиры относительными и саму ценность морального акта – как абстракцию. Подобный разрыв и падение человеческого развития из «интенции в бесконечность» к повседневности, пространству *Das Man*, обозначает разрыв между человеком и трансцендентией. В данной работе предлагается решение проблемы в концептуальной постановке возвращения первоначальной интенции, обозначаемой как синцеритивизм или стремление к искренности. Искренность выступает онтологическим основанием бытия человека, самой возможностью исполнения его ключевых функций – познания и стремления к истине.

Ключевые слова: культура, экзистенция, коммуникация, искренность, синцеритивизм.

История философской рефлексии раскрывается в постоянном поиске смысла человеческого существования и мира, в котором оно обнаруживает свое присутствие. Например, греческая культура предоставила нам возможность увидеть мир в качестве единого и непреходящего Космоса, в котором обнаруживается высший математический порядок и определенность присутствия каждого элемента в нем. Каждый человек представлял собой возможность познания высших идей, и его существование обозначало себя как анамнезис, воспоминание себя, как уже совершенной сущности. Платоновская философия, поместив человека в вечное и неизменное бытие, дала ему возможность осуществления своей вечной и непреходящей роли – познания, выступающей онтологическим смыслом бытия человека. В «Федоне» говорится: «Между тем, истинное – это действительно очищение от всех [страстей], а рассудительность, справедливость, мужество и само разумение – средство такого очищения. <...> Как говорят те, кто сведущ в таинствах, “много тирсоносцев, да мало вакхантов”, и “вакханты” здесь, на мой взгляд, не кто иной, как только истинные философы. Одним из них старался стать и я – всю жизнь, всеми силами, ничего не упуская» [1, с. 19]. Подлинное бытие, как

стремление человеческой души к восхождению к высшим идеям, к анамнезису, обнаруживается в платоновской философии. Познание идей и представляло собой стремление души к истине, подлинное бытие выражалось в постижении идей в их восходящей иерархии.

Средневековая философия, согласно концепции Шпенглера, разорвала замкнутость античного Космоса и породила в желании познать Бога, приблизиться к нему, такой сущностный феномен европейской культуры как интенция в бесконечность, определяющую динамику становления культуры и индивидуума, присутствующего в ней. Начиная с Нового времени, в последующие культурные эпохи происходила коренная смена ценностей, в которой интенция в бесконечность сменила свои интеллектуальные акценты от христианского эсхатологизма к научному прогрессу, как качественно новой направленности человека фаустовского типа. Но смена этих дискурсов, сущность философии, выражаясь языком Хайдеггера, «постоянное спрашивание-о» имеет в себе одну фундаментальную онтологическую подоплеку: стремление человечества найти ключевое основание подлинного бытия, конкретизации мира и присутствия человека в нем, обретение понимания той целевой функции, которую несет в себе человечество на пути своего становления.

Но проблема выявления этой онтологической подоплеку скрывается не только в обретении нужного дискурса и необходимой методологии исследования. Постмодернизм в своей критике основополагающих (выражаясь языком Делеза – тотальных, инерционных) смыслов, авангард ницшевской философии в повседневной рефлексии снял вопрос о морали, как архаичном элементе религиозного дискурса. Но если говорить о настроенности человека быть, пребывании в бытии подлинном в отличие от сети симулякров, следует задаться вопросом о том, какая моральная установка может следовать дальнейшим методологическим воплощениям. Что заставляет нас искать истину? Ясперс отвечает на этот вопрос экзистенциально – это необходимость раскрыть свою самость в коммуникации: «Но экзистирующее бытие Я никогда не бывает прежде самим собой в подобной изолированности, но оно есть только с другим; коммуникация или готовность к коммуникации становится моментом рождения “я сам” в явлении» [2, с. 432]. Но в этом ответе не снят вопрос о том, что служит связывающим основанием самой экзистенции и её связанности с Ты: что заставляет её быть направленной на Ты, какая интенция руководит человеком в поиске истины и жажде Иного?

Данная настроенность не получила концептуального обоснования, так как основные аксиологические ориентиры полагались в качестве трансцендентных человеку идеалов, которые либо не достигались, либо входили в мировоззренческий конфликт морали, как полагаемой абстракции с теодицеей, как абсурдностью зла. Нужно обратиться к самому человеку, как носителю некоей настроенности на мир, формы собственной, мировоззренчески обоснованной ответственности, выражающей себя в конкретной направленности, постоянно преодолевающей застывание человека в усредненной форме собственного бытия. «Быть человеком – значит выходить за пределы самого себя. Я бы сказал, что сущность человеческого

существования заключена в его самотрансценденции. Быть человеком – значит всегда быть направленным на что-то или на кого-то, отдаваться делу, которому человек себя посвятил, человеку, которого он любит, или богу, которому он служит. Такая самотрансценденция выходит за рамки всех тех образов человека, которые в духе монадологизма представляют человека не как существо, выходящее за пределы самого себя, тянущееся к смыслу и ценностям и ориентированное тем самым на мир, а как существо, интересующееся исключительно самим собой, поскольку для него важно лишь сохранение или соответственно восстановление гомеостаза» [3, стр. 54]. Вырываясь за рамки индивидуализма, который приводит к замыканию на собственной личности, в направленности на Другого (или как бы выразился Левинас – к трансцендентному Иному) человек приближается к возможности коммуникации и, тем самым, к духовному обогащению как Другого, так и себя. Обращаясь к необходимости коммуникации, согласно Ясперсу, стоит также указать на тот факт, что стремление к коммуникации должно быть максимально «чистым», обусловленным желанием вступления в коммуникацию, желанием осуществления себя в Другом. И именно это условие, как сама возможность подлинно быть, называется искренностью. Постмодернистский дискурс деконструировал эту возможность, выставив аксиологические ориентиры относительными и саму ценность морального акта – как абстракцию. Подобный разрыв и падение человеческого развития из «интенции в бесконечность» в повседневность, пространство *Das Man*, обозначает разрыв между человеком и трансценденцией. Проблема может быть решена концептуальной постановкой возвращения первоначальной интенции, обозначенной как синцеритивизм или стремление к искренности.

Искренность же оперирует культивированием максимальной самоотдачи каждого конкретного индивида, выражающейся в намеренной негации иллюзорного, неподлинного, в поиске своей целевой функции (смысла жизни), которая послужит максимальной творческой интенцией данного индивида к миру. Это жажда подлинного бытия и надежда обретения самости в коммуникации с самостью, носящей в себе подобное стремление

Искренность как моральная категория может полагаться как принцип философской рефлексии. Стремление к истине как цель философии должна обозначиться как способ установки, с которой субъект вступает во взаимоотношения с окружающим миром.

Проблема самой возможности искренности в повседневном бытии состоит в отторжении её источника. Материалистическое истолкование смысла нравственности предполагает относительность любого нравственного акта человека, возможность искренности стоит под вопросом в случае нивелирования её источника. «Догматы материализма так же вненаучны и так же недоказуемы, как и догматы христианского богословия. Три фазиса Конта не хронологически сменяют один другой в истории, а сосуществуют в человеческом духе. У каждой живой души есть не только научное, но и метафизическое и мифологическое отношение к миру» [4, с 13]. Три дискурса не просто сосуществуют в человеческом духе, они вплетены в бытие и наличествуют актуально, несмотря на актуализацию то одного, то другого

в разные исторические периоды философской рефлексии. Например, актуализация материалистического мировоззрения в эпоху СССР не сняла вопрос об идеологической и мировоззренческой оппозиции, так или иначе всегда заявляющей о себе, стремящейся вырваться из догматической установки намеренного нивелирования метафизических вопросов.

В данном случае речь идет о понятии души, как важного культурного кода духовной жизни человека. Не поднимая вопроса онтологического существования души, тем не менее не снят вопрос аксиологической ценности этого понятия, как исходной точки стремления к подлинному существованию, не обремененному излишествами мира повседневности и направленного на актуализацию экзистенции в коммуникации, в творчестве.

Если обратиться к истории философии, можно интерпретировать движение философской рефлексии как развитие установки искренности, как формы достижения Абсолютного, постижения истины. «Бердяев расценивал классический тезис о противоположности мышления и бытия как “корень рабства философии”. Противопоставляя мышление бытию, философы тем самым отбирают у бытия и противопоставляют ему его собственную высшую форму – мыслящий дух, – а затем ломают голову над тем, как согласовать две одинаково ложные абстракции: небытийную, “чистую” мысль и бессмысленное бытие. Естественно, для мышления такое абстрактное бытие всегда было и навеки останется чем-то чуждым, трансцендентным, “вещью в себе”. Изъяв из бытия мысль, философы лишили бытие ценности и смысла. Ведь в предметном, вещном, объектном мире смысла нет. Смысл раскрывается из человека, из его активности, и означает открытие человекоподобности бытия» [5, с. 112].

Искренность как условие рефлексии предполагает концепцию возвращения осмысленных культурных интенций. Одной из ключевых форм репрезентации данной концепции выступает идея возвращения. Возвращение может быть освещено как обретение дома, обретение точки устойчивости либо возвращение интенции к динамике бесконечности совершенного. Необходимо поднять вопрос важности такой категории. Постмодернизм остановил процесс динамического становления философской рефлексии в обыгрывании смыслов, не привязанных ни к действительности (симуляция Бодрийяра), ни к любой отчетливо выраженной форме авторства (смерть автора у Ролана Барта), в их оторванности от контекста, в существовании принципиальным образом отдельно от мира. Единственная форма обозначения дискурса нашла свое выражение в остановке, в постоянном пребывании в Ничто, как обозначенном отсутствии всяческого базиса, всякой культурной, смыслообразующей детерминанты. Консюмеризм, как следствие, проецировал эту идейную установку в повседневное бытие человека, в обыгрывание повседневности в бесконечном потреблении. Потребление не содержит в себе ощущение конечности, принципиальный смысл потребления заключается в бесконечности потребности материального приобретения, где ценность симулируется предложением рекламы, симулируется массовостью, производством. Смысл же возвращения состоит в вырывании личности из этого круга, проведении идейного «анамнезиса», находящего приложение обретенного смысла к

окружающей мирности. Это выражается, прежде всего, в концептуальном выхватывании чистой идеи того или иного явления из сети интерпретаций, заключение в скобки ситуативного, посюстороннего и выявления подлинной сущности некоторой идейной интенции, её первоначального воплощения стремления к подлинности и чистоте самовыражения и выражения Другого. В индивидуальном смысле такое «выхватывание» осуществляется в творческой интенции самопостижения. В интересубъективном – в обретении некоторой не-идеологической, мировоззренческой установки, детерминирующей стремление к интуитивно схватываемой интенции к искренности, как духовной надстройки движения к прогрессу.

Внутренний опыт как способ раскрытия самой возможности бытия в мире, присутствия в нем субъекта, должен быть центрирован на максимальной чистоте самовыражения: «Под внутренним опытом я понимаю то, что обыкновенно называют мистическим опытом: состояния экстаза, восхищения, по меньшей мере, мысленного волнения» [5, с. 17]. Таким образом, целью бытия в искренности является переворачивание бытия повседневного и реструктурирование этой формой бытия тех или иных «идеальных» конструкций в реконструкции феномена искренности, приложимой к той или иной форме существования человека и его идейных конструктов, будь это концепт коммуникации Ясперса, религиозное (или мистическое) озарение и проч.

Можно сказать, что здесь также присутствует претензия на сверхчеловеческое самоосуществление, находящее свое выражение в постоянном преобразовании контекстуального, повседневного (*das Man*) бытия посредством самопреодоления посюсторонних жизненных интерпретаций некогда искренних и сознательно действительных целей. Виктор Франкл неоднократно касался этой проблемы в фокусе потери смысловой наполненности жизни, которая превращается в набор неосознанных действий, его метод логотерапии в каком-то смысле родственен концепции возрождения искреннего, как интуитивной, непосредственной интенции смысла в реальность. «Человек должен стараться воплотить в жизнь свой внутренний потенциал или, как уже было сказано, – должен выразить себя? Скрытым мотивом, стоящим за каждой из точек зрения, я считаю, является желание уменьшить напряжение, возникшее вследствие разрыва между тем, чем человек является, и тем, чем человек должен стать; напряжение между реальным положением дел и идеалом, который человек должен воплотить; напряжение между существованием и сущностью, или, иначе говоря, между бытием и смыслом» [3, с. 26].

Искреннее всегда безусловно является интенциональным к Другому актом, его направленность в действительность выражается в максимально достоверной, тождественной себе самой идее (Абсолютный дух), ищущей категорически императивной «чистоты» мира, чистоты его самоосуществления. Человек, пребывающий как личностная объективация искренности, чувствует в себе свою непосредственную спаянность с миром, его присутствие обозначает себя как бытие-раскрывающее и бытие-преодолевающее: «Быть истинным как быть-раскрывающим есть способ бытия присутствия. Что делает возможным само это

раскрытие, необходимо должно в каком-то еще более исходном смысле быть названо “истинным”» [6, с. 220]. Данный способ бытия присутствия обозначает себя в творческой интенциональности, как способ творения себя в стремлении обретения экзистенции. Искреннее предполагает раскрытость миру не в его намеренном бегстве от искажения, формы интерпретации, которая симулирует интерпретируемое, превращая его в симулякр смысла, но в принятии этой самой формы искажения, принятии абсурда с целью преобразования негативного контекста присутствия в «снятии» фальшивости повседневного. Искренность может выявить себя как пребывание лицом-к-лицу с абсурдностью негативных феноменов окружающего мира, что качественным образом отличает её от абстрактных метафизических построений. Стремление к искренности всегда предполагает в себе катарсис, первоначальную разорванность в своей интенции на мир, с предполагаемым непониманием и интерпретацией искренности, как области наивного присутствия в мире. «Словом, ум находится выше рока в провидении, представление – выше природы в роке, природа – под роком выше тела. Таким образом, душа по отношению к законам провидения, рока, природы выступает не только как начало страдательное (patiens) но и действующее» [7, с. 197].

Но если учесть интенциональность искренности с шпенглеровской «направленностью на бесконечное», то динамизм этого усилия сможет стать смыслотворческим началом бытия присутствия в мире, началом, преобразовывающим сам способ бытия человека. Это уже совершенно иная надстройка реального, в которой консюмеризм, как простое обыгрывание присутствия своего биологического, социального и духовного существования на эрзац-уровне представляется невысказанным, сводящимся к Ничто. Искренность направлена на трансцендентное, на идеальность, находящуюся за пределами конечного, пребывающего в очерченной своими пределами темпоральности.

Искренность, выступающая в качестве направленности субъекта на окружающую действительность, как таковую, стремится к всеохватывающей тождественности субъекта и действительности, тем самым избегая заброшенности в одномерность, проигрывающую себя в усредненном бытии. В искренности проявляется нужда в трансценденции, как точка ориентира, дающая индивиду смысл духовного продвижения.

И потому стоит задать один, сущностный вопрос: «насколько возможна искренность в повседневном бытии?».

Прежде всего стоит указать, что искренность не может быть исключительно трансцендентна, её присутствие всегда конкретно и ситуативно в бытии человека несмотря на нацеленность искренности к запредельному Иному. Зов искренности исходит из экзистенции, реализуя себя в наличных феноменах жизни. Искренность, как и смерть по Арьесу – «всегда моя». Она выражает себя в следующих модусах, которые впоследствии могут быть дополнены:

- субъективной и интерсубъективной ответственности
- максимальной чистоте самовыражения
- интенциональность к совершенству

Рассмотрим вышеперечисленные модусы синцеритивизма по порядку.

Субъективная и intersубъективная ответственность выражается в способности человека осуществлять свое «ориентирование в мире» (К. Ясперс) сообразуясь с внутренним моральным императивом, задающим возможность конечности собственного я, как целевого, замкнутого-в-себе субъекта и начала Ты, как осмысленного начала коммуникации, задающей уже в свою очередь возможность самовыражения. Мартин Бубер выражал форму взаимоотношения Я-Ты, как способность трансценденции и выхода за более примитивную форму субъект-объектного взаимодействия (Я-Оно) [7, с. 12].

Максимальная чистота самовыражения обнаруживает себя в постоянном стремлении субъекта раскрывать всю совокупность своих потенциальных содержаний, которые выдают действительную сущность субъекта. Данная интенция подразумевает исключение постоянного самозамыкания субъекта на своем «настоящем» уровне бытия, как на предельно возможном, стремящемся превратиться в форму тотального дискурса, «примера», «кальки». Коррелятом такой возможности как раз служит вышеуказанный модус ответственности. Стремление к максимуму самовыражения создает личность, создает его собственную внутреннюю историю, как возможность духа осознать в акте рефлексии себя самого: «каждый человек по своей внутренней природе есть некий великий мир – микрокосм, в котором отражается и пребывает весь реальный мир и все великие исторические эпохи; он не представляет собой какой-то отрывок вселенной, в котором заключен этот маленький кусочек, он являет собой некоторый великий мир, который может быть по состоянию сознания данного человека еще закрытым, но, по мере расширения и просветления его сознания, внутренне раскрывается» [8, с. 41].

Интенция к совершенству полагает в себе постоянную направленность человека на трансцендентное Иное. Это может быть выражено в категориях религиозного дискурса, как приближения через акт веры, духовного творчества богопознания (Бердяев) к Богу, либо в качестве предельной трансцендентной мотивации личности на реализацию потенций себя, как экзистенции, заброшенной в мир бесконечных альтернативных возможностей. Приближаясь к идеалу, к сумме ценностей, отображающих вечный процесс становления, личность никогда не предстает в себе ни как ничтожное, ни как предельно совершенное существо. В данной установке человек находится по ту сторону атомизации и догматизации, его цель – постоянное самопреодоление себя, и, таким образом, получение возможности подлинного самообретения. «Такая самотрансценденция выходит за рамки всех тех образов человека, которые в духе монадологизма представляют человека не как существо, выходящее за пределы самого себя, тянущееся к смыслу и ценностям и ориентированное тем самым на мир, а как существо, интересующееся исключительно самим собой, поскольку для него важно лишь сохранение или соответственно восстановление гомеостаза» [3, с. 131].

Список литературы

1. Платон. Федон, Пир, Федр, Парменид. Серия: Классическая философская мысль (пер. с древнегреч.; общ. ред. Лосева А. Ф., Асмуса В. Ф., Тахо-Годи А. А.; прим. Лосева А. Ф., Тахо-Годи А. А.). – 600 с.

2. Ясперс К. Просветление экзистенции / К. Ясперс. – М.: Изд-во «Канон-Плюс», 2012. – 448 с.
3. Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
4. Бердяев Н. А. Философия свободы / Н. А. Бердяев; вступ. ст. Л. В. Полякова. – М.: Правда, 1989. – 608 с.
5. Батай Ж. Внутренний опыт / Ж. Батай. – Петербург: Изд-во «Аксиома/Мифрил», 1997. – 336 с.
6. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М.: Изд-во «Академический проект», 2013. – 447 с.
7. Бубер М. Я и Ты / М. Бубер. – М.: Изд-во: «Академический проект», 2001. – 30 с.
8. Бердяев Н. А. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – М.: Изд-во "Правда", 1989. – 368 с.

Tcherniawskaya M. N. Philosophy as the Pursuit of Sincerity // Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 3. – P. 27–34.

This article raises the problem of philosophy, the problem of cultural and axiological orientations, which formed the main intentions that guided people. The author examines the history of philosophical reflection as search intentions, leading to the Truth, to the Absolute, to the enlightenment of existence, which is expressed in the philosophy of Karl Jaspers. But the expression of selfhood in the communication, the human desire to find the truth is meaningless, if this disposition is not a purity of implementation, certain sincerity of expression. According to the author, the postmodern discourse deconstructed this opportunity, putting axiological orientations relative and very valuable moral act - as an abstraction. This gap and the fall of the human development of the "intention to infinity" to everyday life, space Das Man, represents a gap between man and transcendence. In this paper, the problem involves the decision in the conceptual formulation of the return of the original intention, designating it as *sintseritivizm*, or the desire for sincerity. Sincerity appears ontological foundation of human existence, the very possibility of the execution of its core functions - knowledge and commitment to the truth.

Keywords: culture, existence, communication, sincerity, *sintseritivizm*.

References

1. Plato. Fedon, Pir, Fedr, Parmenid. Seriya: Klassicheskaya filosofskaya mysl' [Series: Classics Philosophy Thought]. Translated from the Greek; Edited by Losev A. F., Asmus V. F., Taho-Godi A. A. Notes of Losev A. F., Taho-Godi A. A.]. Moscow, Mysl', 2001, 600 p.
2. Yaspers K. Prosvetlenie ehkzistencii [Enlightening Existence]. Moscow, Kanon-Plyus [«Kanon-Plyus» publ.], 2012, 448 p.
3. Frankl V. Chelovek v poiskah smysla [Man's Search for Meaning]. Moscow, Progress Publ., 1990, 368 p.
4. Berdjaev N. A. Filosofija svobody [Philosophy of Freedom]. Int. by L. V. Poljakov. Moscow, Pravda, 1989, 608 p.
5. Bataj Zh. Vnutrennij opyt [Inner Experience]. St. Petersburg, Axioma / Mifril [«Axioma / Mifril publ.], 1997, 336 p.
6. Hajdegger M. Bytie I vremena [Being and Time]. Moscow, Akademicheskij proekt [Academic Project Publ.], 2013, 447 p.
7. Buber M. Ya i Ty [Me and You]. Moscow, Akademicheskij proekt [Academic Project Publ.], 2001, 30 p.
8. Berdyaev N. A. Smysl tvorchestva [The Sence of Creativity]. Moscow, Pravda Publ., 1989, 368 p.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 2 (68). 2016. № 3. С. 35–42.

УДК 316.7

ПИЩЕВАЯ КУЛЬТУРА КАК МАРКЕР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Вигель Н. Л.

Ростовский государственный медицинский университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

E-mail: 22nara@mail.ru

В данном исследовании поставлена проблема определения тенденции развития пищевой культуры в условиях процесса глобализации и обоснована необходимость изучения этого феномена. Основным методом исследования является анализ зарубежного и отечественного дискурса в области пищевой культуры. Пищевая культура как маркер социокультурной идентичности позволяет выделить: традиционную культуру, которая является наиболее консервативной и передает особенный «дух» самобытности, культуру фастфуда и слоунинг. Основой традиционной культуры являются ритуалы, передающие оригинальный и неповторимый дух своеобразия, что непосредственно связано с пищей.

Ключевым феноменом глобализации мировой культуры является производство продуктов питания транснациональными корпорациями, которые производят пищу в массовых масштабах и внедряют мировые стандарты потребления пищи.

В современных мировых процессах развития цивилизации и появления новых культов пища все более актуализируется, становясь культом современности, который является абсолютной, объективной и неизменной ценностью современного стиля жизни. Пища в современном мире определяет как культурную принадлежность, идентичность, провоцирует конфликт, способствует толерантности, так и формирует социальный статус, создает конкуренцию, даёт преимущество над другими и т. д. Здесь уже не пища является символом культуры, а современный стиль жизни, т. е. современная глобальная культура, диктует и требует питаться фастфудом, иначе «выпадаешь из матрицы». Слоунинг, являясь оппозицией фастфуда, представляет собой глобальную, массовую организацию, основанную в 1989 году для предотвращения исчезновения местных продовольственных культур и традиций, противодействует укоренению интереса к быстрой жизни.

Ключевые слова: пищевая культура, социокультурная идентичность, традиция, глобализация, современный стиль жизни.

Цель данной статьи: наметить основные направления в исследовании социокультурной идентичности с помощью характеристики пищевой культуры. Её характеристики позволяют сформировать новый ракурс в исследовании особенностей современной массовой культуры.

Питание является необходимым условием существования человека, пища бытийствует в его жизни. Сократу принадлежит известный афоризм: «Мы живем не для того, чтобы есть, а едим для того, чтобы жить».

Являясь первичной потребностью, пища необходима для нормальной жизнедеятельности человека и представляет собой неотъемлемую часть повседневной жизни каждого.

Возрастание исследовательского интереса к культуре повседневности возникает с переходом к парадигме информационной цивилизации и сопутствующих ему социокультурных изменений, одним из проявлений которых является кризис идентичности. Пищевая культура как производство, приготовление и потребление пищи – это маркер, благодаря объективному факту существования которого человек причисляет себя к той или иной культуре, формирующей культурные стереотипы и символы.

Пищевая культура как маркер социокультурной идентичности позволяет выделить: традиционную культуру, которая является наиболее консервативной и передает особенный «дух» самобытности, культуру фастфуда и слоунг. Знаменитое изречение «человек есть то, что он ест» из рецензии философа Людвига Андреаса Фейербаха на книгу немецкого философа и физиолога Якоба Молешотта «Популярное учение о питательных продуктах» (1850) в современной картине мира приобретает новое значение: по вкусовым приоритетам можно судить о том, к какой культуре причисляет себя человек, как он себя идентифицирует, и о том, какова реакция окружающих на его социокультурное поведение (см.[1; 2; 3]).

Традиционная культура в широком смысле включает в себя все виды деятельности человека: религию, философию, мораль, политику, экономику, общество, историю, литературу и искусство, то есть то, что сохраняется и передается в данном сообществе или группе в течение длительного периода времени. Традиционная культура функционирует как система, обеспечивающая воспроизводство в современной культуре тех образцов, которые выдержали испытание временем и были апробированы в аналогичных социокультурных условиях. Традиция выступает как содержание культуры.

Основой традиционной культуры являются ритуалы, передающие оригинальный и неповторимый дух своеобразия, непосредственно связанного с пищей. Продукты, которые используются при приготовлении пищи, растут в непосредственном месте проживания, народные рецепты являются предметом гордости, входят в культурное достояние народов мира, созданное под эгидой ЮНЕСКО, они призваны сохранить дух самобытности культуры.

О традиционных культурных пищевых предпочтениях рассказывается в сказаниях, сказках, легендах, где именно благодаря традиционной пище герои стали победителями. Так, в армянской сказке «волшебный» лаваш, испеченный мамой, стал щитом, защитившим Нагарша от ятагана-разбойника, и т. д. Здесь важная роль отводится домашнему очагу, этнической идентичности, расовой принадлежности, поддерживается трансляция «культурного гена» из поколения в поколение (об этом подробнее в [4] и [5]).

Традиционная пища является символом народа. Особое значение имеет хлеб: хлеб всему голова, он способен очистить душу и одарить достатком семью. Русская свадебная церемония не обходится без символического караваея. Христианский обряд причащения заключается в освящении хлеба и вина с последующим вкушением. Народные пословицы гласят: хлеб – дар Божий, отец, кормилец; как хлеб да квас, так и все у нас; хлеба ломоть – и руками подержаться, и в зубах помолоть и т. п. Есть даже народные приметы и суеверия, связанные с хлебом. Так, греческие солдаты берут кусок хлеба из дома, что «гарантирует» их безопасное и триумфальное возвращение домой. В Англии домашняя выпечка является добрым знаком возможности избежать кораблекрушения.

Культура метамодернизма [6], основанная на компьютеризации и связанной с этим явлением технизации мышления и сознания, предлагает новые мировые всеобщие явления стандартизации и унификации. Процесс глобализации характеризуется сжатием пространства и времени, что ускоряет темпы глобального обмена, активной и нарастающей деятельностью электронных коммуникаций, интернациональными инвестициями, упрощением торговых операций между государствами, и, наконец, созданием современного стиля жизни.

Ключевым феноменом глобализации мировой культуры является производство продуктов питания транснациональными корпорациями, которые уже производят пищу в массовых масштабах и внедряют мировые стандарты потребления пищи, «не принося никаких угроз» национальным традициям и обычаям. Сегодня мы привыкли к различного рода наполнителям, ароматизаторам, усилителям вкуса, «ускорителям» пищевой промышленности. Продукты супермаркетов имеют длительный срок хранения благодаря консервантам. Потребителям предлагается богатый выбор полуфабрикатов, которые нужно только разогреть, практически, весь ассортимент уже готов к потреблению.

В 80-годы прошлого столетия отмечалось, что транснациональные корпорации призваны замечать культурные и вкусовые различия и пристрастия, предлагая клиентам современные продукты, удовлетворяющие потребителей повсеместно. И это работает! Не только гипермаркеты и супермаркеты предлагают новые виды фастфуда, но и соответствующий общепит.

Процесс глобального внедрения сетей ресторанов быстрого питания Макдональдс и Кей эф си (KFS) помогает благодаря франшизе в локусе изучить современные технологии, высокотехнологичные методы приготовления пищи. По исследованиям ученых, в Китае потребляют 35% бургеров быстрого питания, а в США – лишь 25%. Китайцы благодаря системе франшизы, когда региональные менеджеры и работники являются их согражданами, считают Макдональдс и Кей эф си «китайскими».

Известно, что в исследованиях культуры употребляется понятие «кумулятивной адаптации» как способности человека к накоплению и сохранению умений и навыков для приспособления к меняющейся окружающей среде. Обладание человеком такой «способностью к культуре» содействует наиболее полному раскрытию его гуманистических качеств, направленных не на создание этнических барьеров, а на то, чтобы уметь сделать «шаг навстречу другому», понять его и

принять. Способность к расширению сотрудничества, стремление к общественному благу – эти девизы выражают фундаментальные принципы культуры глобализации. Выражение толерантности проявляется и в пищевой культуре. Так, в Германии из заведений общепита пропали традиционные свиные сосиски. Их специально исключили из меню, чтобы не оскорблять посетителей-мусульман.

В отличие от традиционных, мифы пост-постмодернизма о фастфуде предстают как «гламур бытия», «веселое событие», радость и здоровье, а образ жизни современных подростков и молодежи, кроме того, характеризуется как доступностью, так и определенным социальным статусом. Рестораны фастфуда – это не только быстрое приготовление, доступность всегда и везде, приятны теплый гамбургер или чизбургер, хрустящий картофель фри, ароматный кофе, аппетитный салат и т. д., но это должно быть быстро съедено! Именно этому посвящены многочисленные конкурсы Макдональдс.

Огромное значение уделяется рекламным слоганам, которые с экранов говорят о том, что Макдональдс – «Вот, что я люблю», Кей эф си – «Это так хорошо». В ресторанах системы фастфуд по всему миру одинаковый интерьер, стандартизированная пища, идентичный ассортимент, единые рекламные атрибуты: кепки, майки, упаковка, одежда работников и т. д. Продукты фастфуда принято фотографировать на смартфоны, айфоны, планшеты, гордясь «вкусняшками» и тут же передавая по социальным сетям.

Современный стиль жизни – это феномен, основанный на западном образе жизни, открывающий больше возможностей реализации, ассоциирующийся с успешностью (успеть во всем), востребованностью, вызывающий восхищение (особенно в молодежной среде). Образ современного человека основан именно на рекламе жизненного стиля. В современной массовой культуре разработан целый механизм, направленный на разработку современного жизненного стиля, который подразумевает потребление высокотехнологичных продуктов. Рекламные обращения к жизненному стилю или реклама «каждого дня» затрагивает социальные и/или психологические мотивации потребителей в процессе покупки продуктов фастфуда. «Эмоциональные» обращения стали очень популярными в маркетинговой коммуникации, поскольку маркетологи признают, что подавляющее большинство решений о покупках сделаны на основе чувств и эмоций, так как рациональное, функциональное дифференцирование часто затруднено. Еще одна причина использования «эмоциональных» обращений состоит в том, чтобы убедить потребителей пользоваться именно этими продуктами, представляя им «положительный опыт» счастливых людей, которые уже пользуются рекламируемыми продуктами. Кроме «эмоциональных» рекламных сообщений, существует реклама жизненного стиля, объединяющая рациональные и «эмоциональные» обращения, пытаясь повлиять сразу на два типа побуждений к покупке фастфуда.

Реклама жизненного стиля или реклама «каждого дня» основана на формате решения ежедневных проблем. В рекламе изображается проблемная повседневная ситуация, где назревает конфликт и только благодаря фастфуду можно его разрешить. Такими рекламами испещрен телевизионный эфир, предлагающий

различные виды десертов, соков, йогуртов, майонезов, кетчупов и т. д. Появилась целая индустрия бытовой техники, обслуживающая новые виды продуктов: блендеры, мультиварки, микроволновые печи, соковыжималки, кофе-машины и т. д. Рынок альтернативного питания предлагает нам и продукты «здорового образа жизни»: хлебцы, диетический шоколад, обогащенное витаминами печенье и т. д. Потребление всего перечисленного выступает признаком современности человека, его «использования достижений научно-технического прогресса», его любви к комфорту и его «свойскости» в нашем мире, стирается граница не только между городской и сельской культурой, государственными границами – весь мир превращается в одно единое пространство социокультурной среды. Здесь уже не пища является символом культуры, а современный стиль жизни, т. е. современная глобальная культура, диктует и требует питаться фастфудом, иначе «выпадаешь из матрицы».

Проживание в едином интегрированном обществе со стандартизированными социальными и культурными шаблонами поведения грозит запрограммировать нас на то, чтобы есть одну и ту же пищу, слушать одну и ту же музыку, смотреть одни и те же фильмы, независимо от нашего места жительства и национальной принадлежности. В результате страны утратят своеобразие, и будет нарушено право человека на собственную культуру.

Глобальная культура понимается как «свобода от традиции». Эта свобода способствует развитию автоматизации и задействованию высоких технологий массового потребления. Зависимость от высокотехнологичных производств и систем питания становится массовой и быстро распространяется на огромные расстояния под влиянием гигантских транснациональных фирм, создающих девиз «К монокультуре фастфуда!», которые наряду с новыми социокультурными стереотипами порождают глобальные риски, связанные с потреблением альтернативных видов пищи.

В ответ на вызовы фастфуда появилось движение дауншифтеров, которое осознанно отказывается от своего высокого социального статуса, престижной работы, предметов роскоши ради расслабленного, неспешного образа жизни. Причем для каждого дауншифтера этот образ жизни подразумевает что-то свое. Кто-то перебирается в глухую деревню и ведет натуральное хозяйство, кто-то путешествует по миру с котомкой за плечами, кто-то решает посвятить свою жизнь духовному самосовершенствованию. Слоунинг или медленная культура в современном мире выступает как культурный сдвиг в сторону замедления темпа жизни. Она началась с протеста Карло Петрини против открытия ресторана Макдональдс в Риме в 1986 году, что способствовало формированию движения Слоуфуд. Со временем понятие слоунинга превратилось в субкультуру в других областях, появился культурный феномен «медленных городов», целью которых является противостояние гомогенизации и глобализации, стремление улучшить качество жизни, поощряя счастье и самоопределение. Эпитет «медленный» впоследствии был применен к различным аспектам деятельности и культуры: «медленное старение» охватывает позитивный аспект в процессе старения, «медленная церковь» являет собой движение в христианском праксисе,

интегрирующее принципы традиционности в структуре и характере церкви; в 2007 году Кейт Флетчер предложила термин «медленная мода», основанный не на сезонности, а на устойчивом развитии модных тенденций.

Слоуфуд является глобальной, массовой организацией, основанной в 1989 году для предотвращения исчезновения местных продовольственных культур и традиций, и противодействующей возникновению сокращающегося интереса к быстрой жизни. С самого начала Слоуфуд превратилась в глобальное движение с участием миллионов людей, в более чем 150 странах, работая, чтобы обеспечить каждому человеку доступ к хорошей, чистой и честной пище. Слоуфуд считает, что еда связана со многими другим аспектами жизни, в том числе социокультурными явлениями. Как известно, в 1999 году Гейр Бертелсен создал Мировой институт медлительности, предложил идею «медленной планеты» и осознал необходимость научить людей неспешности, постепенности и устойчивости. К. Оноре в монографии «Без суеты: как перестать спешить и начать жить» впервые исследовал «Слоу-философию», способную быть примененной во всех областях человеческой деятельности, и придумал концепт «медленного движения», описывая его как культурную революцию, как подтверждение мысли о том, что быстрее – не всегда лучше. «Медленная философия» не призывает к замедленности, речь идет о стремлении не действовать поспешно и не поступать незрело. Делать необходимо все как можно лучше, а не как можно быстрее. Это вопрос качества и количества во всем: от работы и продуктов питания до воспитания детей.

Основной характеристикой «медленного движения» является то, что оно выдвинуло концепцию необходимости не растрчивать силы на имитацию деятельности, эффективности и продуктивности, на видимость и кажимость, поскольку все чаще проявляется синдром дефицита внимания и потеря мотивации. Все, что приобретает медленно, становится априори ценным. Если появление Slow-TV поначалу воспринималось как норвежское чудачество, то BBC-4 выпустила ряд программ BBC Goes Slow, где пропагандируется медленное, вдумчивое чтение, постепенное и поэтапное понимание, неторопливое и осознанное изучение, наслаждение и удовольствие, а не быстрое безэмоциональное «поглощение».

Итак, являясь по сути антиглобалистским движением, новая философия питания как Слоу-философия стоит на позициях устойчивости и сохранения, утверждая традиционные ценности человечества. И это понятно, ибо тот, кто спешит, тот скользит по поверхности, ему некогда заглядывать в глубинные смыслы, строить отношения с миром. В романе «Неспешность» Милан Кундера пишет: «Когда все происходит слишком быстро, человек теряет уверенность во всем, совершенно во всем, даже в самом себе» [7, с. 27]. В век «турбокапитализма» философия Слоуфуда мечтает о капитализме с человеческим лицом в мире микрочипов. Еще П. Тейяр де Шарден в работе «Феномен духовности» писал, что центральное место в мироздании занимает духовность, которая обеспечивает самые глубокие энергетические ресурсы для человеческой деятельности. Новая этика, управляемая мудростью и проницательностью призвана разделять соборный процесс справедливости, мира и целостности. Духовность должна пронизывать

личное и общественное, духовная пища должна оживить нашу мысль, действие и воображение, так чтобы мы могли работать для преобразования целого мира и жизни в нем. Процесс такого духовного преобразования может начаться и с пищи вполне материальной, с культуры её потребления.

Список литературы

1. Bugge A. Cooking – as Identity Work / Annechen B. Bugge // Conference of the European Sociological Association. – Murcia. – 2003. – P. 5–30.
2. Soler C., Plazas M.C. Integration of Ethnic Food into Swedish Food Rituals. The Cultural Fitness of Tacos / Cecilia Soler, Maite C. Plazas // *Appetite*. – Göteborg: School of Business, Economics and Commercial Law, 2012. – Vol. 58. – P. 928–935.
3. Uprichard E., Nettleton S., Chappell P. 'Food Hates' over the Life Course: an Analysis of Food Narratives from the UK Mass Observation Archive / Emma Uprichard, Sarah Nettleton, Paul Chappel // York: University of York, 2013. – Vol. 71. – P. 137–143.
4. Гронов Ю. Социология потребления в странах Северной Европы: исследование продовольственного потребления / Ю. Гронов // *Социология потребления*. – 2001. – № 1. – С.143–239.
5. Сохань И.В. Как исследовать гастрономическое: к вопросу о дефинициях и подходах / И.В. Сохань // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. – 2013. – № 1 (9). – С.99–109.
6. Vermeulen T. Notes on Metamodernism / Timotheus Vermeulen // *Journal of Aesthetics & Culture*. – Rotterdam. – 2010. – Vol. 2. – P. 84–106.
7. Кундера М. Неспешность. Подлинность / М. Кундера; пер. с фр. Ю. Стефанова. – СПб: Азбука-классика, 2006. – 288с.

Wiegel N. L. Food Culture as a Marker of Socio-cultural Identity // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 3. – P. 35–42.

In the research there is studied a problem of food culture development tendency in the conditions of globalization process and the necessity to study this phenomenon is grounded here. The basic method of investigation is the analysis of foreign and domestic discourse in the field of food culture. Food culture as a marker of socio-cultural identity allows of differentiating between traditional culture which is the most conservative and conveys a special spirit of originality; fast food culture and slowing. The base of traditional culture is rituals conveying original and unique spirit of specificity which is directly connected with food. The basic phenomenon of world culture globalization is production of food by transnational corporations which produce food in mass scales and introduce world standards of food consumption. In the modern world processes of both the civilization development and appearing of new cults food is becoming more and more actualized; it's a cult of modernity which serves as an absolute, objective and permanent value of a modern lifestyle. Food in the modern world determines cultural affiliation, identity, it provokes conflicts and contributes to tolerance and at the same time it forms social status, creates competition, gives lead over others, etc. Not food is the symbol of culture but a modern lifestyle, i. e. modern global culture orders to eat fast food, otherwise you will "fall out of matrix". Slowing, being the opposition of fast food is a global mass organization founded in 1989 to prevent extinction of local food cultures and traditions, it also counteracts appearing of reduced interests to fast life.

Keywords: food culture, socio-cultural identity, tradition, globalization, modern lifestyle.

References

1. Bugge A. Cooking – as Identity Work. Conference of the European Sociological Association. Murcia, 2003, P. 5–30.

2. Soler C., Plazas M.C. Integration of Ethnic Food into Swedish Food Rituals. The Cultural Fitness of Tacos. *Appetite*. Goteborg, School of Business, Economics and Commercial Law, 2012, Vol. 58, P. 928–935.
3. Uprichard E., Nettleton S., Chappell P. 'Food Hates' over the Life Course: an Analysis of Food Narratives from the UK Mass Observation Archive. York, University of York, 2013, Vol. 71, P. 137–143.
4. Gronow J. Sociologiya potrebleniya v stranah Severnoj Evropy: issledovanie prodovol'stvennogo potrebleniya [Sociology of Consumption in Northern Countries: Food Consumption Study]. *Sociologiya potrebleniya* [Sociology of Consumption], 2001, no. 1, P. 143–239.
5. Sokhan I.V. Kak issledovat' gastronomicheskoe: k voprosu o definitsiyah i podhodah [How to Research the Gastronomic? To the Question of Definitions and Approaches]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie* [Tomsk State University Journal. Culture Studies and Art History], 2013, no. 1 (9), P. 99–109.
6. Vermeulen T. Notes on Metamodernism. Timotheus Vermeulen. *Journal of Aesthetics & Culture*. Rotterdam, 2010, Vol. 2, P. 84–106.
7. Kundera M. Nespeshnost'. Podlinnost' [Slowness. Identity]. St.Petersburg, Azbuka-klassika, 2006, 288 p.

УДК 008:79

ЗРЕЛИЩНАЯ КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Дункевич С. Г.¹, Кураמיшина Ю. В.²

¹ *Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования, г. Симферополь, Российская Федерация.*

E-mail: svetlana-vizavi@inbox.ru

² *Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.*

E-mail: jvt79@rambler.ru

Статья посвящена рассмотрению путей трансформации традиционной зрелищной культуры в условиях информационного общества и господства аудиовизуального начала, выявлению особенностей современных зрелищ. Развитие информационных технологий привело к существенному изменению многих социокультурных феноменов, одним из которых являются зрелища. Кино, телевидение, компьютерная виртуальная реальность, всемирная сеть Internet открыли не только новые пути развития зрелищной культуры, но и новые возможности воздействия на аудиторию и ее охвата в поистине глобальном масштабе. С другой стороны, развитие экранной культуры привело к изменениям таких базовых характеристик зрелища, как массовость и коллективность, выводя на первый план индивидуального потребителя. Также авторы уделяют внимание рассмотрению таких понятий, как зрелищность и визуальность, предлагая, вслед за рядом отечественных исследователей, разграничивать традиционные зрелища, то есть устно-зрелищные формы, основанные на непосредственном зрительном контакте (фольклор), и визуальные (экранно-зрелищные) формы современности.

Ключевые слова: зрелище, зрелищная культура, визуальность, информационное общество.

Развитие информационных технологий привело к существенному изменению многих социокультурных феноменов, одним из которых является зрелище. В каждой конкретной культуре складываются свои уникальные зрелищные формы, наиболее полно отвечающие ее характеру: очевидно, что первобытные или средневековые зрелища мало похожи на современные. Кино, телевидение, компьютерная виртуальная реальность, всемирная сеть Internet открыли не только новые пути развития зрелищной культуры (например, шоу-бизнес), но и возможности воздействия на аудиторию и ее охвата в поистине глобальном масштабе. С этой точки зрения представляется актуальным проследить трансформацию традиционной зрелищной культуры в условиях информационного общества и господства аудиовизуального начала, выявить особенности современных зрелищ.

Зрелищная культура уходит своими корнями в глубокую древность. Само слово «зрелище» происходит от древнерусского «зърти», «зърю» (видеть, вижу), так же как «зритель» (тот, кто воспринимает зрелище). «Голковый словарь» В. Даля определяет «зрелище» как «случай, событие, происшествие, видимое глазами, все, что рассматриваем, на что глядим внимательно», в частности «театральное представление, театр» [1]. В «Энциклопедическом словаре» Ф. Брокгауза и И. Эфрона читаем: «К публичным зрелищам и увеселениям относятся: представления, концерты, балы и маскарады во всех театрах, как императорских, так и частных, в цирках, клубах, садах и вообще во всякого рода общественных местах, выставки и базары с музыкой, частные музеи, литературные и музыкальные утра и вечера, живые картины, скачки, бега, гонки, зверинцы, стрельбища, карусели, качели и т. п.» [2], т. е. то, что рассматриваем, на что глядим. Аналогичное понимание термина характерно и для основных европейских языков: этимология слов «spectacle» (англ.), «Spektakel» (нем.), «spectacle» (фр.), «spettacolo» (ит.) восходит к латинскому глаголу «spectare» – «смотреть, глядеть, созерцать», и производному от него существительному *spectaculum* – «вид, зрелище».

Российский исследователь А. А. Давыдов отмечает, что гораздо более важной и одновременно трудной задачей является определение понятия «зрелищность», которое, несмотря его очевидную связь со словом «зрелище», не имеет столь однозначного толкования [3, с. 64]. Помимо понимания «зрелищности» как инвариантного содержания любого зрелища, в качестве синонимов и близких по значению слов исследователь приводит такие понятия, как «картинность», «способность производить сильное зрительное впечатление», «видимость» (в его гегелевской трактовке), «несокрываемость» (в понимании М. Хайдеггера).

Уточнению понятий «зрелище» и «зрелищность» помогает произведённая российским культурологом Н. А. Хреновым [4] дифференциация зрелищных феноменов, в которых выделяются традиционные зрелищные формы (ритуалы, праздники, балаганы, массовые гуляния), традиционные зрелищные виды искусства (цирк, театр, эстрада) и – в XX веке – технические массовые зрелища (кино, телевидение). Так, для традиционных зрелищных форм характерны одновременность действия и его восприятия; особый контакт участников, когда они выступают сразу и актёрами, и зрителями; противопоставление будничности через демонстрацию необычного, исключительного. В этой классификации определяющим становится присутствие зрителя, являющегося полноправным соавтором зрелищного представления: каждая зрительская реакция формирует неповторимые эмоциональные, смысловые оттенки конкретного действия, которое существует лишь в момент исполнения и исчезает с его окончанием. С этой точки зрения технические массовые зрелища, в которых произведение фиксируется на плёнку и в дальнейшем существует в неизменном виде вне зависимости от зрителя, являются исключением. Объясняется это не только новизной породивших их технологий, но и лежащим в их основе отличным от традиционного типом взаимодействия со зрителем.

Таким образом, круг явлений, обладающих зрелищностью, необычайно широк: спортивные мероприятия, публичные ритуалы и церемонии, массовые празднества,

показы и представления, события, привлекающие к себе внимание. Тогда как первичным и самым общим определением зрелища будет всякая коллективно воспринимаемая демонстрация действия.

С момента своего зарождения зрелища выполняли в культуре важные функции, в числе которых могут быть названы:

- досуговая – как выход за пределы повседневной рутины;
- компенсаторная – как «иллюзорная компенсация явлений, которые, в силу тех или иных причин, реальная жизнь исключает» [4, с. 6–7];
- экстатическая и релаксационная – как выход людей из обычного состояния повседневного бодрствования и достижение коллективного экстаза, заставляющего публику «кричать, рукоплескать, плакать, иначе говоря, “выходить из себя”» [4];
- коммуникативно-интегративная, исходящая из установления эмоциональной связи, солидарности и единения участников действия, преодоления социального отчуждения;
- регуляторная – как способ регуляции жизни общества;
- воспитательная – через демонстрацию морально-этических норм;
- «аксиологическая», состоящая в утверждении, сохранении и трансляции общественных ценностей.

В зрелищах, как в зеркале, всегда находили отражение духовная, историческая, политическая жизнь той или иной эпохи, интересы и устремления людей, доминирующие ценности. Так, например, античные и средневековые зрелища часто являлись элементом религиозных обрядов, XVIII в. использовал театральную сцену для просвещения широких масс, советская культура демонстрировала в различных формах зрелищной культуры социалистический оптимизм, в условиях массовой культуры развлекательный и отвлекающий характер зрелищ выходит на первый план.

Формирующееся сегодня информационное общество характеризуется повышенной ролью информации, знаний и технологий в его жизни, что влечет за собой увеличение числа людей, занятых в этой сфере, а также интенсификацию информатизации с использованием традиционных и электронных СМИ (в т. ч. телефонии, радио, телевидения, сети Интернет), создание глобального информационного пространства. Появление нового типа общества было спрогнозировано канадским мыслителем Г. М. Маклюэном, рассматривавшем развитие культуры через призму изменений коммуникационных связей в тот или иной период – эпоха дописьменного варварства, эпоха фонетического письма, «галактика» Гутенберга, «галактика» Маркони или аудиовизуальная эпоха. Последняя характеризуется развитием таких средств передачи информации, как телефон, телеграф, радио, кино, телевидение, компьютер, с помощью которых человек становится непосредственным участником любого информационного события, а вся планета превращается в мировую глобальную деревню, в новое информационное сообщество.

Под влиянием информации и средств массовой коммуникации происходят коренные изменения во всех сферах жизни общества: экономике и политике, науке

и искусстве, а также во внутреннем мире личности и культуре в целом. По мнению американского социолога и футуролога А. Тоффлера, «новая цивилизация столь глубоко революционна, что она бросает вызов всем нашим старым исходным установкам. Старые способы мышления, старые формулы, догмы и идеологии, несмотря на то, что в прошлом они процветали или были весьма полезными, больше не соответствуют фактам. Мир, который возникает с огромной скоростью из столкновения новых ценностей и технологий, новых геополитических отношений, новых стилей жизни и способов коммуникации, требует совершенно новых идей и аналогий, классификаций и понятий. Мы не можем втиснуть эмбриональный завтрашний мир в принятые вчера категории» [5, с. 12].

Детальному рассмотрению формирующегося нового типа культуры посвящена работа российского исследователя И. А. Негодаева «Информатизация культуры». Автор определяет его как «культуру общества эпохи ее информатизации» и отмечает его необычайную сложность по содержанию и структуре, которая «включает в себя не только культуру индустриального общества в виде элитной, народной и массовой культур, но и различные субкультуры, а также информационную культуру с такими ее элементами как экранная, компьютерная культуры и культура Интернет» [6]. Наиболее ярко особенности культуры информационного общества проявляются в материальной сфере, что связано с развитием технологий, менее – в духовной, художественной сферах культуры, но и там они с каждым годом все больше дают знать о себе. В целом, по мнению автора, изменения культурной жизни заметны в необычайном росте технических возможностей развития и трансляции культурных ценностей, в связи с чем на первый план выходят средства массовой коммуникации и средства массовой информации.

Сложение и совершенствование нового типа зрелищно-коммуникационной культуры (экранной) происходило на протяжении всего XX столетия. Сегодня «экран» – это не только экран кинотеатра, телевизора или компьютера, он стал неотъемлемой частью повседневной жизни, удовлетворяя потребность не только и не столько в информации, сколько в общении, социальной активности и развлечении. Белорусская исследовательница Л. П. Саенкова отмечает: «в генетическом коде экрана хранится родовая память пластических искусств, в основе которых не просто изображение, а зрелищное изображение. Экран, в силу своих специфических черт, не может не быть зрелищем. Если снижается зрелищность, то снижается и степень востребованности экрана» [7, с. 57]. На примере кино автор показывает эволюцию зрелищных средств от передачи движения, кинетики до технических приемов и современных спецэффектов, вовлекающих зрителя в пространство экрана.

Одно из отличий технических массовых зрелищ от традиционных зрелищных форм связано с изменением характера таких «базовых» черт, как массовость и коллективность, в сторону индивидуального потребления. Это было связано с появлением интерактивного экрана (телевидение, теле-, игровые приставки, компьютер и пр.), способствовавшего, при массовом охвате аудитории, «уединенности, отрешенности и одиночеству зрителя» [7, с. 80]. Исходя из этого,

кино, сохраняя характерные для традиционных зрелищ особенности коллективной рецепции, предусматривающие активное проявление таких признаков, как внушение, подражание, заражение и т. д., продолжает оставаться зрелищем. Телевидение же, теряя в акте коммуникации непосредственный контакт участников, находящихся в одном пространстве, демонстрирует разрыв с традиционными зрелищными формами (см. [4, с. 6]).

Появление новых, основанных на зрительном восприятии, технологий, и многообразии визуальных практик повлекло за собой отход культуры от логоцентризма в сторону визуального начала, когда мир предстает уже не как Текст, но как Образ. По мнению российского культуролога Я. С. Крыжановской, это привело к формированию новой исследовательской «визуальной парадигмы», объясняющей специфику «общества зрелищ». Автор поднимает вопрос о понятийном аппарате и дефинициях понятий «визуальное» и «зрелищное», предлагая разграничивать традиционные зрелища, то есть устно-зрелищные формы, основанные на непосредственном зрительном контакте (фольклор), и визуальные (экранно-зрелищные) формы современности [8, с. 5]. Разведение данных понятий во многом обосновано различной степенью вовлеченности участников зрелищной акции в происходящее: если для традиционных форм характерно наличие коллективного зрителя-участника-сотворца, то современный человек – лишь субъект визуальной репрезентации, наблюдатель. Также автор обращает внимание на принцип симультанности, реализующийся через одновременное воздействие на разные органы чувств и по-разному проявляющий себя в традиционной зрелищной культуре и современной визуальной культуре. В традиционных зрелищных формах принцип симультанности реализовывался через особенности жесто-мимического поведения, предметно-вещественную среду, тембро-ритмо-интонационный язык, которые обладают определенным знаковым статусом. В современной экранной культуре принцип симультанности проявляет себя через мультимедийность, то есть соединение в одном видимом пространстве фрагментов разной природы: текста, фотоизображений и любых других статичных изображений, движущихся изображений (кино- и видеофрагментов, в том числе сопровождающихся звуком), специальных графических знаков. Восприятие этого фрагментированного пространства неразрывно связано с понятием скорости, легкого перескакивания с сайта на сайт [8, с. 6]. В итоге основой традиционной зрелищной культуры становится целостный зрительный образ, тогда как в современной визуально-зрелищной культуре зрительный образ фрагментарен и функционирует как знак-клип.

В условиях информационного общества не остаются неизменными и традиционные зрелищные формы и виды искусства, сохраняя при этом «базис» – коллективную форму коммуникации и стремление к эмоционально-эстетическому воздействию на участников. Очевидно, что современная культура наводнена зрелищами и, в еще большей степени, изображениями. Этим обстоятельством человечество обязано тем мощным технологиям, которые со времени изобретения фотографии способствуют нарастанию этой тенденции [9]. Спортивные, политические, военные, религиозные, социальные, относящиеся к зрелищным

видам искусства – сегодняшние зрелища разнообразны и полифункциональны: это средство идеологического воздействия, развлечения, обучения, контроля и распространения информации и т. д. Исходя из специфики современного общества (расцвет массовой культуры, индивидуализация личности, появление свободного времени) большинство зрелищных мероприятий в настоящее время носят развлекательный, досуговый характер. Активный зритель превращается в «человека смотрящего», погруженного в яркий виртуальный мир, где даже спорт является зрелищем, а не физической практикой и не способом саморазвития [8].

Новейшие технические достижения и технологии направлены на увеличение зрелищности, что способствует не только усилению эмоционального эффекта, но и, как следствие, привлечению зрителей. Доминирующим средством выразительности сегодня становятся световое оформление, виртуальные декорации, использование различных экранов и видеопроекций и т. п. – благодаря этим средствам появляются новые формы зрелищ, новые подходы к их постановке. Так, например, в современных спектаклях широко используются видеопроекции, электронные декорации с мультимедийными экранами, множество световых спецэффектов, светодиодные костюмы, конструктивные элементы и площадки с дистанционным управлением. Сегодня компьютерная графика превратилась в широкодоступный инструмент сценографа. В настоящей визуальной эпохе применение передовых технологий в театре очень распространено в сценографии. Новые информационные программы позволяют создавать в компьютерном пространстве эскиз постановки, в котором на сцене появляются виртуальные актеры, предметы декораций, интерьер и другие объекты [10, с. 98]. Чем больше масштаб мероприятия, тем выше фактор зрелищности, способствующий удержанию внимания и сопереживания зрителя.

Существенное влияние на специфику производства и распространения зрелищ в современном обществе оказывают средства массовой информации и коммуникации. Телевидение и глобальная сеть Интернет являются сегодня наиболее распространенными средствами удовлетворения информационных и культурных потребностей, организации досуга, чему способствует их «вездесущность», относительная доступность, непосредственность (прямая трансляция) и аудиовизуальная форма передачи сообщений. С их помощью можно «попасть» на спектакль, концерт, спортивные состязания и пр. Несмотря на определенные «потери» (снижение эмоциональной выразительности, потеря иллюзии реальности происходящего, «плоскостное» изображение, визуальные искажения), зрелищная культура приспосабливается к имеющимся и ищет новые экранные формы, предполагающие виртуальное соучастие.

Таким образом, на рубеже XX–XXI вв. зрелища так же являются неотъемлемой частью жизни общества, хотя и претерпевают существенную трансформацию под воздействием внешних факторов. Одним из таких факторов стал научно-технический прогресс, который не только способствовал появлению новых зрелищных форм (кинематограф, телевидение) и особого типа зрелищно-коммуникационной культуры (экранной), но и глобально расширил возможности трансляции зрелищ, изменил характер взаимоотношений внутри аудитории (переход от непосредственного общения к виртуальному). Эти и другие черты

определяют особенности современной зрелищной культуры в условиях информационного общества.

Список литературы

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=10836>
2. Брокгауз Ф. А., Эфрон И. А. Энциклопедический словарь URL: <http://bibliotekar.ru/bez/257.htm>
3. Давыдов А. А. Зрелищность как культурная основа античной картины мира. Дис... канд. культ. – Иваново, 2014. – 134 с.
4. Хренов Н. А. Зрелища в эпоху восстания масс / Н. А. Хренов. – М.: Наука, 2006. – 646 с.
5. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2004. – 262 с.
6. Негодаев И. А. Информатизация культуры. URL: http://polbu.ru/negodaev_informculture/ch08_all.html
7. Саенкова Л. П. Массовая культура: Эволюция зрелищных форм / Л. Саенкова. – Мн.: БГУ, 2003. – 123 с.
8. Крыжановская Я. С. Визуальное и зрелищное / Крыжановская Я. С. // Вопросы культурологии. – 2009. – № 10. – С. 4–7.
9. Хренов Н. А. Взаимодействие зрелищных и визуальных форм в современной культуре / Н. А. Хренов // Культура культуры. – 2014. – № 4 (4). URL: <http://cult-cult.ru/interaction-of-entertainment-and-visual-forms-in-contemporary-culture/>
10. Бобровская М. А. Новые информационные технологии в современной сценографии / М. А. Бобровская, Д. В. Галкин, В. С. Самеева // Гуманитарная информатика. – 2013. – № 7. – С. 93–105.

Dunkevich S. G., Kuramshina Yu. V. Spectacular Culture in Information-Oriented Society // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 3. – P. 43–50.

This paper presents ways of transformation of traditional entertainment culture in information-oriented society in presents of domination of audiovisual elements. The article is as well focused on identifying features of modern spectacles. The development of information technology led to significant changes in many socio-cultural phenomena, one of which is a spectacle.

Traditional entertainment forms are characterized by simultaneity of action and its perception; special contact between participants when they act at once – actors and audience; opposition of everydayness by demonstrating unusual and exceptional. Presence of a spectator becomes the determining element in this classification. A spectator is a full co-author of a spectacular performance: each spectator reaction forms unique emotional connotations of a particular action, which exists only in the moment of execution and disappears with its termination. From this point of view technical mass spectacles, in which the performance is recorded on tape and subsequently exists unchanged regardless of a viewer, are different. This is explained not only by novelty of technology that gave rise to them, but also by the underlying type of interaction with the audience which differs from the traditional one. The range of spectacular events is very wide: sport events, public rituals and ceremonies, mass celebrations, shows and performances, events that attract attention. While the primary and the most common attribute of a spectacle will be any collectively perceived demonstration of an action.

Since their origin, spectacles played important roles in culture, among which leisure, compensatory, ecstatic and relaxation, communicative and integrative, regulatory, educational, "axiological". In spectacles, like in a mirror, always found reflection spiritual, historical and political life of that era, interests and aspirations of people, their predominant values. Under the influence of information and mass media fundamental changes in all spheres of life take place, new technical mass performances are formed (cinema and television), and transition to visual culture is carried out.

Traditional forms of entertainment and art don't remain unchangeable in the information society, though they keep the "basis" – collective form of communication and pursuit of emotional and aesthetic influence on participants. Because of the specificity of modern society (blooming of popular culture, individualization of personality, enjoyment of free time) currently the majority of spectacular performances are entertaining and recreative in their nature. The active spectator turns into a "watching man", who is delved into a vibrant virtual world, where even sport is a spectacle rather than a physical activity or a way of self-development.

The latest technical achievements and technologies are aimed to enhance staginess; thereby not they not only enhance the emotional effect, but also, as a consequence, attract audience. The dominant means of expression today are light decoration, virtual sets, the use of different screens and video projections, etc. Thanks to these means new forms of spectacles and approaches for their production occur.

Mass media and communication have a significant impact on the specificity of spectacles production and distribution in modern society. Television and Internet currently are the most common means to meet informational and cultural needs.

As a result of the study it was found that at the turn of XX–XXI century spectacles remain an integral part of life of society, although they do undergo significant transformation under the influence of external factors. One of them was technical progress which not only contributed to the emergence of new forms of entertainment (cinema), but also globally expanded capabilities to broadcast spectacles and changed the nature of relationships within the audience (the transition from direct to virtual communication).

Keywords: spectacle, performance, show, entertainment, spectacular culture, visual, visuality, information-oriented society.

References

1. Dal V. I. Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of Russian Language]. URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=10836>
2. Brockhaus F. A. Efron I. A. Entsiklopedicheskiy slovar [Collegiate Dictionary]. URL: <http://bibliotekar.ru/bez/257.htm>
3. Davydov A. A. Zrelishchnost kak kulturnaya osnova antichnoy kartiny mira [Entertainment as a Cultural Foundation of the Ancient Picture of the World]. Candidate's thesis. Ivanovo, 2014, 134 p.
4. Hrenov N. A. Zrelishcha v epokhu vosstaniya mass [Spectacles in the Era of the Uprising of the Masses]. Moscow, Nauka, 2006, 646 p.
5. Toffler A. Tretya volna [Third Wave]. Moscow, AST publ., 2004, 262 p.
6. Negodaev I. A. Informatizatsiya kultury [Informatization of Culture]. URL: http://polbu.ru/negodaev_informculture/ch08_all.html
7. Saenkova L. P. Massovaya kultura: Evolyutsiya zrelishchnykh form [Popular Culture: The Evolution of Spectacles]. BGU, 2003, 123 p.
8. Kryzhanovskaya J. S. Vizualnoe i zrelishchnoe [Visual and Spectacular]. Voprosy kulturologii [Questions of Cultural Studies], 2009, no. 10. P. 4–7.
9. Hrenov N. A. Vzaimodeystvie zrelishchnykh i vizualnykh form v sovremennoy kulture [Interaction of Entertainment and Visual Forms in Modern Culture]. Kultura kultury [Culture of culture], 2014, no. 4 (4). URL: <http://cult-cult.ru/interaction-of-entertainment-and-visual-forms-in-contemporary-culture/>
10. Bobrovskaya M. A. Galkin D. V. Sameeva V. S. Novye informacionnye tehnologii v sovremennoj scenografii [New Information Technologies in Modern Scenography]. Gumanitarnaja informatika [Humanitarian Informatics], 2013, Vol. 7, P. 93–105.

УДК 316.7

СОВРЕМЕННЫЙ МЕГАПОЛИС КАК ФРОНТИРНАЯ ГЕТЕРОТОПИЯ¹

Романова А. П.

Гуманитарный институт, АГУ, г. Астрахань, Российская Федерация

E-mail: aromanova_mail@mail.ru

Основной целью статьи является рассмотрение современного мегаполиса как фронтальной гетеротопии. Для анализа используются два подхода – фронтальный и гетеротопный, которые дополняют друг друга. Мегаполис как фронт представляет собой пространство активного межкультурного, экономического и политического взаимодействия, внутренние границы и центры тяжести которого постоянно перемещаются, что позволяет говорить о формировании новых фронтальных пространств не только на периферии, но и в центральных районах. Как фронт мегаполис включает в себя территории повышенной конфликтности. Особенно на подвижных границах этнических анклавов, социальных гейт-сообществ (кондоминиумов), культурных сообществ. Гетеротопный подход позволяет рассмотреть мегаполис как сложное, комплексное многослойное гетеротопное пространство, включающее в себя комплекс различного типа гетеротопий. Это и традиционные гетеротопные пространства – библиотеки, музеи, театры, тюрьмы и т. д. И новые – анклавные, культурные и этнические, изменяющиеся под влиянием социальных условий. Современный мегаполис уже не представляет собой монолитного монокультурного исторически сформировавшегося поселения с локализованными вкраплениями гетеротопных этноанклавов – гетто. Это – скорее комплекс гетеротопных пространств, как социальных гейт-комплексов, так и этнопригородов (ethnosuburbs). Этнопригород – это не единственный этноанклав, а совокупность этнических сообществ, разделенных подвижными границами. Для современных этнопригородов характерно многоязычие, использование этнических диалектов, билингвальная языковая политика. Внутри этнопригородов культурная обособленность совмещается с культурным соседством. Появляется этнически ориентированная продуманная политическая стратегия.

Ключевые слова. мегаполис, фронт, гетеротопия, этнические анклавы.

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время терминология М. Фуко, связанная с иными, гетеротопными пространствами, все чаще входит в научный оборот не только в области исследования городского пространства, но и всяческих других социальных пространств. Вброшенный в научный оборот М. Фуко термин («Слова и вещи» (1966), «Другое пространство» (1984)) в последние десятилетия начинает использоваться, в том числе и как методологическая основа для гуманитарных

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, заявка 15-33-11172а (ц) «Культурная безопасность в условиях гетеротопии»

исследований, причем не только в урбанистике, но и в филологии и других социальных науках. Появляется отдельное направление – гетеротопология, которая хотя «так и не стала континентом, а оказалась лишь архипелагом довольно разнородных островков» [18, с. 190], но, тем не менее, термин «гетеротопия» становится «рабочим понятием современной гуманитаристики» [19, с. 58].

Сам М. Фуко не дает гетеротопии четкой дефиниции, он скорее описывает ее как реально существующие пространства, эффективно действующие утопии, которые формируются в самом основании общества. Фуко считал, что они представляют собой контр-пространства, в рамках которых другие реальные места, существующие в культуре, одновременно представлены, противостоят друг другу и перевернуты. Эти места находятся за пределами всех мест, хотя в реальности они фактически локализуемы [4, р. 24].

М. Фуко в этой же работе достаточно подробно расписывает шесть основных принципов гетеротопии: универсальность, т.е. наличие гетеротопных пространств практически в любой культуре; гибкая функциональность, поскольку функционал меняется в зависимости от потребностей социума; наличие множественных пространств в одном пространстве гетеротопии; сохранение времени; наличие входа и выхода в гетеротопию; способность контактировать со всеми другими пространствами несмотря на свою обособленность.

В данной статье мы ограничимся перечислением основных принципов, поскольку они достаточно подробно проанализированы как в зарубежной [2], так и в отечественной литературе [20], в том числе и применительно к различным гетеротопным пространствам. В статье «Другое пространство» Фуко выделяет и кратко описывает два типа гетеротопии: гетеротопию кризиса и гетеротопию девиации. Третий тип гетеротопий Фуко четко не артикулирует, называя его «гетеротопией иллюзии» или «гетеротопией компенсации» [4, р. 25]. Гетеротопии этого типа являются характерными для конца индустриальной эпохи и непременным атрибутом постиндустриального общества. Это театры, музеи, кинотеатры, развлекательные центры и другие центры проведения досуга [14]. Этот тип гетеротопии достаточно подробно анализируется в работах последователей Фуко [1]. Типология Фуко дополняется современными вариантами, такими как «гетеротопия убежища» [3].

Возникает вопрос, какие пространства мы можем считать гетеротопией? Мы считаем, что термин «гетеротопия» можно применять не только к территориям, как это часто делается в современной гетеротопологии, но и к пространству как таковому. Оно может быть, как архитектурной гетеротопией (русская часть турецкого Карса), локализованные городские пространства (кладбища, гетто), специализированные локализованные структуры (библиотеки, театры, молы). Однако в последнее время терминология эта получила более широкое применение, мы говорим о гетеротопности ныне весьма широко понимаемого фронтального пространства, о гетеротопности мегаполиса.

МЕГАПОЛИС КАК ФРОНТИР

Классический фронт, в том смысле как понимал его Ф. Тернер, представлял собой территорию подвижных границ, характеризуемую следующими чертами: окраинность заселенной территории; противостояние дикости и цивилизации; сопротивление властям, свобода, демократизм, либерализм; полиэтничность и поликонфессиональность, религиозная свобода; индивидуализм, отрицание старого, новое поле возможностей и т. д. [10]. Однако классик полной систематизации фронтальных черт так и не закончил.

Позднее варианты такой систематизации были предложены российскими исследователями. Систематизируя теоретические представления о фронте, И. П. Басалаева выделяет следующие характерные для фронтальной территории черты: этнокультурная неоднородность групп; неравная численность фронтальных групп; амбивалентно-конфликтное взаимодействие фронтальных групп; изначальная гендерная диспропорция в доминантной фронтальной группе; дальнейшая социокультурная и этническая ассимиляция фронтальных групп; маргинальное («окраинное», «украинное») геополитическое расположение фронтальной территории; отсутствие четких границ – как государственных, так и внутренних; квазиграничность (наличие «естественных пограничных рубежей», зонирование пространства фронта); центрирование фронтальной зоны очагами «городской жизни»; де-факто колониальный статус территории; отсутствие теоретически осмысленной целенаправленной региональной политики; номинальный характер государственной власти; отличие системы управления от таковой в метрополии, рыхлость административно-управленческой структуры; компрадорская по своей сути «местная» элита-нерезидент; «административное бесправие» и произвол; более высокая, чем в метрополии, степень горизонтальной и вертикальной мобильности, несформированность постоянного (местного) населения [13]. Ряд корректив в эту схему внес российский специалист по фронту С. Н. Якушенко [21].

В последнее время понятие «фронт» все чаще стало выходить за рамки традиционного употребления, только применительно к американской истории, так как его понимал Ф. Тернер. Расширилась не только география фронта, он стал применяться к ряду других территорий: Индия (R. V. Pemberton, G. Th. Bayfield, S. Cotton, S. S. Jeyaseela), Канада (Furniss E.), Афганистан (Schofield V.), Австралия (Furniss E.), Африка (О. М. Есаулова), Россия (Khodarkovsky M., Joseph L. Weiczynski, Denis D. P. Show). В России появились школы региональных фронтальных исследований: сибирского (А. Д. Агеев, А. С. Хромых) дальневосточного (А. П. Забияко), южнороссийского (Якушенко С. Н., Якушенко О. С.), кавказского (Урушадзе А. Т.). Все чаще ведется речь о пространстве фронта, которое может быть и сетевым [16], и информационным [12], и пространством мегаполиса.

Концепцию мегаполиса как фронта в течение ряда лет разрабатывала американская исследовательница Саския Сассен. Сассен считает, что современный город, особенно мегаполис, представляет собой новый фронт, поскольку, прежде всего, это место встречи акторов из разных миров, где нет четких правил взаимодействия. Следуя Сассен, можно рассматривать мегаполис как фронтальный

комплекс. Во-первых, это место встречи акторов различных культур. Во-вторых, это стратегический фронт для корпоративного капитала. Современная экономика конструирует в мегаполисах некие формальные инструменты для создания регулируемой среды обеспечения бесперебойно действующего глобального пространства операций. И эти инструменты Сассен считает некими аналогами старым военным фортам на историческом фронтире.

Мегаполис это и политический фронт. Это фронт для тех, «кому не хватает власти, тех, кто находятся в неблагоприятном положении, посторонних, ущемляемых меньшинств» [7, р. 3]. Мегаполис – это пространство, являющееся компасом внутренних конфликтов и различий [8]. Житель мегаполиса не получает «своего места в пространстве автоматически», его нужно обрести, приложив определенные усилия в «завоевании места под солнцем» [14].

Фронт мегаполиса это пространство меняющихся границ мегаполиса и пригородов, мегаполиса и этноанклавов. Сассен считает, что за последние десятилетия изменилась концепция современной границы, она вышла за рамки государственно-национального разделения территорий. Все больше границ обозначает наше соприкосновение не с внешними территориями, а является так называемыми внутренними границами. Иногда эти внутренние границы обозначают пространство внутри чужой территории.

В данной статье мы не будем подробно рассматривать характеристические черты мегаполиса как фронта и сравнивать его с моделями, предложенными как Ф. Тернером, так и И. П. Басалаевой или С. Н. Якушенковым. Отметим только наиболее важную для нас характеристику мегаполисного фронта – он перестает быть окраинным пространством, что является важнейшей чертой исторического фронта, а точечно формируется в различных частях национальных территорий, именно там, где развиваются мегаполисы.

Однако нельзя забывать один важный момент – любой фронт – это гетеротопия, хотя не любая гетеротопия – фронт. Фронт гетеротопен в силу того, что он представляет собой «другое» пространство, включающее в себя множественные подпространства. Возникает он часто как гетеротопия девиации, собирая на свою территорию маргинализированные личности, позже в фольклоре приобретающие героизированный характер. Фронт может накапливать время, сохраняя традиции. Соединяя фронтную и гетеротопную методологии исследования применительно к изучаемому нами пространству мы расширяем возможности анализа сложных социальных пространств. Специфика межкультурных коммуникаций на гетеротопных пространствах фронта в диахронном аспекте достаточно подробно описана в одной из наших предыдущих публикаций на примере кейса кавказского фронта [17].

Если мы не принимаем во внимание базисные принципы, характеризующие фронт, такие как окраинность, то чем в данном случае является понятие фронта – неким клише, метафорой или все-таки термином, который ставит на одну линию классический фронт и фронт современный. Часть пространства мегаполиса, прежде всего на местах соприкосновения районов проживания граждан традиционной для данного мегаполиса культуры и анклавных районов, можно

рассматривать как фронт, поскольку это пространство «между», поле активных межкультурных коммуникаций, достаточно подвижное, с расплывчатыми, постоянно передвигающимися границами, со своими конфликтогенными зонами. С другой стороны, современный мегаполис, как пространство множественных локализованных, но в определенных ситуациях, пересекающихся культурных и социальных пространств, представляет собой гетеротопию.

МЕГАПОЛИС КАК ГЕТЕРОТОПИЯ

На современном этапе, когда во фронт превращается и пространство мегаполиса, фронтальная гетеротопия проявляется еще более выпукло.

На территории города испокон веков были гетеротопные пространства – театры, музеи, кладбища, библиотеки, бордели и т.д. Были этнические анклав-гетеротопии – гетто. Они существовали во многих европейских городах (Прага, Венеция, Варшава). Надо отметить, что изначально это была добровольная консолидация еврейского этноса в определенном пространстве связанная с его культурными особенностями. [11, р. 262], позднее гетто приобрели принудительную и политическую окраску («социальные гетто»). Позднее, в восемнадцатом веке появились чайнатауны (Бангкок и Нагасаки), латинские кварталы, так называемые негритянские гетто и т. д.

Пространство города традиционно со времен античности рассматривавшееся как бинарная оппозиция: публичное, политическое (агора) / частное, экономическое (ойкос), ныне дополняется неким третьим пространством. Л. Лофланд [5] называет его парохияльным, а Дехаан и Декаутер [2] определяют его, следуя Гипподамовой схеме, как священное. Локализованные этнические анклав-гетеротопии и представляют собой парохияльное (иногда его переводят как местечковое) пространство внутри города. Локальные пространства – гетеротопии городского фронта могут рассматриваться, с одной стороны, как девиационные гетеротопии, поскольку объединяют людей, которые не смогли или не захотели полноценно интегрироваться в социальное пространство принявшего их сообщества, с другой стороны, как убежища (ультимативные гетеротопии).

Это третье, «другое» пространство не является ни чисто публичным, ни локализовано частным. Оно может быть даже территориально не локализованным (киргизское сообщество Москвы). Хотя внутри такого пространства обособляется частная жизнь другой культурной группы (своя экономическая инфраструктура, культурные связи, традиции, язык), это пространство имеет и политические характеристики. Внутри таких анклавов возникают протестные движения, оформленные чаще всего в виде стихийных бунтов, погромов, избиений, а на фронтальной территории по ту сторону границы появляются контр-протестные явления, выражающиеся как в политических лозунгах, так и в сознательном обострении системы межкультурных коммуникаций (запреты на ношения хиджаба в школе, строительства высоких минаретов, появление на общественных пляжах в буркини). Каждый мегаполис имеет свою специфику. Анализируя политическую ситуацию в Парижском мегаполисе, Дюффуа считал, что он гетеротопен прежде всего в силу своей многокультурности и анклавно-геттообразности. Парижские анклав-гетто не

появились стихийно, «задуманные и сконструированные как вполне автономные образования, – со своими магазинами, школами и службами, которые обеспечивают всем необходимым, – они трансформировались в настоящие гетеротопии. Когда коренные французы покинули эти кварталы, и “три блестящих десятилетия” (имеется в виду послевоенное время) подошли к концу, обитатели этих пригородов лишились работы, выпали из города, из общества» [15]. Эти территории стали территориями «избегания» для жителей соседних кварталов, власти и полиция тоже перестали обращать на них внимание, они стали «пространственными символами обратной стороны общества» [15]. Все бунты и конфликты, происходившие исключительно ночью, были символами неподчинения этой территории юрисдикции официальной администрации.

Надо сразу оговориться, что мегаполис является гетеротопией прежде всего поскольку он имеет внутри себя ряд гетеротопных подпространств. В данном случае мы не будем затрагивать такие исторически сформировавшиеся структуры как гетеротопии иллюзий, они участвуют в социальном процессе весьма опосредовано. Можно выделить как минимум два интенсивно развивающихся типа внутримегаполисных гетеротопий. Во-первых, это кондоминиумы, gate-территории, представляющие собой огражденное пространство комфортной жизни высокого уровня для ограниченного числа горожан. По сути это гетеротопии-убежища, но не от власть-предержащих, а от социальных проблем города. Данные гетеротопии не являются политическими акторами, не представляют собой источник социальных и политических волнений, они скорее могут выступить не как субъект, а как объект политической провокации.

Нас больше интересует другой тип мегаполисных гетеротопий – этнические и культурные анклавов. Этот тип гетеротопии объединяет в себе гетеротопию девиации и гетеротопию убежища, но на этот раз уже от натиска социальных требований и давления государства. Если культурные анклавов представляют собой культурную девиацию ЛГБТ-сообщества, неформалов всех видов, клубы по интересам, территории которых могут не иметь четко выраженных границ и представлять собой свободное публичное пространство [1], то этнические анклавов в большинстве случаев имеют территориальные границы.

Анклавов как гетеротопии амбивалентны. С одной стороны, они являются тем самым парохильным пространством, а с другой стороны, публичным. Именно подвижные границы, формально весьма прозрачные, а неформальные достаточно четко обозначенные, этнических анклавов и представляют собой ту самую мегаполисную фронтальную гетеротопию. Именно она олицетворяет собой концентрацию культурной инаковости на ограниченном пространстве. Амбивалентны анклавов и в том, что, с одной стороны, дают возможность усиленного контроля за их населением со стороны государства, с другой являются пространствами, аккумулирующими протестные настроения и потому, как это было в Париже, неконтролируемым силовыми структурами. Современное общество культурно, этнически, экономически фрагментированное в мегаполисах способствует появлению гетеротопных анклавов как исключаяющих, вытесняющих пространственных устройств (*exclusionary spatial device*).

Современные анклавные территории сами становятся дисперсными, часть из них аккумулируется в этнических пригородах мегаполисов. Так китайское население Нью-Йорка сосредоточено на данный момент не в одном, а в трех чайна-таунах: старейший на Манхэттене, численность обитателей которого постепенно сокращается, самый населенный – Бруклинский и догоняющий его Флашинг (Квинс) (Flushing Queens). Флашинг – это не просто этнический анклав, это весьма дисперсная территория, где даже чайнатаун представляет собой комплекс мини-анклавов. Внутри большого китайского Чайнатауна существуют более узкие этнические сообщества: мандарин-таун, маленький Тайвань, маленький Гонконг и т. д. Здесь можно услышать множество китайских диалектов, увидеть рестораны различных провинциальных китайских кухонь – тайваньской, шанхайской, хунаньской, сычуаньской и даже малоизвестной дунбэйской [7]. Рядом с чайнатауном – корейский анклав, со всей атрибутикой корейской культуры. Рядом расположены и мини-анклавы малайзийцев, шриланкийцев, индусов и т. д. Азиатская часть Флашинга наиболее весома – 44,3%. Около 20% населения Флашинга – сообщества белых европейцев: ирландцев, греков, итальянцев, испанцев, русских [9].

Флашинг действительно фронтален, рядом на одной улице вы можете увидеть китайский, тайский и вьетнамский рестораны. В одном квартале – индуистские храмы, соседствующие с католическими и конфуцианскими. А в церкви святого Георга середины XIX века, принадлежащей англиканской церкви, службы идут на китайском, испанском и английском языках. Таким образом, модернизированные гетеротопные анклавные территории перестают быть гетеротопиями-убежищами, в силу их интенсивного и быстрого развития и представляют собой совмещение культурной обособленности с культурным соседством. Растет и политический вес Флашинга. Активная целенаправленная деятельность в русле выстроенной этнически ориентированной политики, направленная не против, а в русле государственной политики, позволила членам китайской общины Флашинга стать новыми членами Нью-Йоркского городского совета и даже членами конгресса.

ВЫВОД

Современный мегаполис представляет собой гетеротопное пространство нового фронта. Мегаполис как фронт представляет собой пространство активного межкультурного, экономического, политического взаимодействия, внутренние границы и центры тяжести которого постоянно перемещаются, что позволяет говорить о формировании новых фронтальных пространств не только на периферии, но и в центральных районах. Одновременно мегаполис представляет собой сложное, комплексное многослойное гетеротопное пространство, включающее в себя комплекс различного типа гетеротопий. Это – и традиционные гетеротопные пространства – библиотеки, музеи, театры, тюрьмы и т. д. И новые – анклавные, культурные и этнические, изменяющиеся под влиянием социальных условий. Современный мегаполис уже не представляет собой монолитное монокультурное исторически сформировавшееся поселение с локализованными вкраплениями гетеротопных этноанклавов-гетто. Это скорее комплекс гетеротопных пространств,

как социальных гейт-комплексов, так и этнопригородов (ethnosuburbs). Этнопригород – это не единичный этноанклав, а совокупность этнических сообществ, разделенных подвижными границами. Для современных этнопригородов характерно многоязычие, использование этнических диалектов, билингвальная языковая политика. В повседневной культуре даже уличные объявления используют два языка – государственный и этнической общности. Внутри этнопригородов культурная обособленность совмещается с культурным соседствованием. Появляется этнически ориентированная продуманная политическая стратегия.

Список литературы

1. Allweil Y. Kallus R. Public-Space Heterotopias: Heterotopias of Masculinity Along the Tel Aviv Shoreline / Allweil Yael and Kallus Rachel // Dahaene Michiel, De Cauter, Lieven. *Heterotopia and the Sity*. Routledge. 2008. – P 191–202.
2. Dahaene M. De Cauter L. / Dahaene Michiel, De Cauter Lieven // *Heterotopia and the Sity*. Routledge. 2008. – 354 p
3. De Cauter L. A Space of Play. Berlage Institute Reader / Lieven De Cauter, Michiel Dahaene. – Rotterdam, 2009.
4. Foucault M. Of Other Spaces // *Diacritics*. – 1986. – Vol. 16. – no. 1. – P. 22–27
5. Lofland L. *The Public Realm* / L. Lofland. New York: Aldine De Gruyter, Transaction Publishers, 1998. – 305 p.
6. Moskin Julia "Northeast China Branches Out in Flushing". *The New York Times*. – February 9, 2010. URL: <http://www.nytimes.com/2010/02/10/dining/10chine.html> (Дата обращения 18.12.2016).
7. Sassen S. *The City: Today's Frontier Zone* // *Glocalism: journal of culture, politics and innovation*. – 2014. – Iss. 3. URL: <http://www.glocalismjournal.net/Issues/GLOBAL-CITIES/Articles/The-City-TodayS-Frontier-Zone.kl>
8. Sassen S. When the center no longer holds: Cities as frontier zones. *J. Cities* (2012), <http://dx.doi.org/10.1016/j.cities.2012.05.007>. URL: <http://www.saskiasassen.com/PDFs/publications/when-the-center-no-longer-holds.pdf>
9. Table PL-P3A NTA: Total Population by Mutually Exclusive Race and Hispanic Origin – New York City Neighborhood Tabulation Areas*, 2010. Population Division – New York City Department of City Planning (March 29, 2011). URL: https://www1.nyc.gov/assets/planning/download/pdf/data-maps/nyc-population/census2010/t_pl_p3a_nta.pdf (Accessed June 14, 2016).
10. Turner F. J. *The frontier in American history*. – N.-Y.: Courier Dover Publications, 1996, 348 p.
11. Wirth L. *The ghetto* // *Community life and social policy: Selected papers by Louis Wirth*. – Chicago: University of Chicago Press, 1956, P. 261–274.
12. Баева Л. В. Типология и проблемы изучения Южно-российского фронта // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 1. – 2014. – № 2. – С. 32–39
13. Басалаева И. П. Критерии фронта: к постановке проблемы / И.П. Басалаева // *Теория и практика общественного развития: электронный научный журнал*. – 2012. – № 2. – С. 46–49
14. Газнюк Л. М. Экзистенциально–антропологический статус человека в мегаполисе / Газнюк Л. М. // *Научный результат*. Серия «Социальные и гуманитарные исследования». – 2015 – Вып. № 3 – С. 93–101
15. Дюфуа С (Stéphane Dufoix) Больше чем бунт: политические вопросы URL: <http://dialogs.org.ua/ru/cross/page9043.html><http://riotsfrance.ssrc.org/Dufoix/>
16. Морозова Е. Фронт сетевых обществ / Е. Морозова, И. Мирошниченко, Н. Рябченко // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2016. – Том 60. – № 2. – С. 83–97
17. Романова А. П. Специфика межкультурных коммуникаций на фронтальных территориях / А. П. Романова // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. – 2015. – № 3. – С. 266–271.
18. Харламов Н. Гетеротопии: странные места в городских пространствах постгражданского общества. Рецензия / Н. Харламов // *Журнальный клуб Интелпрос «Синий диван»*. – 2010. – № 15. – С. 189–197.

19. Шестакова Э. Г. Гетеротопия – рабочее понятие современной гуманитаристики: литературоведческий аспект / Э. Г. Шестакова // Критика и семиотика. – 2014. – № 1. – С. 58–72.
 20. Якушенкова О. С. Образ чужого в гетеротопных пространствах фронта. Дисс. ... канд. филос. наук. – Астрахань, 2014. – 209 с.
 21. Якушенов С. Н. Фронт как культурная парадигма / С. Н. Якушенов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – № 1 – С. 288–298.
- Romanova A. P. Modern megalopolis as a frontier heterotopia** // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 3. – P. 51–60.

The main aim of the article is the review of a modern megalopolis as a frontier heterotopia. For the analysis of it two approaches are used – frontier and heterotopic, which complement each other. Megalopolis as a frontier represents the area of active cross-cultural, economic, political interaction, inner borders and centres of heaviness of which move constantly, that allows to speak about the formation of new frontier spaces not only in periphery, but in central districts too.

Being a frontier, a megalopolis includes the territories of heightened conflictogenity, especially on the mobile borders of ethnical enclave, social gate-societies (condominiums), cultural communities. Heterotopic approach allows reviewing a megalopolis as a complicated, complex multilayer area, including the complex of different types of heterotopies.

These are either traditional heterotopic areas – libraries, museums, theatres, prisons, etc., or new enclave, cultural and ethnical ones, changing under the influence of social conditions. A modern megalopolis has not presented a monolithic multicultural historically formed settlement with localized inclusion of heterotopic ethno enclaves – ghetto. It is more a complex of heterotopic areas, either social gated-complexes or ethno suburbs.

An ethno suburb is not a single ethno enclave that is a complex of ethnical communities, having been divided by mobile borders. Modern ethno suburbs are characterized by multilingualism, the usage of ethnical dialects, bilingual linguistic policy. Inside ethno suburbs a cultural insularity is combined with cultural neighborhood. Ethnically oriented mature political strategy appear.

Keywords: megalopolis, frontier, heterotopia, ethnic enclaves.

References

1. Allweil Y. Kallus R. Public-Space Heterotopias: Heterotopias of Masculinity Along the Tel Aviv Shoreline. Dahaene Michiel, De Cauter, Lieven. Heterotopia and the Sity. Routledge, 2008, P. 191–202.
2. Dahaene M. De Cauter L. Heterotopia and the Sity. Routledge, 2008, 354 p.
3. De Cauter L. A Space of Play. Berlage Institute Reader. Rotterdam, 2009,
4. Foucault M. Of Other Spaces. Diacritics, 1986, Vol. 16. no. 1, P. 22–27
5. Lofland L. The Public Realm. Transaction Publishers, 1998, 305 p.
6. Moskin Julia. "Northeast China Branches Out in Flushing". The New York Times. February 9, 2010. URL: <http://www.nytimes.com/2010/02/10/dining/10chine.html> (Accessed December 18, 2016)
7. Sassen S. The City: Today's Frontier Zone. Glocalism: Journal of Culture, Politics and Innovation, 2014, Iss. 3. URL: <http://www.glocalismjournal.net/Issues/GLOBAL-CITIES/Articles/The-City-TodayS-Frontier-Zone.kl>
8. Sassen S. When the Center no Longer Holds: Cities as Frontier Zones. J. Cities (2012), <http://dx.doi.org/10.1016/j.cities.2012.05.007> URL: <http://www.saskiasassen.com/PDFs/publications/when-the-center-no-longer-holds.pdf>
9. Table PL-P3A NTA: Total Population by Mutually Exclusive Race and Hispanic Origin – New York City Neighborhood Tabulation Areas, 2010. Population Division – New York City Department of City Planning (March 29, 2011). URL: https://www1.nyc.gov/assets/planning/download/pdf/data-maps/nyc-population/census2010/t_pl_p3a_nta.pdf (Accessed June 14, 2016)
10. Turner F. J. The Frontier in American History. N.Y., Courier Dover Publications, 1996, 348 p.

11. Wirth L. The Ghetto. Community life and Social Policy: Selected Papers by Louis Wirth. Chicago, University of Chicago Press, 1956, P. 261–274.
12. Baeva L. V. Tipologiya i problemy izucheniya Yuzhno-rossijskogo frontira [Typology and Study the Problems of the South-Russian Frontier]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1. [Bulletin of Volgograd State University. Series 1], 2014, no. 2, P. 32–39
13. Basalaeva I. P. Kriterii frontira: k postanovke problemy [Frontier Criteria: to the Problem]. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya: ehlektronnyj nauchnyj zhurnal [Theory and Practice of Social Development: an Electronic Scientific Journal], 2012, no. 2, P. 46–49.
14. Gaznyuk L. M. Ekzistencial'no-antropologicheskij status cheloveka v megapolise [Existential-anthropological Status of a Person in the City]. Nauchnyj rezul'tat. Seriya «Social'nye i gumanitarnye issledovaniya» [Scientific results. A series of “Social and Humanities Research”], 2015, Iss. 3, P. 93–101.
15. Dyufua Stefan (Stéphane Dufoix) Bol'shechem bunt: politicheskie voprosy [More than Revolt: Political Issues]. URL: <http://dialogs.org.ua/ru/cross/page9043.html> <http://riotsfrance.ssrc.org/Dufoix/>
16. Morozova E., Miroshnichenko I., Ryabchenko N. Frontir setevogo obshchestva [Frontier Network Society]. Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Implications Relationship], 2016, Vol. 60, no. 2, P. 83–97.
17. Romanova A. P. Specifika mezhkul'turnyh kommunikacij na frontirnyh territoriyah [The Specifics of Intercultural Communication at Frontirnyh Territories]. Kaspiskij region: politika, ehkonomika, kul'tura. [Caspian Region: Politics, Economy, Culture], 2015, no. 3, P. 266–271.
18. Harlamov N. Geterotopii: strannyemesta v gorodskih prostranstvah postgrazhdanskogo obshchestva. Recenziya [Heterotopias: Strange Places in the Urban Spaces of the Post-Civil Society. Review]. Zhurnal'nyj klub Intelros «Sinij divan» [Coffee Club Intelros “Blue sofa”], no. 15, 2010, P. 189–197.
19. Shestakova E. G. Geterotopiya – rabochee ponyatie sovremennoj gumanitaristiki: literaturovedcheskij aspekt [Heterotopia – a Working Concept of the Modern Humanities: Literary Aspect]. Kritika i semiotika [Criticism and Semiotics], 2014, no. 1, P. 58–72.
20. Yakushenkova O. S. Obraz chuzhogo v geterotopnyh prostranstvah frontira. Diss. kand. Filos. nauk [The Image of a Stranger in the Frontier Heterotopic Spaces. Candidate's Thesis]. Astrahan', 2014, 209 p.
21. Yakushenov S. N. Frontir kak kul'turnaya paradigma [Frontier as a Cultural Paradigm]. Kaspiskij region: politika, ehkonomika, kul'tura [Caspian Region: Politics, Economy, Culture], 2015, no. 1, P. 288–298.

УДК: 304.5

ЛЕЗВИЕ И РУКОЯТЬ (ОТ ОСЕВОГО ВРЕМЕНИ ДО СМУТНЫХ ВРЕМЁН ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЫ)¹

Шоркин А. Д.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: alexshorkin@mail.ru

В статье рассмотрены два периода культурного развития – раннего железного века и позднего. Посредством метафор «лезвие» и «рукоять» выявляется особенность технологических² инновации в значении силы, рассекающей естественные связи человека с миром, и в значении силы, соединяющей человека с искусственным миром техники. Отмечается, что в первом периоде «лезвие» техники было удачно прилажено к «рукояти». «Осевое время» стало периодом бурного роста инновационной активности. К лидирующим технологиям раннего железного века автор относит: производство и применение железа, а также распространение богарного земледелия. В числе лидирующих технологий также отмечены образование полисов и становление философии. К этому же периоду относится генезис способов и инструментов глобальной коммуникации (рационального знания, мировых религий и алфавитного письма, денежного обращения, торговых инфраструктур и способов пространственной ориентации). Во втором периоде технологии образования и воспитания, обеспечивающие трансляцию культурного наследия, оказались в значительной степени повреждёнными. Темп технологических инноваций заметно, в два раза, снизился. Население планеты сократилось на одну четверть. Автор делает вывод, что период позднего железного века характерен «сломанной рукоятью», не выдержавшей тяжести и мощи технологических возможностей «лезвия». Технические инновации осуществлялись в экстенсивном ключе, продолжая тренды развития унаследованных достижений, но, как правило, без революционных прорывов. К немногим исключениям относятся такие инновации, как бетон, застеклённые окна или водоподъёмные колёса. Среди гуманитарных и социальных инноваций заметную роль играют: становление христианства и массовое применение PR-технологий, концепция гелиоцентрической системы мира и методы алхимии; в живописи – прямая перспектива и жанр портрета. Однако ценные инновации остались разрозненными и поодиночке более слабыми, чем могли бы быть при сохранении институтов трансляции культуры, которые во многом были разрушены. Технологические и социальные инициативы оказались нерелевантными гуманитарному

¹ Настоящая статья продолжает серию, начатую автором в публикациях «Учёных записок Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Философия. Политология. Культурология» (Том 1 (67) № 1 и № 2 за 2015 год).

² Понятием «технология» автор ограничивает область средств техники, тогда как более широкое понятие «технологии» относится также к сферам гуманитарных и социокультурных установлений (см. первую из данной серии статью автора «К истории технологической оснащённости человечества» в «Учёных записках Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Философия. Политология. Культурология», Том 1 (67), 2015, №1).

инструментарно, обеспечивающему преобладание культурного опыта. За что человечество расплатилось страшной ценой демографического провала.

Ключевые слова: железный век, осевое время, технология, трансляция культуры, инновация, коммуникация.

«Лезвие» техники, рассекающей естественные связи, составляет границу между техникой и природой, а «рукоять» – это та грань, которая соединяет мир техники с человеком. Согласно Д. Н. Козыреву, автору этих полезных метафор [5, с. 126], хорошее лезвие нуждается в добротной рукояти, иначе и до беды недалеко. Иными словами, развитие материальных технологий как-то сочетается с динамикой социальных и гуманитарных технологий, хотя отнюдь не просто и не легко. Дуглас Норт показал, что эффективность инноваций в истории мировой экономики всегда зависела от развитости институтов – как социальных (общественных), так и политических (государственных), – за что и получил Нобелевскую премию. Гуманитарные новшества то отстают от технических инноваций, то (правда, заметно реже) намного опережают время, но тогда их распространение ограничивается, а их смыслы усекаются. Первые христиане выгоняли менял из храмов, но разве их там нет и теперь, через две тысячи лет, – мы что, «успешность» стали измерять умением любить и смирением, а не деньгами? Какие изыскания «лезвия» и «рукояти» привели к тому, что великолепные достижения осевого времени сменились смутным временем демографической катастрофы, начавшейся с первых столетий новой эры?

ЛИДИРУЮЩИЕ ИННОВАЦИИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА (ОСЕВОГО ВРЕМЕНИ)

С лёгкой руки Карла Ясперса под «осевым временем» понимается культурный период с IX по II век до новой эры, который во многом заложил основы современной научно-технической цивилизации. Исследователи при этом чаще оперируют фактами европейской культуры, но, заметим, что китайский период Чжоу, характерный схожими процессами разложения и секуляризации архаичной культуры, также датируется XI – III веками. «Железным» же (по сравнению с «бронзовым») веком археологам, имеющим дело с артефактами, издавна было удобно именовать примерно тот же, или более продолжительный период, за время которого бронзовые орудия труда были почти полностью и повсеместно вытеснены железными. Период с VIII по III столетия до новой эры часто называют «ранним железным веком», который сменяется «поздним», длящимся до VI века новой эры.

Мы начнём его отсчёт несколько раньше, с XIII века до новой эры, когда к северо-востоку от горы Арарат жители посёлка Шохдок-Карадаг уже получали железо из руды и владели технологиями термической обработки стали. Навыки эти хранились в глубокой тайне, ибо имели колоссальное военное и хозяйственное значение, а цена железа, во что сейчас трудно поверить, многократно превышала цену золота. Дороговизна стали (которая лишена хрупкости бронзы, пластична и гораздо более тверда) связана была с исключительной редкостью метеоритного и самородного железа, а также с высокой температурой его плавления. При

получении же его из распространённых железных руд нужно было преодолеть ряд технологических трудностей: научиться руду обогащать, очищать её от ненужных примесей, отыскивать для неё нужные присадки. Восстановление руды некоторые умельцы начали осуществлять так называемым «сыродутным» способом, в горнах, и этот найденный тогда способ оставался единственной промышленной технологией производства железа почти три тысячи лет – вплоть до XIV века новой эры [9].

На подчинённый хеттским князьям Северный Кавказ такой новый и недорогой способ получения железа был транслирован из Урарту, Малой Азии и Китая, что уверенно отодвигает датировку этого выдающегося технологического достижения человечества ещё на несколько столетий. В широком же масштабе производство доступного по цене железа постепенно начинается, однако, только с первого тысячелетия до новой эры. Пятое-третье столетия в Китае – это уже века торжества железных технологий, времена резкого подъёма производства и производительности труда [1, с. 129]. Набирает силу частный сектор экономики, ограничиваются привилегии аристократии, проводятся правовые реформы. Уже в X веке и в Китае, и в Средиземноморье распространены железные кирки, мотыги, а деревянные лопаты обиты в нижней режущей своей части железными пластинами. Через два столетия, к VII веку, появляются и первые плуги с железным лемехом.

Подобными новыми орудиями, получившими массовое распространение, теперь удавалось обрабатывать не только привычные «мягкие» поля, но также почвы более твёрдые и каменистые. Сначала в традиционных зонах орошаемого земледелия, а затем и за их пределами возникают зоны богара – земель, на которых сельскохозяйственные культуры выращиваются небывалым способом – без полива. Предпосылку экономического развития Китая составило именно освоение новых земель, начавшееся с восьмого века. Инновационные технологии богарного земледелия (от персидского слова «бехар» – весна), переход к которому занял в планетарном масштабе до полутора тысяч лет, действительно, вплоть до настоящего времени остаются весенним пробуждением жизни, важной цивилизационной вехой на пути к продовольственному благополучию. Ибо размеры площадей орошаемых земель в сравнении с богарными полями гораздо более скромны. Расширение же их требует колоссальных затрат на мелиорацию и сопровождается кровавыми конфликтами за источники воды, а интенсивное использование орошаемых земель к тому же приводит к засолению почв и подземных вод. Что с прискорбным постоянством и происходило в прошедшей истории.

Производная от технологии железа технология богарного земледелия сопровождалась, понятно, огромным множеством нововведений. Среди самых крупных из них – культура севооборота, способствующая рациональному использованию богарных земель. Или другой, фиксируемый археологами факт: для переработки полновесных урожаев, получаемых с растущих площадей зерновых угодий, именно тогда начали изготавливаться и применяться каменные жернова.

Помимо революционных технологий железа и богарного земледелия, номенклатуру лидирующих групп технологий данного, четвёртого этапа мировой истории инноваций составили также такие заметные социальные и гуманитарные

новшества, как а) полис, б) философия и в) инструменты глобальной коммуникации.

Многочисленные города-государства (число которых, уже отчасти утративших суверенитет, только в одном царстве Селевкидов составляло около семидесяти) могли успешно существовать вне империй исключительно благодаря наличию новых технологий богарного земледелия и развитой системе торговых отношений. И то, и другое могло существовать вне империй, что служило главной предпосылкой обеспечения независимости полисов. Конкуренция и отстаиваемая независимость полисов привели не только к росту военных технологий, но также к всплеску искусства градостроительства, к росту качества и дизайна предметов быта. На стройках теперь используются подъёмные краны, отвесы и ватерпасы, сооружаемые комплексы оснащаются сложными и разнообразными системами водоснабжения. Храмы грандиозны и роскошны. Бытовые предметы массового хождения часто украшены смальтой. Многослойная керамика, сначала расписная, а позже рельефная, эффективно отвечает утилитарным целям и, одновременно, совершенна эстетически. Простой светильник или амфора характерны стилистикой, которую тысячелетия спустя откроют второй раз и станут называть «функциональным модерном». Предметы роскоши поражают тонкостью и изысканностью отделки.

Последующий кризис полисов был вызван чрезмерным имущественным расслоением – сосредоточением богатства в руках немногих и снижением жизненного уровня большинства. Сорок лет войн, которые вели тщеславные и жадные диадохи, стали в красивой истории вольных полисов жирной и грязной точкой. В итоге именно слабости социальных и гуманитарных технологий вынудили заменить былое достоинство суверенных полисов имперскими амбициями военно-политических объединений.

Однако культурная спецификация регионов продолжала упрямо наращиваться. Первобытная унификация артефактов стремительно сменялась их разнообразием и несхожестью. Каменные рубила, обсидиановые бусинки или палеолитические Венеры из разных мест планеты под силу различить разве что специалисту. Специфика китайских или греческих изображений, индийских, среднеазиатских или перуанских скульптур теперь ярка и очевидна.

Конечно, культурное расхождение началось гораздо раньше – ещё со времён расселения людей по планете. Разные условия обитания привели в одном регионе – к созданию лука, в другом – духового ружья или бумеранга. Неизбежна разная одежда и габитусы, разные символы и герои. Расхождение это ранее всегда надёжно поддерживалось оригинальными комплексами мифов. Но ими же, мифами, оно одновременно и стабилизировалось, так как комплексы мифов были распространены и безусловны на больших территориях. С появлением философии эта прежняя эффективная система стабилизации культурных различий была дискредитирована, а впоследствии во многом снята. Впервые в истории культур философией была санкционирована оригинальность, право на самостоятельное мышление и на свободное творчество индивида.

«Философией», то есть, буквально, «любовью к мудрости» тогда считали всякое добротное рациональное знание, не привязанное к мелочной суете утилитарной выгоды. С середины тысячелетия и в Китае, и в Индии, и в Средиземноморье почти синхронно возникают и разрабатываются её разделы – онтологические и метафизические представления, этические воззрения, появляются астрономические концепции, карты звёздного неба и звёздные каталоги. Трудности математических выкладок преодолевались с помощью первых калькуляторов – «абаков». Слабое владение логикой и риторикой во многих культурах того времени приравнивалось к невежеству.

Возникший феномен рационального знания с той поры остаётся действующим инструментом глобальной связности: математические расчёты или карты неба правильны либо ошибочны везде, в любых культурах. Именно с ростом рациональности (Е. С. Ляпин), с путём «от мифа – к логосу» (Ф. Кессиди) исследователи нередко связывают вообще весь процесс становления цивилизации, её освобождения от «пут» архаичных традиций [6, с. 293, 312].

Коммуникативной связности культур способствовали также процессы становления мировых религий – иудаизма и буддизма. Открытый торговыми народами Финикии и Крита алфавит приобретает универсальный характер организации письма, которому следует большинство народов. В Китае, Египте и Лидии появляются монеты (сначала литые, потом чеканные) как универсальное средство расчёта в коммерческих сделках. Торговые пути стимулируются развитием дорожных сетей, даже через широкие реки теперь строят мосты (в том числе и каменные). Глобальной связности способствуют также появившийся компас и географические карты с линиями широты и долготы.

Таким образом, новое отточенное «лезвие» технологий оказалось столь удачно прилаженным к «рукояти» технологий социального и гуманитарного толка, что грекам удалось победить персов, распространить своё влияние в глобальных масштабах, взрастить «цветок» эллинизма, а потом передать блестящее наследие Риму. Чему и способствовали такие лидирующие инновационные технологии VIII-II веков до новой эры, как:

- производство и применение железа;
- распространение богарного земледелия;
- образование полисов;
- становление философии;
- генезис способов и инструментов глобальной коммуникации (рационального знания, мировых религий и алфавитного письма, денежного обращения, торговых инфраструктур и способов пространственной ориентации).

ИННОВАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ ЭТАПА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА ПОЗДНЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА (III в. до н. э. – V в. н. э.)

Период от второго века до новой эры до конца четвёртого столетия интересен для исследователя парадоксальным сочетанием, с одной стороны, продолжающегося, хотя и ощутимо замедлившегося, реального прогресса

технологий, а с другой – фактом демографической катастрофы планетарного масштаба, унесшей почти четверть мирового населения³.

Технические инновации в разных регионах мира продолжали прирастать, но, как правило, лишь в соответствии с трендами прошлых этапов. Нововведений, которые кардинально меняли бы мир, в этот период было сделано сравнительно немного, в основном продолжали лидировать инновационные технологии прошедших этапов. У кельтов на данном этапе появились металлургические цехи, в Индии и Египте – технологии набивки тканей, в Китае – хомут, бумага и усовершенствованный ткацкий станок. Построенный в те времена жителями Поднебесной канал между реками Тингэ и Лаохэ позволил оросить колоссальную площадь – две тысячи квадратных километров посевных земель. Повсеместно стали рыть артезианские колодцы, для подъёма воды из которых начали использовать водоподъёмные колёса и тягловую силу животных. Совершенствовались строительные техники, росли масштабы возводимых сооружений.

Храмовый комплекс инков Тиауанако построен в этот период из блоков, вес которых достигал ста тонн. В соседней империи Уари блочные каменные кладки сооружений её городов, как и крепиды целой сети дорог, характерны сейсмостойкими технологиями, которые, как правило, до сих пор успешно выдерживают испытания землетрясениями. В Европе был придуман и стал применяться бетон, а в Индии – уникальные технологии создания пещерных храмов, целиком выдолбленных в скалах (вместе с резными капителями колонн и множеством скульптурных групп). Колоссальный Колизей в Риме по масштабам и убранству превзошёл все ранее возведённые на планете сооружения для зрелищ. Пол его огромной арены мог подниматься и опускаться, или превращаться в озеро, на котором устраивались настоящие морские сражения. Термы Каракаллы располагались на 12 гектарах, площадь главного их здания превышала 20 тысяч квадратных метров. Многокрасочные мозаики и цветной мрамор покрывали стены, посетителей терм окружали комфорт и роскошь, сквозь застеклённые окна в перспективах колоннады открывались прекрасные виды. Мрамором стали облицовывать и отдельные жилые дома, в которых также были застеклены окна, и которые отапливались горячим воздухом. Технологиям строительства и изыскам архитектуры Герон и Витрувий посвящают специальные обширные трактаты, дискурс которых уже отчётливо расположен за пределами философского знания.

В области же философии астролог Аристарх Самосский предвосхищает концепцию Коперника. В эллинской Александрии развивается её новая область – алхимия. В сфере этики Средиземноморская философия характерна наличием самых разнообразных и противоречащих одна другой концепций. Возможно, именно этот безмятежный плюрализм сыграл деструктивную для Рима роль.

Один из стержневых гуманитарных трендов, хотя поначалу вовсе не очевидный, в данный период составило распространение христианства. Запоздалый переход к нему как к официальной религии Римской империи, однако, империю уже

³ Количественные оценки этого (и иных) демографических переходов содержатся в статье автора «Динамика мирового населения», опубликованной в журнале «Геополитика и экодинамика регионов», 2015, №3.

не спас. От плюрализма этических систем, где атараксия стоицизма мирно уживалась с изнеженностью киренаиков, к этике христианского смирения и подвижничества нужно было, по логике позднейшей истории, переходить раньше и быстрее. Задержку этого перехода, конечно, можно объяснить многими вескими причинами, но они только подчеркнут и конкретизируют те существенные и реальные изъяны гуманитарных технологий, которые привели прежде процветающее общество к краху.

Уже Плутарх с беспокойством наблюдает устойчивую тенденцию роста разрыва между поколениями, «порчу» нравов, нежелание молодёжи следовать достойной дорогой предков. То есть, пользуясь терминологией первого советского культуролога М. К. Петрова, деструктивной атаке подвергся такой важнейший «механизм трансляции культуры», как образование и воспитание. Такие почтенные и мощные образовательные структуры, как «Сад» Эпикура и «Академия» Платона к концу периода теряют популярность, становятся не нужными или даже подозрительными. В IV веке Аммиан Марцеллин мрачно констатирует в своей «Римской истории», что «библиотеки заперты навечно, как гробницы» (XIV. 6. 18). Потомственный аристократ и чиновник высокого ранга Квинт Аврелий Симмах в своих «Письмах» (X. 3. 3) даже взывает: «молю вас, сделайте так, чтобы мы, стариками, смогли передать своим потомкам то, что сами детьми получили от отцов» [цит. по: 3, с. 406]. Историческая жёсткая «репетиция» этой атаки на воспитание и образование произошла ещё в 213 году до новой эры (дата эта, заметим, совпадает с началом описываемого периода не только фактически, но и символически), когда китайский император Цинь-Ши-Хуади закопал живьём в землю сотни философов, последователей Конфуция.

Ещё более очевидны имперские просчёты в сфере социальных технологий. Во времена успешного расширения своих владений Рим обычно проводил вполне рациональную имперскую политику поднятия уровня жизни на покорённых территориях. Понятно, не в качестве самоцели, но как средство стабильной управляемости и надёжности изымаемой дани. Разумные поборы и охрана торговых путей способствовали развитию экономики, подкуп местной элиты и знаки уважения к чужим богам вкупе с сооружением храмов и передовым оснащением больниц для населения за счёт центра уменьшали раздражение, несколько гасили активность противодействия. Поздний Рим во многом от этих эффективных приёмов отошёл, доминирование получили практики подачек и публичных акций для жителей своей столицы. Свободные римляне даром получали от властей требуемые хлеб, зрелища и вино (чем не мечта современного «плебса»). Они безвозмездно пользовались роскошью и комфортом терм, а в Колизее шумно приветствовали бои гладиаторов или расправы зверей над христианами, беглыми рабами и прочими «преступниками». Физическая гигиена тела начала заменять им гигиену души, а подачки (теперь мы называем их субсидиями и льготами) – рабочие места и достойное вознаграждение за труд. Шумные PR-акции в истории культуры, увы, зачастую приходят на смену незаметной реальной заботе, хищно и коварно поглощают время, которое ранее отдавалось работе и духовному росту, а теперь становится опустошающим.

Подобные изъяны гуманитарных и социальных технологий в долгой истории довольно типичны, и всегда заканчивались одним – гибелью общества. Либо просто уничтожением и рассеянием, либо болезненным падением с высот былой самодостаточности и трансформацией в новое общество.

Демографический спад населения планеты начался в Китае. Ханьская династия через два столетия своего царствования стала разваливаться на части под тяжёлыми ударами экономического кризиса времён начала новой эры. Тогда кочевники сунну оборвали шёлковый путь, «великая кормилица» река Хуанхэ принялась неоднократно менять своё русло. Последующие катастрофические наводнения, неоднократные восстания и непрекращающиеся междоусобицы привели страну к ситуации, которую некоторые исследователи (например, А. В. Коротаев) называют «политико-демографическим коллапсом». За половину первого столетия новой эры число китайских налогоплательщиков сократилось примерно втрое, с 29 года начался упадок денежного обращения. Второй век отмечен нашествиями кочевников сяньби и тоба, середина третьего века – мощным оттоком населения на юг. До конца VI века население Китая продолжает падать. Попытки воссоздания империи осуществляются только с VI века. Династия Тан, с которой потом будет связан «период наибольшего расцвета», начинается в 618 году, а население достигает значений когда-то утраченного уровня (то есть, примерно пятидесяти миллионов человек) лишь в начале XI века [2, с. 73–76].

Похожие процессы протекают в Индии, где во втором веке новой эры Кушанское царство приходит в упадок, разваливается, и наступает длительный период политической дезинтеграции [1, с. 146]. Ближний Восток ещё более длительное время, с IV века до новой эры и по VII столетие новой эры переживает «период радикальной внутренней трансформации» [1, с. 158]. Если прежде (до завоеваний А. Македонского) ему были характерны достаточно спонтанные и продолжительные периоды интенсивного развития, то эллинистические творческие поиски с их бесспорными культурными находками завершаются к новой эре включением Египта Птолемея в состав Римской империи, и сопровождается неодолимой унификацией. Новый тренд оригинального спонтанного развития Ближний Восток обретает только значительно позже, со становлением пассионарной энергетики ислама и халифата. Но до тех пор, все шесть столетий рассматриваемого периода, со II столетия до новой эры и по IV век новой эры, он в значительной мере разделял судьбы Европы.

Согласно аргументированным оценкам Рондо Камерона, классическая цивилизация Средиземноморского мира – *Rex Romania* – ко второму веку достигла уровня экономического развития, который впоследствии не был превзойдён, а только падал на протяжении целого тысячелетия, вплоть до XII–XIII веков [4, с. 48–49]. Население Западной Европы между вторым и седьмым веками резко убывало. Массимо Монтанари документально описывает, приводя жуткие свидетельства очевидцев, «голодные времена», которые начались с третьего века и сопровождалась упадком сельского хозяйства, разорительными войнами и эпидемиями [8, с. 9–21]. В апогее *Rex Romania*, в первом веке население процветающего Рима продолжало прирастать, и ко второй половине второго века

достигало миллиона (!) человек, но к пятому-шестому столетиям оно сократилось в двадцать раз – до пятидесяти тысяч.

Подытоживая, описываемый период можно назвать этапом «сломанной рукояти», не выдержавшей тяжести и мощи технологических возможностей «лезвия». Конечно, нельзя не заметить некоторых инноваций этого периода. В области техники это – инновационные технологии строительства (включающие, среди прочего, бетон и застеклённые окна), водоподъёмные колёса. Среди гуманитарных и социальных инновационных технологий – становление христианства и массовое применение PR-технологий, концепция гелиоцентрической системы мира и методы алхимии; в живописи – прямая перспектива, жанр портрета. Однако технические инновации осуществлялись в экстенсивном ключе, продолжая тренды развития унаследованных достижений, но, как правило, без революционных прорывов. Ценные инновации гуманитарного свойства остались разрозненными и поодиночке более слабыми, чем могли бы быть при сохранении институтов трансляции культуры, которые во многом, увы, оказались разрушенными. Социальные инициативы и перемены оказались оторванными от гуманитарной составляющей культуры. За что человечество и расплатилось страшной ценой демографического провала.

Список литературы

1. Васильев С. В. История Востока: в 2 т. Том 1. – М.: Высшая школа, 2005. – 327 с.
2. Дьяконов И. М. Пути истории: от древнейшего человека до наших дней / И. М. Дьяконов; изд. 2-е, испр. – М.: КомКнига, 2007. – 384 с.
3. История римской литературы. В 2 т. Под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пасек, Ф. А. Петровского. Т.2. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 484 с.
4. Камерон Р. Краткая экономическая история мира. От палеолита до наших дней / Р. Камерон; пер. с англ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 544 с.
5. Козырев Д. Н. Век техники – век инструментального разума. – СПб.: СЗФ РПА Минюста России, 2013. – 172 с.
6. Ляпин Е. С. Динамика цивилизаций. – СПб.: Издательство «Нестор-История», 2007. – 556 с.
7. Марцеллин А. Римская история / пер. с лат. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сони. – СПб.: Алетейя, 1996. – 558 с.
8. Монтанари М. Голод и изобилие. История питания в Европе / М. Монтанари; пер. с итал. А. Миролобовой. – СПб.: Александрия, 2009. – 279 с.
9. Ханников А. А. Техника: от древности до наших дней. URL: http://historylib.org/historybooks/Aleksandr-Aleksandrovich-KHannikov_Tekhnika-ot-drevnosti-do-nashikh-dney/2.

Shorkin A. D. The Blade and the Hilt (from the Axial Age to Uncertain Times of Demographic Catastrophe) // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 3. – P. 61–70.

The article discusses two periods of cultural development – the early Iron Age and the late on. In the first process the "blade" technology which cuts the natural connections was successfully carried to his tehnology "handle" that connects the world of technology with a man. "Axial Age" was a period of rapid growth of innovative activity. By the leading technology in early Iron Age the production and iron usage should be included the distribution of rainfed agriculture. Education policies and the formation of philosophy are among leading tehnologies then. The genesis of the methods and tools of global communication (rational knowledge of world religions and the alphabet letters, monetary, trade infrastructure and methods of spatial orientation)

belongs to this period. In the second period technologies of education and training broadcasting culture from generation to generation have been badly damaged. The pace of technological innovation has decreased noticeably. The world's population has decreased by one-fourth. The period of late Iron Age is characterized by "broken arm" that does not bear the weight and the power of technological capabilities of the "blade". Technical innovations were carried out in an extensive way, continuing trends of the legacy of achievements, but as a rule, without revolutionary breakthroughs. Innovations such as concrete, glazed windows or pumping wheels are taken as a few exceptions. There are social innovation technologies here – the emergence of Christianity and the massive use of PR-technologies, the concept of the heliocentric system of the world and the methods of alchemy; painting – a linear perspective, the genre of the portrait, among the humanities. However, valuable innovations of humanitarian properties were scattered singly and weaker than they could be while maintaining a culture of broadcasting institutions that have been destroyed in many ways. Social initiatives and changes have been separated from the humanitarian component of culture. For that humanity has paid such a terrible price like a demographic failure.

Keywords: the Iron Age, an axial time, the technologies of broadcasting culture, the consistency of the material and social-humanitarian technologies, tools of global communication.

References

1. Vasiliev S. V. *Istoriya Vostoka [The History of the East]* in 2 volumes. Vol. 1. Moscow, Vysshaya shkola, 2005, 327 p.
2. Dyakonov I. M. *Puti istorii: ot drevneyshego cheloveka do nashikh dney [The History Ways: from Ancient Man to the Present Days]*. Moscow, KomKniga, 2007, 384 p.
3. *Istoriya rimskoy literatury [The History of Roman Literature]* in 2 volumes. Vol. 2. Ed. S. I. Sobolev, M. E. Grabar-Pasek, F. A. Petrovsky. Moscow, Publ. Akademii nauk SSSR [Publishing House of the USSR Academy of Sciences], 1962, 484 p.
4. Cameron R. *Kratkaya ekonomicheskaya istoriya mira. Ot paleolita do nashikh dney [Brief Economic History of the World. From the Paleolithic Age to the Present Days]*. R. Cameron, trans. from English. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN) [Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN)], 2001, 544 p.
5. Kozyrev D. N. *Vek tekhniki – vek instrumentalnogo razuma [Technical Age – the Age of an Instrumental Reason]*. St. Petersburg, SZF RPA Minyusta Rossii [STP RPA Russian Ministry of Justice], 2013, 172 p.
6. Lyapin E. S. *Dinamika civilizatsiy [The Civilization Dynamics]*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya ["Nestor History" Publishing House], 2007, 556 p.
7. Marcellin A. *Rimskaya istoriya [The Roman History]*. Trans. from lat. by Y.A. Kulakovskiy, A.I. Soni. St. Petersburg, Aletheia [Aletheia], 1996, 558 p.
8. Montanari M. *Golod i izobilie. Istoriya pitaniya v Evrope [Hunger and Abundance. Food History in Europe]*. M. Montanari, trans. from it.by A. Mirolyubova. St. Petersburg, Aleksandriya [Alexandria], 2009, 279 p.
9. Hannikov A. A. *Tekhnika: ot drevnosti do nashikh dney [Technique: from Antiquity till the Present Days]*. A. A. Hannikov. URL: http://historylib.org/historybooks/Aleksandr-Aleksandrovich-KHannikov_Tekhnika-ot-drevnosti-do-nashikh-dney/2 (Accessed)

УДК: 7.0103.067; 821. 161.1

АРИСТОТЕЛЬ О ГОМЕРЕ

Темненко Г. М.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: galinatemnenko@sf.ukrtel.net

В статье рассматривается мнение Аристотеля о поэме Гомера «Илиада» как недостаточно освоенная современной гуманитарной наукой позиция. Причиной слабого внимания к вопросу является утрата специально написанных Аристотелем о Гомере книг и фрагментарность сохранившихся на эту тему высказываний великого мыслителя; следствием же – отсутствие должной оценки аксиологических ориентиров, определяющих развитие действия и поступки главного героя, а также игнорирование в учебной и популярной литературе воспитательного и эстетического потенциала поэмы. «Илиада» неоднократно упоминается в «Поэтике» в связи с ключевыми теоретическими проблемами, выступая как своеобразная точка отсчёта, образец совершенства. Сюжетообразующая роль гнева Ахилла как причины бездействия героя получила убедительный комментарий в «Риторике» как выражение защиты высшей ценности – чести. Стихотворение Аристотеля, посвящённое добродетели, прославляет Ахилла как героического носителя этого качества. Обоснованность акцента, сделанного Аристотелем на моральной мотивировке гнева Ахилла, подтверждается анализом нравственных проблем, координирующих его деяния на протяжении всей поэмы. Трагический пафос «Илиады» в глазах Аристотеля чрезвычайно близок к сущности этой категории в современных ему трагедиях. Бушевание Ахилла во второй части поэмы завершается катарсисом и раскаянием. Современное литературоведение нуждается в уточнении образа Ахилла как представителя героизма нового типа, участника конфликтов, решение которых не предопределено простыми ожиданиями массового сознания и способно порождать вопросы о ценностях, определяющих смысл бытия. Для современного культурного сознания насущной потребностью становится присутствие подобных героев.

Ключевые слова: Гомер, Аристотель, «Илиада», тип героизма, честь, добродетель, мотивировка поступков, трагическое, культурные ценности.

Аристотель в истории европейской и мировой культуры занимает столь видное место, что определение его полного значения потребовало бы обзора всей истории научной мысли. В нынешний юбилейный год, когда человечество отмечает 2400 лет со дня рождения гениального мыслителя, во многих научных центрах идут конференции, посвящённые этой дате. Главный предмет размышлений – разумеется, фундаментальное наследие аристотелевских идей, легших в основание многих наук. Вопрос об их актуальности был бы излишним: развитие нового всегда требует осмысленного отношения к истокам. Однако возможен и другой вопрос: что из наследия Аристотеля осталось недостаточно освоенным, что из этого может быть напрямую, непосредственно связано с проблемами современной культуры? Может показаться неожиданным, но в поисках ответа мы задумаемся об отношении

Аристотеля к Гомеру. Имя последнего не менее значимо, хотя принадлежит ещё более древней эпохе.

Именно архаичность культурных пластов, питавших творчество Гомера, нередко становится препятствием для активизации его наследия в современном обществе. Тексты гомеровских поэм почти три тысячелетия остаются объектом пристального внимания лингвистов, историков, текстологов – гуманитарии задают всё новые вопросы, углубляясь в тонкости научного познания. Однако средний читатель знает не столько Гомера, сколько его имя. Нынешняя молодёжь иногда узнаёт о нём из очередной американской киноленты, такой как голливудский блокбастер «Троя», грубо искажающий античные образы и сюжеты.

Правда, российские школьники здесь в лучшем положении, чем, например, современные греческие, у которых Гомер есть только в простом прозаическом пересказе. А у нас во всех библиотеках стоит практически не устаревший прекрасный стихотворный перевод Гнедича, переиздававшийся множество раз. В обозримом времени лучшее из последних – второе его издание из серии «Литературные памятники», вышедшее в 2008 году. А ещё в 2005 году московская фирма «Медиакнига» выпустила отличный аудиодиск с полным текстом «Илиады», который на слух воспринимается без затруднений даже неподготовленным слушателем. Архаизмы понятны из контекста, стихотворный размер не смущает, не мешает, а, наоборот, подхватывает слушателя и несёт, как мощная океанская волна. Героический дух гомеровской эпопеи в нынешнем 2016 году вспоминался и в связи с юбилеем Н. С. Гумилёва, для которого «Илиада» была одной из главных книг – он размышлял о ней в своих стихах, он взял её с собою, и когда шёл на смерть. Гомер в современном культурном сознании живёт своей жизнью.

Тем не менее, нельзя не отметить существование лакун и разрывов между глубокими научными изысканиями и просветительскими позициями в отношении к его эпосу.

В отлично написанной популярной книге Гаспарова «Занимательная Греция» [3], которую читают с одинаковым увлечением уже второй десяток лет не только старшеклассники, но и преподаватели вузов, Гомеру уделено вежливое, но не слишком серьёзное внимание как представителю очень давно прошедшего времени. Репутация Гомера как «учителя греков» остаётся незыблемой – другого претендента на роль зачинателя античной культуры нет и быть не может. Но суть его наследия нередко размывается воспоминаниями о «гомеровском вопросе» (давно разрешённом, о чём не все успели узнать), о частностях истолкования отдельных мест, о парадоксах отношения к Гомеру Платона и т. д. А героический пафос «Илиады» редуцируется и абстрагируется. Имя главного героя даже у образованных людей чаще всего ассоциируется с мифом об ахиллесовой пяте (хотя в «Илиаде» об этом нет ни слова), с парадоксом об Ахилле и черепахе, также не имеющим к поэме ни малейшего отношения.

В современном исследовательском дискурсе герою явно не везёт. В монографии И. В. Шталь «Художественный мир гомеровского эпоса» анализ образа Ахилла фактически отсутствует. Гнев Ахилла, о котором Гомер в первых строках поэмы говорит, как о главной теме, гнев, воспеть который он призывает Музу, предстаёт

всего лишь как формальный сюжетобразующий мотив; так же расценивает его и В. Н. Ярхо – он замечает, что гнев надолго выводит Ахилла из числа действующих лиц и тем самым даёт возможность проявить себя всем прочим героям [12, с. 120], близкую позицию занимает и А. И. Зайцев [8, с. 405]. Причина гнева трактуется ныне как малопочтенная: Ахилл и его дружина отказываются от участия в сражениях «...из-за Бризеиды, “просто” супруги» [11, с. 201]. Даже А. Ф. Лосев увидел в его характере «капризную и эгоистическую психологию уже выходящего за пределы эпоса героя» [9, с. 243].

На этом фоне особого внимания заслуживает отношение к Гомеру и его герою, высказанное Аристотелем, поскольку именно он размышлял о Гомере весьма основательно. В его эпоху Гомер считался не раритетом, а классиком, чьё наследие сохраняло и непосредственную занимательность, и привлекательность непревзойдённого эстетического образца. У Диогена Лаэртского в числе трудов Аристотеля упоминаются «Гомеровские вопросы» – 6 книг, которые не дошли до наших дней [7, с. 213].

Хотя мы и не располагаем достоверными сведениями о содержании этих книг, всё же некоторую опору для представления о позициях их автора можем найти в сохранившихся текстах Аристотеля – в «Поэтике» и «Риторике». Гомеровские тексты не являются там главными объектами внимания, однако упоминаются всегда в связи с ключевыми теоретическими проблемами, выступая как своеобразная точка отсчёта, образец совершенства: «Гомер в числе прочего достоин похвалы, особенно за то, что он единственный из поэтов вполне знает, что ему должно делать» [1, XXIV, b5–b8]¹.

В «Поэтике» одной из таких проблем становятся принципы построения произведения, которые впоследствии получают название единства действия и будут рассматриваться применительно к драматургии. На самом деле Аристотель понимал их значительно шире и утверждал, что в эпической поэме, «как и в трагедии, фабулы должно составлять драматичные, относящиеся к одному целому и законченному действию, имеющему начало, середину и конец, чтобы производить свойственное ей удовольствие, подобно единому и цельному живому существу...» [XXIII, b17–18]. Этим положением обусловлено у Аристотеля отрицательное отношение к эпизодам, не связанным с основным сюжетом: «Из простых фабул и действий худшие – эпизодические; эпизодической фабулой я называю такую, в которой эпизодии следуют друг за другом без вероятия и без необходимости» [IX, b33–34].

Композиция «Илиады» с этой точки зрения предстаёт у Аристотеля как идеальное художественное решение: «Гомер и в этом случае представляется необычайным в сравнении с другими: он не замыслил описать всю войну, хотя она имела начало и конец, так как [рассказ] должен был бы сделаться чересчур большим и нелегко обозримым, или [войну], хотя и скромных размеров, но запутанную

¹ Здесь и далее в ссылках на Аристотеля в квадратных скобках первая, римская цифра обозначает номер главы, а вторая, арабская – номер строки. В остальных же случаях первая цифра обозначает номер в списке литературы, вторая – том или страницу.

пёстрою вереницею событий. И вот, выбрав одну её часть, он воспользовался многими из остальных обстоятельств как эпизодами, например перечислением кораблей и другими, которыми он разнообразил свою поэму» [XXIII, b29–30].

Похвалы Аристотеля Гомеру за мастерство композиции, высказанные в «Поэтике», часто пересказываются уже без ссылки на первоисточник, как нечто общеизвестное или, наоборот, как наблюдение современного исследователя [5, с. 241]. Нас же это положение побуждает к целостному восприятию «Илиады» и пониманию значимости каждой из её составляющих. В таком случае невозможно представить, чтобы гнев Ахилла в глазах Аристотеля был лишь «эпизодом». Возникает вопрос о его значении для построения целостного текста поэмы.

Отказ героя участвовать в сражениях против троянцев мотивируется оскорблением, которое нанес ему верховный греческий вождь Агамемнон. Последний отнял у Ахилла любимую пленницу Брисеиду в отместку за то, что тот перед всем войском потребовал возратить жрецу Аполлона Хрису его дочь Хрисеиду, чтобы умилостивить грозного бога, наставшего на греков чуму в отместку за обиду, нанесённую Агамемноном этому жрецу.

Композиционно именно гнев выводит Ахилла из числа активно действующих лиц на всю первую половину поэмы. Прочие герои сражаются, но их усилия не приносят ощутимых результатов. Представить это обстоятельство как формальный сюжетобразующий мотив – значит обесценить смысл происходящего. Да, конечно, в фольклоре приём ретардации (замедления действия) распространён очень широко. Там кумулятивная композиция нанизывает эпизоды, не связанные между собою причинно-следственными отношениями, продлевая приключения сказочного персонажа ради усиления развлекательной функции текста. Но согласиться с подобной, уже укоренившейся, трактовкой сюжета «Илиады» не позволяют два обстоятельства.

Первое из них – полная уверенность современной науки в реальности существования автора поэмы, в преодолении им фольклорной инерции [2; 5; 8; 9; 11; 12 и др.].

Второе – внимание Аристотеля к тому эпизоду в середине «Илиады», где автор заостряет внимание читателей на печальных для греков последствиях затянувшейся «забастовки» героя.

В девятой книге уже и самому Агамемнону становится ясно, что без возвращения Ахилла на поля сражений не удастся сдвинуть дело с мёртвой точки. Поэтому он посылает к нему посольство ахейских вождей, которые предлагают во искупление обиды не только возвращение Брисеиды, но в придачу ещё семь прекрасных пленниц, а также богатые дары. Однако герой отказывается принять их и идти опять на битву. Это потрясает посланцев: Ахилл показывает, что ему есть с кем делить ложе, но отвергает выкуп, столь значительный, что его было бы достаточно для примирения даже в случае убийства кровного родственника. Гомер подчёркивает их удивление и обиду, чтобы привлечь к ситуации внимание читателей.

Вспомним, Аристотель хвалил Гомера за то, что тот всегда знает, что делает. И логично, что для этого поступка Ахилла он увидел в тексте поэмы весьма

уважительную причину. Во второй книге «Риторики» Аристотель связал его с ценностью чести:

«Оскорбление связано с умалением чужой чести, а кто умаляет чужую честь, тот пренебрегает, ибо не пользуется никаким почётом то, что ничего не стоит – ни в хорошем, ни в дурном смысле. Поэтому-то Ахилл в гневе говорит:

*Злую обиду [широкодержавный Атрид Агамемнон]
Мне причинил: отобрал у меня и присвоил награду.*

И ещё:

*[Как пред лицом аргивян обесчестил меня Агамемнон].
Будто какой-нибудь я новосёл, чужеземец презренный.*

Как видно, именно за это он гневается» [II, b28–35].

Аристотель здесь цитирует как раз ответ Ахилла в девятой книге посланным для примирения ахейским вождям. Честь, таким образом, оказывается выше всех предлагаемых даров. Осознание этой ценности и становится конфликтообразующим моментом, особенность которого в том, что Ахилл вовсе не собирается отрицать ценности традиционные – он в первой песне не только говорит о необходимости подчиняться воле богов, но и выступает на защиту народа.

Этот акцент чрезвычайно важен: в глазах Аристотеля Ахилл интересен не силой полубога и воинской доблестью, а теми ценностями, которые его одушевляют. Мы можем говорить о ценностях во множественном числе, потому что основания для этого даёт нам опять-таки Аристотель. Сохранился отрывок из его гимна добродетели, где Ахилл представлен как её воплощение:

*Добродетель,
Многотруднейшая для смертного рода,
Краснейшая добыча жизни людской,
За девственную твою красоту
И умереть,
И труды принять мощные и неутомимые –
Завиднейший жребий в Элладе...
<.....>
Взыскуя тебя,
Взошли в обитель Аида Ахилл и Аянт... [7, с. 207].*

Учение Аристотеля о добродетелях вряд ли может быть здесь применено буквально: пылкий характер Ахилла слишком мало подходит к представлениям о золотой середине. Но если взглянуть на это более широко, то заданная ещё Гераклитом установка на координирование индивидуального бытия по космическому общему началу, логосу, получила в этике Аристотеля продолжение и развитие как соотношение морали отдельного человека с общей нравственностью. *Ethos* (обычай) – это не только привычки индивидуума, но и некие формы культурной жизни, суть которых философ и сделал предметом осмысления в «Никомаховой этике».

Гомер никогда не морализирует, однако помещает героя в уникальную ситуацию. Ахилл в «Илиаде» совершенно свободен. Он великий герой, сын богини и царя, ему никто не может приказывать. Но он вынужден, как любой другой

смертный человек, переносить тяготы и невзгоды, терпеть несправедливость. Он знает, что смертен, более того, знает, что его век не будет долог. Ещё не была поставлена философами проблема отличия свободы от своеволия. Но внимательное чтение Гомера позволяет увидеть, что подспудно она уже зарождается. На протяжении всей поэмы действия Ахилла имеют отчётливую ценностную ориентацию.

В начале поэмы он вступает в конфликт с Агамемноном, стремясь защитить ахейское войско от напасти чумы. Как видим, герой изначально страдает, потому что проявил заботу об общем благе.

Тогда же Ахилл, оскорбленный, схватившийся было за меч, всё же не даёт волю своему гневу – он сознательно подчиняется божественной мудрости Афины, поскольку затеять сечу перед лицом врага – значит погубить всё войско.

Ахилл воздерживается от участия в сражениях, поскольку это для него единственный способ защитить свою честь.

Мужество его выступает как чисто человеческое свойство, а сражения для него – «тяжкие труды» войны, и Гомер старательно ограждает своего героя от близости со свирепым и кровожадным божеством войны Аресом.

Гибель Патрокла всё меняет. Гнев героя становится всепожирающим пламенем. Ахилл не может воскресить друга, но считает себя обязанным отомстить его убийце Гектору. Это для него единственный способ восстановить справедливость.

Ещё Платон, учитель Аристотеля, высказал в диалоге «Пир» восхищение высшим подвигом Ахилла – способностью умереть за друга: «узнав от матери, что он умрёт, если убьёт Гектора, а если не убьёт, то вернётся домой и доживёт до старости», Ахилл делает свой выбор не колеблясь [10, с. 128], несмотря на то, что умирать молодым ему совсем не хочется, а блаженных Елисейских полей для героев ещё не придумали. Можно сказать, что ни один из подвигов Геракла нельзя сравнить с этим решением Ахилла.

Конечно, Аристотель имел основания счесть его воплощением добродетели. Называть его характер эгоистическим и капризным несправедливо. В этом негативном определении сказались наслоения более поздних культурных ценностей: христианством сакрализованных милосердия и смирения, классицизмом утверждавшегося приоритета долга перед государством, социализмом освященного самоумаления личности перед обществом. Однако Ахилл – герой, воплотивший ценности античного гуманизма, и Аристотель оценил его именно в этом качестве.

Культурные герои древних мифов: Тезей, Персей, Беллерофонт, Кадм, Геракл – освобождали землю от хтонических чудовищ и разбойников; в дальнейшем они выполняли и собственно культурные функции: учреждали сакральные традиции, вводили законы (Кадму даже приписывалось изобретение алфавита). Они воплощали народные чаяния. Однако все эти функции выполнялись безликими персонажами, их идеальные фигуры наделялись свойствами, продиктованными реликтовыми интенциями. Полубожественная природа объясняла сверхчеловеческие способности. Собственно человеческого в них было немного, каждый представлял собою персонифицированный ответ на вызовы природы и истории. Не таков Ахилл. Это представитель нового типа героизма.

Для автора «Илиады» герой уже не сводится к воспроизведению суммы мифизированных достоинств, а представляет собою нечто более новое и актуальное. Он индивидуален и конкретен, что позволяет Гомеру дать ему невиданную ранее смысловую нагрузку. Новаторским становится вопрос о мотивировке действий Ахилла. Каждый его шаг побуждает к размышлению и объяснению. Обстоятельства, порождающие конфликтные ситуации, актуализируют осмысление ценностных координат, с которыми соотносится разрешение конфликтов.

Гомер впервые в мировой литературе создаёт совершенно новый тип героя. Оппозиция «вызов – ответ» сменяется оппозицией «вызов – вопросы». Ахилл предстаёт как участник конфликтов, решение которых не предопределено простыми ожиданиями массового сознания.

Представление о стихийности поступков Ахилла отчасти связано с тем, что Гомер не изображает его размышляющим. Решения, принимаемые героями «Илиады», как известно, нередко объясняются вмешательством богов, их волей. Однако всегда допустима двойная мотивировка – рядом находится реальное житейское объяснение. Воля богов для мифизирующего мышления является санкцией, утверждающей аксиологический смысл выбора, как в упомянутом вмешательстве Афины в первой книге «Илиады».

Когда в конце поэмы боги приказывают Ахиллу отдать тело Гектора Приаму, это также является выражением ценности, которая раскрывается Гомером в сцене свидания Приама с Ахиллом. Отец погибшего сына, царь погибающего города целует руки убийцы и разрушителя, умоляя отдать тело для погребения, и находит поразительный аргумент: он напоминает Ахиллу, что тот – прежде всего человек, смертный. И его отец Пелей живёт надеждой, что сын жив, но если погибнет, то единственным утешением для отца станет известие о его достойном погребении. Ахилл понимает справедливость этого довода, он плачет вместе с Приамом, выполняет его просьбу. Он поступает как человек, в соответствии с представлениями о человеческом поведении, а отнюдь не как ипостась свирепого Ареса. Эта сцена важна для понимания замысла Гомера, поскольку здесь мотивировка поступка обозначена очень внятно. Более того, эта мотивировка даёт ключ к пониманию и всех остальных решений Ахилла: он всякий раз делает выбор между человеческими ценностями. Гегель, размышляя в «Эстетике» об Ахилле, воскликнул: «Это человек!». Таким образом, его характер определяется не стихийностью или капризностью. Его метания – следствие столкновения ценностей, приводящее к трагическим результатам и позволяющее Гомеру указать на проблему их иерархии.

Гнев Ахилла на протяжении поэмы приобретает разные смысловые оттенки. Аристотель, как мы увидели, подчеркнул в «Риторике» моральное оправдание гневного бездействия героя в первой половине «Илиады». Но мог ли философ пройти мимо другой его стороны – гневного неистовства Ахилла после гибели Патрокла? На какое-то время герой теряет способность щадить поверженных, он оскверняет кровью убитых троянцев воды реки Ксанфа и готов сражаться даже с божеством этой реки. Надругательства над трупом Гектора явно выходило за рамки

«этоса» и шокировало даже богов – недаром они сочли необходимым вмешаться и повелели Ахиллу отдать тело Приаму для погребения.

Мы не располагаем прямыми текстуальными свидетельствами отношения Аристотеля к этой стороне гнева Ахилла. Но для поиска такового есть объективное основание. Высказанное в «Поэтике» представление об «Илиаде» как совершенном творении неотделимо от постулата о совершенстве как проявлении целостности, единства. Следовательно, и вторая часть поэмы не могла остаться вне поля зрения философа. Что кроме изображения бушующего мстителя мог он найти у Гомера?

Гнев Ахилла – *«мощный, который ахеянам тысячи бедствий содеял»*, – связывает воедино судьбу Ахилла и прочих бойцов. Важно всё, и когда Ахилл в конце концов станет предаваться сожалениям, то он скажет, что если бы не поддался гневу, то не пришлось бы стольким воинам в предсмертных судорогах грызть землю. Здесь удивительно конкретный образ имеет глубокий символический смысл. Дружба оказалась выше личных обид, долг перед другом – выше чести и даже жизни, но круг замыкается: невозможно стерпеть несправедливость, нельзя и не отомстить за друга, но всему этому цена – человеческие жизни. В трагическом противоборстве воинских станов, в трагическом противоречии ценностей человеческое начало осознаёт и своё величие, и свою хрупкость.

Не вызывает сомнений, что трагический пафос «Илиады» предопределил расцвет античной трагедии, размышлениям о свойствах которой посвящена большая часть дошедшей до нас «Поэтики». Её автор прямо указывает на эту связь [IV, b34–49, a2]. И не случайно Аристотель сблизил некоторые принципы построения трагедии и эпической поэмы. А под его определение трагического героя Ахилл подходит не мене выразительно, чем Эдип Софокла: не преступник и не безвинная жертва, носитель трагической вины, вызванной непредвиденным стечением обстоятельств (гибель Патрокла в доспехах Ахилла и как бы вместо Ахилла). Он, в соответствии с требованиями Аристотеля к трагическому герою, обладает характером благородным и суровым [XV, a16, b15]. Ахилл остро сознаёт трагизм своей судьбы, и его раскаяние в финале поэмы заметно соответствует определению проявления катарсиса в результате переживания трагического начала, производящего «путём сострадания и страха очищение подобных страстей» [VI, b28]. Внимание Аристотеля к композиции поэмы позволяет понять, что её строение организует не только событийный ряд, но и смысловые акценты поэмы. В самой же поэме мотивировка действий, выбор определяющих их ценностей имеют не меньшее значение, чем внешняя канва событий.

Таким образом, несмотря на отрывочность дошедших до нас высказываний Аристотеля о Гомере, мы можем с уверенностью утверждать следующее:

Эстетическая ценность «Илиады» в глазах Аристотеля была несомненной, Гомеру принадлежит первенство перед всеми прочими поэтами.

Одно из несомненных достоинств поэмы представляет её единство, целостность, отсутствие каких-либо «случайных» эпизодов, не связанных с основным действием.

Гнев Ахилла, влекущий его отказ от участия в сражениях, предстаёт в трактовке Аристотеля как защита драгоценнейшего человеческого достояния – чести.

Трагический пафос «Илиады» в глазах Аристотеля чрезвычайно близок к сущности этой категории в современных ему трагедиях. Буйство Ахилла во второй части поэмы завершается катарсисом и раскаянием.

Обоснованность акцента, сделанного Аристотелем на моральной мотивировке гнева Ахилла, подтверждается анализом нравственных проблем, координирующих его деяния на протяжении всей поэмы.

Аристотель высоко оценивает характер Ахилла, его благородство и суровость, воспевает героя в стихах как носителя высокой добродетели.

Культурное сознание каждой исторической эпохи нуждается в образе героя, выражающего её интенции и идеалы. Благодаря размышлениям Аристотеля о чести как одном из важнейших двигателей поступков Ахилла мы можем утверждать, что именно в «Илиаде» Гомера было заложено начало культурной рефлексии, направленной на ценности, определяющие смысл человеческого бытия. В этом одно из оснований непреходящей значимости наследия античного гуманизма.

Список литературы

1. Аристотель. Поэтика. Риторика / Пер. с греческого В. Аппельрота, Н. Платоновой. Вступит. статья и комментарии С. Ю. Трохачёва. – СПб.: Азбука, 2000. – 352 с.
2. Боннар А. Греческая цивилизация. В 3 т. / Пер. с франц. О. В. Волкова. Т. 1 От Илиады до Парфенона. – М.: Искусство, 1992. – 269 с.
3. Гаспаров М. Л. Занимательная Греция. Рассказы о древнегреческой культуре. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 384 с.
4. Гомер. Илиада. – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1990. – 572 с.
5. Гордезиани Р. В. Проблемы гомеровского эпоса. – Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1978. – 395 с.
6. Джеймсон М. Г. Мифология древней Греции // Мифологии древнего мира / Пер. с англ. – М.: Наука, 1977. – С. 233–282.
7. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: Мысль, 1979. – 620 с.
8. Зайцев А. И. Древнегреческий героический эпос и «Илиада» Гомера // Гомер. Илиада. – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1990. – С. 395–416.
9. Лосев А. Ф. Гомер. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1960. – с. 168–171.
10. Платон. Избранные диалоги. – М.: Худож. лит., 1965. – 444 с.
11. Шталь И. В. Художественный мир гомеровского эпоса. – М.: Наука, 1983. – 296 с.
12. Ярхо В. Н. Эпос. Ранняя лирика // Древнегреческая литература: Собрание трудов. (Серия «Античное наследие»). – М.: Лабиринт, 2001. – 368 с.

Temnenko G. M. Aristotle: Contemplating on Homer // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 3. – P. 71–80.

The article has in focus Aristotle's perception of 'The Iliad' of Homer as such which has not yet been paid particular attention to within the humanities scientific frame. The reason for the lack of attention to the issue has been the loss of Aristotle's writings dedicated specifically to Homer as well as fragmentarity of the preserved commentaries made by the great philosopher on the topic; henceforth, there is no appropriate evaluation of the axiological reference points defining plot development and actions of the main character and the didactic and aesthetic potential of the poem are being largely ignored in course books and popular literature. 'The Iliad' is repeatedly mentioned in Aristotle's 'Poetics' in connection to the key theoretical issues, functioning as a certain starting point, an example of perfection. Aristotle's admiration for the poem's composition structure is inseparable from his aesthetic requirement to the coherent integrity of the literary

work and close connection of each episode to its basic contents. Achilles' wrath as a plot component explaining the inertness of the character is given a persuasive commentary in 'Rhetoric' as such expressing protection of the supreme value – dignity. The poem by Aristotle dedicated to virtue glorifies Achilles as a heroic owner of this quality. The justification of the emphasis put by Aristotle on the moral motivation of Achilles' wrath is confirmed by the analysis of the moral conflicts coordinating his actions throughout the entire poem, which allows speaking of a new type of heroism that originated in Homer's works, the one fundamentally different from early heroism of mythical cultural heroes. The tragic pathos of 'The Iliad' is viewed by Aristotle as being particularly similar to the nature of this category in the contemporary tragedies. Achilles' recklessness in the second part of the poem results in catharsis and remorse. Modern literary studies requires further elaboration of the image of Achilles as a representative of new heroism, a participant of the conflicts that cannot be solved according to simple expectations of mass consciousness, but offering a solution capable of procuring inquiries on values defining the sense of being. Modern cultural consciousness is being in critical need of presence of such heroes.

Keywords: Homer, Aristotle, 'The Iliad', type of heroism, dignity, virtue, motivation of actions, tragedy, cultural values.

References

1. Aristotel. Poetika. Ritorika. Per. s grecheskogo V. Appelrota, N. Platonovoy. Vstupit. Statya i kommentarii S. Yu. Trokhachyova [Poetics. Rhetoric. Translated from Greek by V. Appelrot, N. Platonova. Introduction and commentaries by S.Y. Trokhachyov]. Spb., Azbuka, 2000, 352 p.
2. Bonnar A. Grecheskaya tsivilizatsiya [Greek Civilisation] In three volumes. Vol. 1. Translated from French by O. V. Volkov. From the Iliad to the Parthenon. Moscow, Iskusstvo, 1992, 269 p.
3. Gasparov M. L. Zanimatel'naya Gretsia. Rasskazy o drevnegrecheskoy culture [Exciting Greece. Stories of Ancient Greek Culture]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye, 2000, 384 p.
4. Gomer. Iliada [The Iliad]. Leningrad, Nauka, 1990, 572 p.
5. Gordeziani R. V. Problemy gomerovskogo eposa [Problems of Homer's Epos]. Tbilisi, Publishing house of the Tbilisi University, 1978, 395 p.
6. Dzheimson M. G. Mifologiya Drevney Gretsii [Ancient Greek Mythology]. Mifologii drevnego mira [Mythologies of the Ancient World]. Moscow, Nauka, 1977, P. 233–282.
7. Diogen Laertskiy. O zhyzni, ucheniyah i izrecheniyah znamenitnykh filosofov [Lives and Opinions of Eminent Philosophers]. Moscow, Mysl', 1979, 620 p.
8. Zaytsev A. I. Drevnegrecheskiy geroicheskiy epos "Iliada" Gomera [Ancient Greek Heroic Epos "The Iliad" of Homer]. Leningrad, Nauka, 1990, P. 395–416.
9. Losev A. F. Gomer [Homer]. Moscow, State Educational Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR, 1960, P. 168–171.
10. Platon. Izbrannye dialogi [Dialogues]. Moscow, Khudozh. lit. publ, 1965, 444 p.
11. Shtal' I. V. Khudozhestvenny mir gomerovskogo eposa [Imagery of Homer's Epos]. Moscow, Nauka, 1983, 296 p.
12. Yarho V. N. Epos. Rannaya lirika [Epos. Early Lyric Poetry]. Ancient Greek Literature. Ancient Heritage Series. Moscow, Labirint, 2001, 368 p.

УДК 32:1

ЗНАЧИМОСТЬ ЯВЛЕНИЯ ЖЕРТВЫ В РУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Бабурова Н. Б.

Центр организации научно-исследовательской деятельности ВАВТ, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: baburova.nadezhda@gmail.com

В статье проведён анализ понятия жертвы и ценности жертвенности в контексте русской политической культуры. Выявлена взаимосвязь и перетекание смыслового наполнения таких близких понятий как: жертва, жертвенность, самопожертвование, под воздействием социальных ориентаций политической культуры. Описана зависимость активации ценностей, в частности, жертвенности от социально-экономического, информационного и воспитательного процессов.

Ключевые слова: жертва, жертвенность, ценность, политическая культура.

Подходя к вопросу русской политической культуры, рассмотрим её свойство – национальный характер, выражающийся в стиле политического действия, своего рода политический архетип, как один из феноменов комплекса установок, практикуемых в русской политической культуре. Исследование архетипов в политической культуре – вопрос сложный и неоднозначный. Несмотря на то, что архетипы, по Юнгу, непредставимы сами по себе и проявляются в сознании следствиями самих себя, в политологии можно встретить мнение [1], согласно которому архетип подразумевает обратное формирование из мифов, религий, пересказанного опыта. То есть первичные установки реакции на раздражители внешней среды и образцы поведения, сформированные многими поколениями предков, базирующиеся на константных ценностях общности, вербализируются посредством артикуляции ценностей и самооценки. Получается, что архетип является следствием процесса социализации, а не его базисом. Таким образом, можно сделать вывод, что данное понятие применительно к политологии требует дополнительного внимания исследователей, хотя словосочетание «политический архетип» для политического дискурса интересно.

Исследования, посвящённые русскому национальному характеру, выявили множество черт, которые, по мнению опрошенных, свойственны русским людям, хотя, скорее всего, перед нами лишь некий свод мнений людей о самих себе, противоречивых и не дающих какой-либо почвы для исследователя. Единственное,

что можно с твёрдостью объявить – русский национальный характер скрытен и противоречив.

Политическая культура формируется в процессе социализации личности путём усвоения ориентаций по отношению к особой совокупности социальных объектов и процессов [2, с. 28]. Практикуемая политическая культура соответствует способности политической системы удовлетворить потребности граждан – чем ниже уровень удовлетворения политической потребности, тем менее общество и граждане проявляют интерес к политическому участию, тем в большей степени проявляются черты парохияльного и подданнического типа (по Алмонду и Верба) политической культуры. Алмонд и Верба ранжировали политическую культуру в зависимости от требований, предъявляемых обществом к системе управления, насколько общество готово принимать участие в формировании управленческих решений, контролировать и корректировать их исполнение, что можно поставить в зависимость от практикуемых в обществе ценностей.

Среди ценностей русского общества особый интерес вызывает жертва и жертвенность в общественном сознании как стиль политического действия и средство достижения целей политическими институтами. Трактовка понятий жертвы и жертвенности весьма интересна во взаимосвязи, так как жертва может быть как следствием насилия со стороны иного субъекта¹, так и добровольной формой мены чего-то исключительно ценного на не менее или даже более ценное. Рене Жирар, анализируя пересказ об усекновении головы Иоанна Предтечи, чётко определяет род и характер жертвы как нечто чрезвычайно дорогое и желаемое всеми участниками посредством миметического процесса: «желание, становясь все более миметическим и интенсивным, отнюдь не индивидуализирует, а напротив, делает тех, кем овладевает, все более взаимозаменяемыми, все более замещаемыми друг другом» [3, с. 215]. Сама же жертва в его трактовке связана с причинами значимыми в плане социальных связей, допускающих коррективное вмешательство [3, с. 159].

В рамках политической практики понятие жертва, как общее транслированное желание, близко жертве ритуальной, назначенной, выбранной для исправления сложившейся негативной ситуации, указанной как виновная, или справедливо требуемой со стороны непрекаемо ценного. Русская политическая культура высоко ценит самостоятельную жертву человека для Отчизны, жизни будущих поколений, детей, женщин, для всех, кто нуждается в защите и не может самостоятельно противостоять невзгодам. Этот вариант жертвоания широко используется в патриотическом воспитании и индоктринируется на протяжении всего процесса социализации. Так, принятая в самом конце 2015 года госпрограмма «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016 – 2020 годы» содержит такие содержательные задачи: развитие военно-патриотического воспитания граждан, укрепление престижа службы в Вооруженных Силах

¹ Жертва также рассматривается в контексте психологии и криминологии, где акцентируется внимание на насильственном характере действия по отношению к человеку. Отечественная криминология особое внимание уделила профилактике преступлений и, как следствие, появлению жертв насилия. В этом контексте жертва не имеет в себе ничего от сакрального значения.

Российской Федерации и правоохранительных органах, совершенствование практики шефства воинских частей над образовательными организациями и шефства трудовых коллективов, бизнес-структур, районов, городов, областей, краев и республик над воинскими частями (кораблями); создание условий для развития волонтерского движения, являющегося эффективным инструментом гражданско-патриотического воспитания; информационное обеспечение патриотического воспитания на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, создание условий для освещения событий и явлений патриотической направленности для средств массовой информации [4].

Патриотизм, Отечество как ценности имеют абстрактный характер, могут выражаться через уважение и почтение к институтам и символам государства, но они остаются пассивными, поэтому для реализации данных ценностей требуется подвижничество [5], то есть патриотическая деятельность, которая может воплощаться в самых разных формах. Часто направленность на жертвенность в социализации личности, особенно в её институциональном механизме, не обращает на себя острого внимания, так как маскируется под представления о подвиге, героизме, подвижничестве, и не в достаточной степени рационализируется объектами процесса.

Понятие жертвы в социальной практике успешно заменено ценностью жертвенности, которая является прямой наследницей основной христианской добродетели любви к ближнему и происходит от жертвы Христа на кресте: более не требовалось приносить жертвы искупления, она стала бескровной жертвой таинства Евхаристии. С позиции христианских ценностей, любовь – естественный источник жертвенности, милосердия, бескорыстной помощи, исходящих из сострадания. Жертвенность как ценность не подразумевает какой-либо выгоды для жертвователя и может быть сопряжена с подвигом и усилием, лишением и страданиями.

В 2011 году Синодальный Отдел по взаимоотношениям Церкви и общества РПЦ представил документ «Вечные ценности – основа российской идентичности» [6], являющийся сводом вечных российских ценностей. В качестве пятой ценности в документе фигурирует самоограничение и жертвенность, понимаемые как отказ от эгоизма, потребительского отношения к ближним и окружающему миру. В рамках исследования духовно-нравственной культуры исследователями из Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета был проведён экспертный опрос о ценностях православия [7], где кроме прочего экспертам был предложен указанный свод (в опросе приняли участие представители как светских, так и духовных учебных заведений).

Мнения духовных и светских экспертов несколько разошлись, ценность жертвенности и самоограничения была воспринята духовными экспертами как весьма значимая, так как она является действенным проявлением основополагающих ценностей христианства – любви, сопряжённой со свободой и ответственностью. Наряду с важностью этой ценности духовные эксперты отметили, что культивирование жертвенности сегодня весьма рискованно, так как в современном мировоззрении жертвенность имеет нехристианское воплощение и, прежде всего, связана со страданием и жертвованием собой. Светские же эксперты,

во-первых, не всегда относили жертвенность к православным ценностям, во-вторых, толковали её как долженствование, необходимое условие поступков человека. Жертвенность ими была оценена как вспомогательная ценность для достижения иных, которые были оценены выше, она расценена в качестве субъективно толкуемого абстрактного понятия. Светские эксперты в целом подошли к анализу ценностей с позиции инструментальности, необходимой для коммуникаций в обществе.

Результаты данного исследования весьма занимательны, так как отражают функционирование ценности жертвы и жертвенности в контексте отношений религии и государства. В исходном для себя религиозном православном контексте жертва и жертвенность не носит фатального свойства, она определяет смысл и коридор функционирования общины (общества) в рамках принятых моральных устоев, определяет меру возможного. Выходя за рамки религиозного взаимодействия, жертвенность приобретает фатальный характер и ставит перед человеком сложный моральный выбор: насколько ценна моя жизнь? Столь острый выход ценности жертвенности из рамок религиозной практики в светскую, государственную практику связан прежде всего с воинским подвигом: «нет большей любви, как если кто положит душу свою за други своя» (Ин.15:13). Таким образом жертвенность, минуя эпоху воинствующего атеизма, освободившись от повседневного подвига любви, превратилась в жертву со стороны человека в пользу родственника, общества, государства, которая отдаётся не по любви, а взамен любви, как долг, как обязанность, наравне с правами. Жертвенность становится критерием для вхождения в сообщество, только человек подтвердивший своё намерение отдать всё, вплоть до жизни (пройти военную службу, родить и воспитать детей), может с полным правом быть частью общества. Жертвенность и жертва стали приобретать негативную коннотацию, в употреблении появилось слово самопожертвование.

Самопожертвование есть результат свободного выбора человека, связанного с осознанием объективных ценностей, идеи, имеющей единство с вечностью, осознания ценности другой жизни [8]. Самопожертвование высоко оценено, связано с героизмом, возведено в культ, требование самопожертвования никто не выдвигает. Самопожертвование по сравнению с жертвенностью менее инструментально, так как подразумевает аскезу, окончательность, сложность морального выбора среди базисных моральных ценностей личности, единства, принося в жертву третью базисную ценность – жизнь.

На протяжении значительного периода времени – более 20 лет, проводились исследования базисных ценностей россиян. В вопросе исследования ценностей мы сталкиваемся с двумя противоречивыми тенденциями: отрицание влияния национальной культуры на общественные ценности и исследование ценностей в рамках национальной культуры. В рамках обеих тенденций проводились периодические исследования, первое проведено в рамках Европейского социального исследования (ESS) с использованием ценностных показателей Ш. Шварца [9], второе проведено Центром изучения социокультурных изменений

(ЦИСИ) ИФ РАН с использованием кластерного подхода к распределению ценностей Н. И. Лапина [10].

В данном случае мы не проявляем интерес непосредственно к выявлению и классификации ценностей россиян, а обратим внимание на ценность жертвенности. Прежде всего, она фигурирует только в исследовании ЦИСИ, в Европейском социальном исследовании такой ценности нет. Разработанная ЦИСИ ИФ РАН методика относит жертвенность к числу традиционных ценностей (также выделяются общечеловеческие и современные ценности) инструментального порядка в качестве ценности-средства достижения ценности-цели. Исследователями выделены пять кластеров: интегрирующий, дифференцирующий, жизнеобеспечивающий, институционно-регулятивный и антропокоммуникативный кластеры. Как было отмечено выше, жертвенность расценивается как средство обеспечения жизни, общительности, готовность поступиться чем-то значимым, следовать моральным нормам, ориентацию на благо другого человека, общую нравственность. Жертвенность выступает мостиком к поддержанию жизни других людей, а также как способ поддержать общение, то есть жертвенность предполагает принцип ты мне – я тебе, отдавая что-то, мы ожидаем нечто исключительно ценное для себя в ответ.

И это социальное взаимодействие крайне близко описанным Р. Жираром [3] процессам миметического желания и жертвы, только жертва, связанная с миметическим желанием, имеет целью получение ответных благ, удовлетворение не миметического, а истинного желания. Это ответное ожидание связано с тремя ошибками посылок: 1) жертвополучатель предполагает иную валидность жертвы, 2) жертва не обязательно связана с воздаянием, а жертвенность вовсе её не подразумевает, 3) когнитивное искажение, связанное с верой в справедливый мир. В ответ на свою жертву жертвователь в современной практике не получает удовлетворяющего его действия и разочаровывается в действии жертвенности и социальной и коммуникативной эффективности ценности.

По результатам исследования ЦИСИ, в общероссийской шкале ценностей жертвенность находится в интегрирующем кластере, резерве, но на очень низкой позиции, гранича с дифференцирующим кластером, оппонирующим дифференциалом, в некоторых регионах жертвенность расположилась именно там. Важно отметить, что цели жертвования – жизнь, семья, общительность – входят в интегрирующее ядро и разделяются большей частью общества. Это несовпадение высокой оценки целей и недооценённых средств вызывает несколько вопросов: действительно ли ценны жизнь и семья, или это декларативные ценности, обусловленные требованием морали? Верно ли понята жертвенность? Каково соотношение декларативности ценностей и реализации их на практике? Каков иерархический уровень активации жертвенности?

Выше было отмечено, что жертвенность как ценность транслируется через блок патриотического воспитания и, соответственно, активируется только в этом контексте. В контексте бытовом транслируются преимущественно индивидуалистические ценности, которые входят в противоречие с жертвенностью и не практикуются в обыденной жизни до определённого возраста. Именно этим

можно, вероятно, объяснить два феномена социальной жизни современной России. Первый – появление ополчения из числа невоенных добровольцев среди россиян при эскалации конфликта на Донбассе. Второй – повышение значимости жертвенности у населения старше 60-ти лет и вдовых [11]. Для оценки значимости жертвенности в социально-экономических процессах также важно отметить, что жертвенность не разделяется в группе нищих и наиболее обеспеченных граждан.

Европейское социальное исследование (ESS) использовало теорию ценностей Ш. Шварца, который определяет базовые ценности как «желаемые кросс-ситуативные цели, различающиеся по важности и служащие руководящими принципами в жизни человека». Как указано выше, среди ценностей, выделяемых Шварцем, нет жертвенности, однако он оперирует ценностью благожелательности, которую раскрывает, через следующие исходные высказывания: «Для него очень важно помогать окружающим людям. Ему хочется заботиться об их благополучии. Для него важно быть верным своим друзьям. Он хотел бы посвятить себя близким людям» [9, с. 78], что перекликается с толкованием и расширением ценности жертвенности духовными экспертами Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: «С ценностью самоограничения и жертвенности связаны и другие: благорасположенность к людям, выражение которой в желании помочь другому, а также в восприятии другого не как объекта, который мешает, или, наоборот, приносит какую-то пользу, а является самоценностью; сострадание к тем, кто находится в бедственном положении» [7, с. 130].

Исследование с использованием ценностей Шварца выделило пять классов ценностей, разделяемых европейцами и россиянами, среди них наибольший интерес для нас представляет класс ценностей Роста, который включает универсализм, благожелательность и самостоятельность. «Люди, – отмечает он, – принадлежащие к этому типу [класса ценностей Роста] сильно привержены заботе об окружающих, но в то же время не ожидают от них взамен ... ответной защиты или заботы... Это альтруизм независимых людей» [9, с. 82]. Результаты исследования показывают, что в России класс ценностей Роста разделяет только 2% населения, среднее значение по Европе – 16%. Важна зависимость доли класса ценностей Роста от валового национального дохода на душу населения (ВНД); чем выше показатели ВНД, тем больше доля тех, кто разделяет класс ценностей Роста. Особо важны показатели объёма ресурсов, направленных государством в сферу образования, которые также положительно коррелируют с классом ценностей Роста, положительно сказывается на увеличении приверженцев этого класса ценностей и ожидаемая продолжительность жизни. Класс ценностей Роста разделяется обществом, лишённым оснований для тревожности. Отсутствие социальной тревожности, сочетание ценностей Открытости и Заботы, удовлетворяют потребности более высокого уровня, а не только обеспечивающие выживание, и зависят от экономического развития страны. С другой стороны, люди, разделяющие ценности Роста, более креативны и благорасположены к другим, это создаёт предпосылку к производству национального богатства, что является эффективной моделью социально-экономического взаимодействия. Таким образом, жертвенность, понятая и расшифрованная не только в контексте военно-

патриотического воспитания, а как повседневный образ благорасположенного действия по отношению к другим, может иметь значимый положительный социальный эффект.

Кроме социально-экономического контекста, имеющего весомое значение в выборе комплекса ценностей, которым руководствуется индивид, также необходимо обратить внимание на информационную составляющую процесса усвоения ценностей. Проведённые исследования показали, что ценности, входящие в интегрирующий кластер, имеют поддержку со стороны СМИ; те, что входят в дифференцирующий кластер, имеют негативное эмоциональное освещение или не затрагиваются СМИ вовсе [12]. СМИ имеют возможность актуализировать ценности, необходимые для успешного функционирования общества, порождая уверенность и веру в действенность предлагаемого образа действия.

Сегодня вера – основное мерило информации, совпадение с личным мнением – залог истинности и призыв к деятельности в том ключе, который является отражением веры и истинности, а истинность – коллективное знание, осенённое авторитетом. Как отмечал У. Эко в эссе «Средние века уже начались» [13], авторитет необходим для обеспечения преемственности и создания общего поля дискуссии, когда все понимают, о чём идёт речь. Авторитетом сегодня выступает не столько личность, сколько источник информации. Хотя доверие источнику информации тоже весьма относительно.

Опрос, проведённый «Левада-центром» [14], констатирует, что тема наступления на средства массовой информации, ущемления свободы слова не является значимой темой для общества. Хотя тут же приводится цифра (58%) о наличии цензуры на основных каналах телевидения со стороны государства, при этом стоит отметить, что доля населения, которое считает, что существует цензура на основных каналах телевидения, за последние два года уменьшилась с 69% до 58%. По мнению замдиректора «Левада-центра» Алексея Гражданкина, люди не всегда под цензурой понимают политическую цензуру и вмешательство со стороны государства, они говорят о культурно-нравственной цензуре. На прямой вопрос об ущемлении независимых СМИ 44% респондентов затруднились ответить.

Также необходимо отметить, что публику мало интересуют альтернативные источники информации: РБК, «Эхо Москвы», «Дождь» – пользуются малой популярностью, вообще когда-либо их смотрели не более 23% опрошенных. Общественно-политические новости и аналитические программы зарубежных телеканалов и радиостанций никогда не смотрят 87% опрошенных. Значительно возросло количество людей, затрудняющихся в ответах почти на все вопросы опроса. Вопрос о доверии и недоверии источнику информации не является значимым и актуальным, актуален вопрос веры факту и интерпретации.

Огромный объём информации ведёт к узкому восприятию действительности, множественность информации становится тождественна единственности информации. Ограничение в возможности интерпретации информации приводит к вере в любое мнение, которое воспринимается авторитетным, и купирует возможность достойной критики со стороны индивида. Эти условия создают возможность для жёстко контролируемой политической социализации и

ресоциализации с возможностью активизации в политической культуре тех ценностей, которые актуальны для управления политической системой.

Опрос, проведённый «Левада-центром» [15], на тему союзников и «врагов» России отражает наращивание агрессивных оценок по отношению к мировой политике, что вполне укладывается в информационную политику основных телевизионных каналов России. В целом к США, Европейскому союзу и Украине хорошо сейчас относятся соответственно 19%, 25% и 26% опрошенных, плохо сейчас относятся 70%, 62% и 63% опрошенных, затруднились сформировать свою позицию от 11% до 14% опрошенных. Из графиков «Левада-центра» очевидно, что США «назначены» громоотводом в российской информационной политике: они назначаются виновными в бедах России и планомерной агрессии по отношению к русским. Отношение к ЕС менее агрессивно и полюс мнений сменился только в апреле 2014 года. Мантра о дружественности Украины действовала долго и эффективно на общественное сознание пока во всей очевидности не оказалась недостоверной, и украинские политики приняли те политические решения, которые шли вразрез со стратегическими геополитическими интересами России: общественное мнение изменилось – Украина попала в стан врагов России.

Результаты опроса отражают наращивание посредством информационного пространства патриотизма военного толка, радикализма, единогласия, также часто слышатся обращения к религиозности в рамках православной конфессии и коллективизму посредством создания массовых общественных движений. Формирование ярко выраженного отрицательного отношения к значительной части мира ведёт к наращиванию декларируемой и потенциальной жертвенности в поведении населения, понимаемой в светском контексте долженствования.

Такая жертвенность удобная черта в характере для «потерпеть», Д. Медведев своей фразой «Денег нет, но вы тут держитесь» обращается именно к такой жертвенности. Вменённая жертвенность по отношению к социально-политическим процессам позволяет отодвинуть или вовсе отменить открытый социальный протест, выливающийся в вооружённое столкновение с представителями государственных органов.

С другой стороны, именно такая жертвенность – препятствие к развитию. Она не позволяет ставить цели, связанные с благополучием. Программирование будущего с опорой на вменённую жертвенность населения позволяет проводить очередную модернизацию системы с большими человеческими потерями и без возможности дальнейшего создания саморазвивающейся системы. Жертвенность в контексте патриотизма можно использовать в краткосрочной перспективе для решения конкретных задач.

Такие абстрактные цели как поиск истины или правды, которые не могут быть достижимы, но чётко зафиксированы в сознании, к которым с завидной регулярностью обращаются все политические силы в электоральный период, в совокупности с патриотически-жертвенным характером поведения дают простор для злоупотребления управленца и препятствуют долгосрочному развитию. Воспитание поколения в рамках государственного патриотизма, культа жертвы со стороны предков делает вменённую жертвенность в сознании поколения маркером

идентичности, а также желаемым и поощряемым способом политического действия. Таким образом, жертвенность будет приобретать распространение как декларируемая черта, а не как потенция действия. Более того, полезный смысл категории жертвенности изымается и в индивидуальном сознании заменяется смесью боли и долга.

Вменённая жертвенность в русской политической культуре выступает одновременно как результат требований со стороны общества и как способ интеграции в общество. Эта черта является требованием, передающимся из поколения в поколение, которое поощряется и используется политическими институтами. Вменённая жертвенность оказывается не добровольным поступком веры, а навязанным отказом от достижения желаемого, общество требует ни в коем случае не делать того, что хочешь, а делать то, что ему надо в то время, как индивид не испытывает в этом потребности. Можно ли сказать, что постоянное использование этой черты ведёт к формированию невроза у одного или даже нескольких поколений? А в совокупности с невозможностью оценить информацию и принятием её посредством веры оказывается, что можно достичь значительной степени сервильности по отношению к государству.

В этом залог разрушительности и невозможности созидать и развивать политическую систему в продолжительном использовании вменённой жертвенности населения в политической практике.

Необходимо формировать социальную базу для устойчивого развития государства. Как показывает опыт европейского союза в области инноваций, наибольшее количество инновационных внедрений достигается там, где меньше всего законодательно регулируют процесс инноваций. Программирование политического и социально-экономического будущего уменьшает инициативу, не предоставляя ни доверия, ни возможности, в очередной раз проявляя государственный патернализм.

Жертвенность стоит рассматривать в рамках политической культуры только как сверхчеловеческую ценность, доступную только некоторым людям. Не стоит вменять её в обязанность. Необходимо опираться только на моральные стороны жертвенности как бескорыстную любовь к ближнему, заботу о нём без ожидания какой-либо благодарности. Тогда популяризированная ценность жертвы и жертвенности может принести пользу в смысле социально-экономической эффективности. А требование со стороны общества жертвы от человека приведёт только к озлобленности и невротизации, что закроет возможности роста социальных систем и поставит под угрозу модель саморазвивающейся политической системы.

Список литературы

1. Гуляихин В. Н. Архетипы политической культуры российских граждан // NB: Проблемы политики и общества. – 2013. – № 1. – С. 153–170. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.1.332. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_332.html
2. Алмонд Г. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / Г. Алмонд; С. Верба; пер. с англ. Е. Генделя. – М.: Мысль, 2014. – 500 с.
3. Жирар Р. Козёл отпущения / Р. Жирар; пер. с фр. Г. Дашевского; Предисл. А. Эткинды. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. – 336 с.

4. Постановление правительства Российской Федерации от 30.12.2015 № 1493 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы».
5. Иванова С. Ю. Патриотизм как социально значимая ценность в современной России / Иванова С. Ю. // Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации: XIII Международные Лихачевские научные чтения 16–17 мая 2013 г. – СПб.: СПбГУП, 2013. – С. 292–295.
6. Новоселова Е. Свобода, жертвенность, любовь // Российская газета. – Федеральный выпуск. – 2011. – № 5391 (15). URL: <https://rg.ru/2011/01/27/freedom.html>
7. Рязанцев И. П., Феноменология православных ценностей в оценке экспертов / П. Рязанцев, М. Подлесная, И. Козлов // Социологические исследования. – 2014. – № 8. – С. 128–135.
8. Матвеев П. Е. Поступок самопожертвования (опыт этического анализа) / П. Матвеев // Этическая мысль. – 2013. – № 13. – С. 199–211.
9. Магун В. С. Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян / В. Магун, М. Руднев, П. Шмидт // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2015. – Т. 121. – № 3–4. – С. 74–93.
10. Лапин Н. И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов / Н. Лапин // Социологические исследования. – 2010. – № 1. – С. 28–36.
11. Ласточкина М. А. Ценности населения в социокультурном пространстве региона // Universum: Экономика и юриспруденция: электрон. науч. журнал. – 2015. – № 8 (19). URL: <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/2470>
12. Булатова Т. А. Ценности СМИ и населения Томской области: сравнительный анализ / Т. Булатова, Н. Камарова, Галашова Н. // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 1 (17). – С. 148–157.
13. Эко У. Средние века уже начались / У. Эко // Иностранная литература. – 1994. – № 4. – С. 258–267.
14. Левада Ю. А. СМИ: Внимание и цензура URL: <http://www.levada.ru/2016/06/06/smi-vnimanie-i-tsenzura/>
15. Левада Ю. А. Союзники и «враги» России, Европейская интеграция. URL: <http://www.levada.ru/2016/06/02/13400/>

Baburova N. B. The Importance of the Phenomenon of the Victim in the Russian Civil Culture // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 3. – P. 81–91.

The analysis of a concept of the victim and value of sacrifice in the context of the Russian civil culture is carried out. The interrelation and an overflowing of semantic filling of close categories of concepts is revealed: the victim, sacrifice, self-sacrifice, - as a result of social orientations of civil culture. Dependence of activation of values, in particular, of sacrifice from social and economic, information, educational processes is described.

Keywords: victim, sacrifice, value, political culture.

References

1. Gulyaikhin V. N. Arkhetipy politicheskoy kultury rossiyskikh grazhdan [Archetypes of Political Culture of Russian Citizens]. Problemy politiki i obshchestva [Policy and society issues], 2013, no. 1, P. 153–170. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.1.332. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_332.html
2. Almond G. Verba S. Grazhdanskaya kultura: politicheskie ustanovki i demokratiya v pyati stranakh [Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Countries]. Moscow, Musl [Thought], 2014, 500 p.
3. Zhirar R. Kozel otpushcheniya [The Scapegoat]. SPb., Ivan Limbakh Publ., 2010, 336 p.
4. Postanovlenie pravitelstva Rossiyskoy federatsii ot 30.12.2015 № 1493 «O gosudarstvennoy programme «Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossiyskoy Federatsii na 2016–2020 gg.» [Russian Federation Government Resolution dated 30.12.2015 № 1493 «About the State Program «Patriotic Education of Citizens of Russian Federation for 2016–2020 years»].

5. Ivanova S. Yu. Patriotizm kak sotsialno znachimaya tsennost v sovremennoy Rossii [Patriotism as Socially Significant Value in Modern Russia]. Dialog kultur: tsennosti, smysly, kommunikatsii: XIII Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya 16–17 maya 2013 g. [Dialogue of Cultures: Values, Meanings, Communications: XIII International Likhachev Scientific Readings, 16-17 May 2013]. SPb., SPbGUP, 2013, P. 292–295.
6. Novoselova Y. Svoboda, zhertvennost, lyubov [Freedom, Sacrifice, Love]. Rossiyskaya gazeta. Federalnyy vypusk no. 5391 (15) [Russian newspaper. Federal edition]. URL: <https://rg.ru/2011/01/27/freedom.html>
7. Ryazantsev I. P., Podlesnaya M. A., Kozlov I. I. Fenomenologiya pravoslavnykh tsennostey v otsenke ekspertov [Phenomenology of Orthodox Values in the Expert Assessment]. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological research], 2014, no. 8, P. 128–135.
8. Matveev P. Ye. Postupok samopozhertvovaniya (opyt eticheskogo analiza) [The Act of Self-Sacrifice (Experience of Ethical Analysis)]. Eticheskaya mysl [Ethical Thought], 2013, no. 13, P. 199–211.
9. Magun V. S., Rudnev M. G., Schmidt P. Yevropeyskaya tsennostnaya tipologiya i bazovye tsennosti rossiyan [European Typology of Values and Basic Values of Russians]. Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii [Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions], 2015, Vol. 121, no. 3–4, P. 74–93.
10. Lapin N. I. Funktsionalno-orientiruyushchie klasteri bazovykh tsennostey naseleniya Rossii i ee regionov [Functionally-Orienting Clusters of the Basic Values of the Population of Russia and its Regions]. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Research], 2010, no. 1, P. 28–36.
11. Lastochkina M. A. Tsennosti naseleniya v sotsiokulturnom prostranstve regiona [The Values of the Population in Sphere of Socio-Cultural Environment of the Region]. Universum: Ekonomika i yurisprudentsiya [Universum: Economics and Law], 2015, no. 8 (19). URL: <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/2470>
12. Bulatova T. A., Kamarova N. A., Galashova N. B. Tsennosti SMI i naseleniya Tomskoy oblasti: sravnitelnyy analiz [Media Values and Population of Tomsk Region: A Comparative Analysis]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya [The Tomsk State University messenger. Philosophy. Sociology. Political science], 2012, no. 1 (17), P. 148–157.
13. Eko U. Srednie veka uzhe nachalis [The Middle Ages has Already Begun]. Inostrannaya literatura [Foreign Literature], 1994, no. 4, P. 258–267.
14. SMI: Vnimanie I Tsenzura [Mass Media: Attention and Censorship]. URL: <http://www.levada.ru/2016/06/06/smi-vnimanie-i-tsenzura/>
15. Soyuzniki i “Vragi” Rossii, Yevropeyskaya Intyegratsiya [Allies and “Enemies” of Russia, European Integration]. URL: <http://www.levada.ru/2016/06/02/13400/>

УДК 323.2

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОПТИМИЗАЦИИ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КРЫМУ

Гросфельд Е. В.¹, Филатов А. С.²

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

¹*E-mail: alegros@mail.ru*

²*E-mail: asfilatov58@gmail.com*

Отсутствие продуманной и эффективной государственной национальной политики способствует напряжённости в этноконфессиональных отношениях. Возможное нарастание количества и интенсивности столкновений и противоборств во всех основных сферах жизнедеятельности общества обусловлено как самим по себе переходным содержанием современных социально-экономических процессов в Крыму, так и целым рядом объективных и субъективных факторов, усиливающих конфликтность в общественном развитии. В современном Крыму переход к новой модели управления межнациональными отношениями должен стать преградой на пути проникновения в общество ксенофобии и экстремистских настроений. В рамках статьи обосновано, что межэтническая напряжённость может отрицательно действовать на экономические процессы, усиливая именно негативные аспекты межэтнических отношений, которые остро воспринимаются в полиэтническом сообществе региона. С другой стороны, негативные факторы (санкционная политика Запада, блокады) могут оптимизировать этноконфессиональные отношения за счет разработки комплекса социально-экономических и нормативно-правовых мер, обеспечивающих активизацию межнационального взаимодействия в экономической сфере. В рамках исследования выявлен значительный рост внимания иностранных инвесторов к экономике региона, а также достаточно слабое влияние западной санкционной политики на экономическую сферу Крыма. Обеспечение взаимодействия с институтами гражданского общества должно быть положено в основу совершенствования нормативной базы, стабилизации и укрепления межнациональных отношений в контексте экономической политики в Крыму.

Ключевые слова: межнациональные отношения, этноконфессиональные отношения, экономические процессы, оптимизация.

Результаты исследований протекания экономических процессов в этноконфессиональной сфере, а также их взаимовлияния в Республике Крым (за период 2015-2016 гг.) свидетельствуют о достаточно широком спектре проблем, требующих адекватного и своевременного решения. Так наиболее сложными проблемами в данной сфере являются вопросы документального подтверждения прав, в том числе, права собственности на недвижимость, включая землю. Затяжной процесс перерегистрации субъектов предпринимательства всех организационно-правовых форм и, как следствие, неполучение лицензии на осуществление

специализированных видов деятельности наносит прямой ущерб развитию экономики Крыма. Определенное влияние оказывает также санкционная политика стран Запада в отношении Крыма, а также слабая инфраструктура в регионе. Таким образом, актуальность данной проблематики в современных условиях очевидна и требует безотлагательной разработки направлений оптимизации социальной и экономической политики в Крыму, в том числе, и с целью обеспечения межнационального согласия и стабильности.

Целью статьи является анализ экономических процессов в Крыму за 2015–2016 гг. в контексте развития этноконфессиональных отношений.

Новизна исследования, отражённая в настоящей статье, заключается в выводах, свидетельствующих о снятии экономического фактора межэтнической и религиозной напряжённости в Крыму в текущей ситуации.

Сложившаяся социально-экономическая обстановка не может не воздействовать на состояние межнациональных взаимоотношений в Крыму. С целью сокращения дистанции между бизнес-сообществом и органами государственного управления и контроля Крыма, обсуждения основных вопросов функционирования свободной экономической зоны, консолидации предпринимателей Крыма, повышения уровня правовой грамотности среди предпринимателей, выявления и анализа проблематики ведения бизнеса в республике актуализировалась необходимость внедрения новых форматов коммуникаций. Организация таких коммуникационных площадок как, например, бизнес-завтраки (бизнес-завтрак с представителями власти «Функционирование свободной экономической зоны в Крыму», бизнес-завтрак «Развитие предпринимательства в Республике Крым» и т.п.) позволяет усилить эффективность взаимодействия представителей власти, бизнеса и других социальных групп.

Помимо этого, регулярное проведение консультаций, деловых встреч, форумов и других мероприятий свидетельствует о том, что есть немало желающих организовать бизнес на территории полуострова, несмотря на вышеуказанные проблемы, а также сложности с инфраструктурой и санкциями. Так, для привлечения инвесторов в Крым в 2014 году была создана свободная экономическая зона (СЭЗ) сроком работы 25 лет – до 2039 года. СЭЗ создает благоприятный для бизнеса – сниженные налоги и свободную таможенную зону. В ходе I Ялтинского форума власти Крыма получили 28 заявок от компаний и предпринимателей, желающих стать участниками этой СЭЗ. Еще 10 участников форума были намерены сдать свои заявки после завершения форума.

Большой интерес Крым вызывает, в частности, у предпринимателей Франции. Несмотря на политику санкций, французский бизнес уже уверенно приходит на полуостров. Привлечение французских инвестиций, создание исторических парков в Москве и в Крыму принесут пользу обеим сторонам.

На I Ялтинском форуме власти Крыма подписали соглашение с ГК «Легенда Крыма», которая намерена заниматься виноделием в СЭЗ. Группа компаний планирует заложить 850 га виноградников в Сакском районе на западе Крыма. Инвестиционный проект предполагает создание не менее 160 рабочих мест, объем инвестиций – не менее 964 млн. рублей.

Представители Ассоциации внешнеторгового сотрудничества стран Черноморского побережья и правительства Крыма подписали соглашение о сотрудничестве. Глава ассоциации Ильтер Сагырсой сообщил, что турецкий бизнес намерен усилить свою инвестиционную деятельность в Крыму. Приоритетными направлениями сотрудничества Турции и Крыма являются туризм и медицина.

Несмотря на санкции, представители различных стран Западной Европы, востока и стран СНГ проявляют интерес к курортам Крыма. Во время встречи с представителями власти президент инвестиционной компании «Тома Вандом» Жан-Пьер Тома сделал акцент на детский туризм и возможное объединение потенциалов в лечебном туризме. Кроме того, со стороны французской делегации поступили предложения представить Крым на Санкт-Петербургской инвестиционной форуме и рассмотреть возможность сотрудничества в рамках реализации кластера горного туризма Крыма. В рамках делового бизнес-форума «Юг Крыма-2015» на туристическом форуме также присутствовала турделегация из Финляндии и Эстонии.

Представители туроператоров Китая намерены приехать в Крым, чтобы ознакомиться с туристическим потенциалом региона и сформировать предложения для китайских туристов.

Еще одна не менее важная отрасль, чем виноделие, для экономики Крымского федерального округа – это недвижимость. В настоящий момент в Крыму есть потенциал по развитию многих видов курортной недвижимости. Речь не только о традиционных отелях и санаториях, но и о коттеджных поселках, яхт-клубах, комплексах апартаментов и многоквартирных домах.

Безусловно, наиболее привлекательными для потенциальных инвесторов регионами в Крыму являются Симферополь и Южный берег Крыма. По мнению министра экономического развития РК Валентина Демидова, «из 560 заявок приблизительно 20 процентов – это Симферополь. Есть масса проектов в транспортной сфере, в сфере жилищного строительства», – рассказал министр. Он также добавил, что ряд российских компаний-инвесторов выразили готовность работать в Крыму на площадке будущих промышленных парков. Всего в РК запланировано строительство трех промышленных парков – в Феодосии, Евпатории и Бахчисарае [1].

Относительно перспектив развития международного сотрудничества, в анализируемый период состоялся ряд важных мероприятий. Так ряд предложений о сотрудничестве с Крымом подготовили в рамках своего визита в конце января 2016 г. представители немецкого бизнеса. По возвращению в Германию представители партии планируют сообщить руководству страны о том, что происходит в Крыму на самом деле.

Активный интерес к развитию сельского хозяйства в Крыму проявляют представители греческого бизнеса.

Представители крупного многопрофильного иранского холдинга, которые посетили Крым в начале февраля, заявили о готовности инвестировать проекты на территории Крыма, связанные с нефтедобычей и нефтепереработкой, энергетикой и

производством строительных материалов, а также оказанием консалтинговых услуг и поставок продовольственных товаров.

В экономической сфере в начале 2016 г. можно выделить события, связанные в основном с двумя направлениями – преодолением последствий энергоотключения и развитием международных торгово-экономических отношений. Власти Крыма рассматривали два механизма компенсации потерь промышленных предприятий, вызванных энергодефицитом. Первый вариант – компенсация разницы между тарифами на электроэнергию, произведённую дизель-генераторной установкой за прошедший и настоящий период. Согласно второму варианту, предлагается выплата дополнительных средств, которые затрачивают предприятия во время работы в ночное время. В целом, ущерб, нанесенный предприятиям оборонно-промышленного комплекса, составил 188 миллионов рублей. В этом отношении необходимо отметить, что финансовый резерв позволил Республике Крым иметь определенный запас средств на случай непредвиденных и чрезвычайных ситуаций. В прошлом году он составлял 40 млн. рублей, но из-за режима ЧС был увеличен до 300 млн. рублей. П. Шеремет отметил, что в 2015 году финансовый резерв Республики составил более 40 млн. рублей, а в этом году бюджетом Республики предусмотрен финансовый резерв в размере 300 млн. рублей [2]. Руководство Крыма, принимая во внимание важность использования резервных финансовых и материальных ресурсов для ликвидации ЧС, приложило максимальные усилия для создания данных резервов. Относительно финансирования Крыма в условиях снижения курса рубля и сложностей с доходной частью российского бюджета регион в этом году получит государственное финансирование в полном объеме, по мнению главы профильного комитета Госдумы А. Аксакова [3]. В данной ситуации также немало зависит от властей Крыма, насколько оперативно и эффективно они смогут подготовить проектно-сметные документы по госпроектам и согласовать их с федеральным центром.

Несмотря на значительную расходную часть бюджета в условиях «блэкаута», финансирование выделялось и на мероприятия культурной сферы. Так деньги на новые костюмы и обновление материально-технической базы творческих коллективов национальных автономий Крыма выделили из бюджета государственного комитета Госсовета Республики по делам национальностей. В этом году он составил порядка 400 млн. рублей. Это вдвое превышает показатели 2015 года. Глава государственного комитета Госсовета Республики по делам национальностей при этом не уточнил, сколько именно денег выделили на эти цели. По его словам, в рамках развития и укрепления межнациональных отношений в Крыму на базе созданного «Дома дружбы народов», который в середине 2015 года заработал в Симферополе, провели 30 мероприятий республиканского и 50 муниципального значения [4].

Относительно финансовой поддержки национальных общин, стоит отметить получение крымскими итальянцами президентского гранта на книгу о депортированных предках и экспедиции. Деньги (1,5 млн. рублей) потратят на исследования и написание книги о депортированных соотечественниках. Итальянцы планируют для сбора информации отправить экспедицию в Челябинск. «В первую

очередь поедом в Челябинск – там в трудармии было много наших итальянских семей. Те, кто выжили, в основном обосновались там. Мало кому удалось вернуться в Крым. Это мы самые счастливики: во-первых, наши предки выжили, а во-вторых, смогли вернуться», – сообщила председатель сообщества итальянцев Крыма «Черкио» Джулия Джаккетти-Бойко [5].

В течение указанного периода наиболее интенсивно стала реализовываться Федеральная целевая программа социально-экономического развития Крыма. Собственно говоря, именно через реализацию ФЦП мы можем проследить социально-экономические процессы в Крымском федеральном округе. Правительство РФ в августе 2014 одобрило ФЦП по социально-экономическому развитию Крыма и Севастополя до 2020 года с финансированием в сумме 681 миллиард рублей. ФЦП должна обеспечить динамичное развитие Крымского федерального округа, модернизировать инженерную, транспортную и социальную инфраструктуру региона, способствовать развитию приоритетных для округа секторов экономики, повышению качества жизни населения.

Следует отметить, что в течение этого времени, до 2016 г., как в целом социально-экономические процессы, так и непосредственно реализация ФЦП в Крыму имели существенные проблемы. В значительной степени эти проблемы были связаны с серьезным организационно-кадровым дефицитом крымской власти. Этим было продиктовано учреждение Правительством РФ в январе текущего года Некоммерческой организации «Дирекция по управлению федеральной целевой программой «Социально-экономическое развитие Республики Крым и города Севастополя до 2020 года», созданной для эффективной реализации программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и города Севастополя до 2020 года». Имущественный взнос в организацию составит в 2016 году 157,3 миллиона рублей. Взнос будет ежегодным из федерального бюджета. Основными функциями Дирекции будут:

- проведение документов по ФЦП от стадии их создания до стадии подписания контрактов,
- контроль за эффективностью использования бюджетных средств,
- проведение проверок реализации инвестпроектов,
- мониторинг всех мероприятий программы в соответствии с планами и графиками строительства объектов.

В рамках этого решения было поручено Министерству финансов РФ вернуть Крыму 2,6 млрд. руб., не освоенных по ФЦП в 2015 году. Как заявила в эфире радио «Россия сегодня» министр финансов Республики Крым Ирина Кивико, «средства к нам зашли (в 2015 г.) в размере 3 млрд. 617 млн. рублей, но мы из них успели освоить 978 млн. Остальное подлежит возврату в федеральный бюджет. Но мы можем подать заявку на возврат, подтвердить потребность, и федеральный орган нам возвращает (средства по ФЦП – ред.). Мы не потеряли эти деньги». Ирина Кивико уточнила, что ситуация с неполным освоением средств по федеральным целевым программам существует не только в Крыму, но и в других субъектах Российской Федерации. Общая сумма средств, которую Крым получит по ФЦП в 2016 году, на данный момент уточняется [6].

Основные расходы бюджета Республики Крым на текущий 2016 год:

- образование – 25,2% (в 2015-м – 8,6%),
- здравоохранение – 20,3% (в 2015-м – 16,3%),
- социальная политика – 16,7% (в 2015-м – 11,5%).

За 2015 год доходы в консолидированный бюджет в виде налоговых и неналоговых поступлений составили 31,4 миллиарда рублей при плане 28 миллиардов. Утвержденные плановые показатели выполнены на 110,7%. Из них в бюджет РК поступило 25,6 миллиардов рублей (110,2% к плану), в бюджеты муниципальных образований – 5,8 миллиардов (112,9% к плану) [7].

Следует отметить, что основные статьи расходов бюджета – образование, здравоохранение и социальная сфера – самым непосредственным образом связаны с системой этноконфессиональных отношений в целом и непосредственно с этнической и религиозной политикой. Значение социально-экономических процессов в Крыму определяется и тем вниманием, которое уделяет реализации ФЦП Президент России. 17 марта 2016 г. Президент РФ Владимир Путин провел оперативное совещание с постоянными членами Совета безопасности России, на котором обсуждался ход реализации федеральной целевой программы в Крыму. Этот факт также подтверждает озабоченность Президента России тем, как проходила до этого реализация ФЦП, осуществляемая, главным образом, крымской властью.

Собственно, новый формат ФЦП в Крыму, утверждённый Правительством РФ в январе 2016 г., стал воплощаться на практике со второго квартала. Непосредственно его «запуск» на месте был осуществлён А. Улюкаевым 8 апреля 2016 г., который в свою очередь отметил: «У нас есть серьезные проблемы, связанные с тем, что планы-графики по объектам в ряде случаев не выполняются. В большинстве случаев это объекты, где госзаказчиком выступают именно Республика Крым и город Севастополь» [8]. В рамках этой рабочей поездки в Республику Крым А. Улюкаев запланировал совещание по вопросам эффективности реализации ФЦП «Социально-экономическое развитие Республики Крым и города Севастополя», а также обсуждение работы созданной для управления ФЦП соответствующей автономной некоммерческой организации. Также было отмечено, что в реализации ФЦП есть не принципиальные, но позитивные сдвиги. В рамках реализации Федеральной целевой программы социально-экономического развития Крыма и Севастополя до 2020 освоено около 24% выделенных средств. Однако, одной из основных проблем реализации Федеральной целевой программы социально-экономического развития Крыма и Севастополя до 2020 года является низкий процент освоения выделяемых средств. Одна из не решённых пока проблем в Крыму, на которую обратил внимание министр, это низкое качество автомобильных дорог. Глава Минэкономразвития РФ при этом заметил, что автомобильный парк в Крыму за истекшие полтора года существенно улучшился: «Я проехался вчера и сегодня по многим дорогам полуострова. Конечно же, бросается в глаза резкий контраст между принципиально изменившимся автопарком и состоянием дорог. Автопарк количественно и качественно другой: из автопарка реликтовых советских автомобилей прежней эпохи сейчас он стал совершенно современным. Состояние

дорог, конечно же, совсем этому автопарку не соответствует» [9]. Данное замечание указывает на то, что федеральный центр обеспечил современными автомобилями социально-хозяйственную сеть Крымского федерального округа, выделил средства, необходимые для ремонта, реконструкции и строительства дорог, а крымская власть пока не смогла распорядиться ими должным образом.

Наибольшее количество вопросов по освоению средств ФЦП связано с теми объектами, которые реализуются через передачу субсидий двум субъектам федерации – Республике Крым и Севастополю. В течение ближайших двух месяцев по итогам совещания по вопросам реализации ФЦП будут устранены отставания от графиков строительства объектов по Федеральной целевой программе социально-экономического развития Республики Крым и Севастополя до 2020 года.

Глава Республики Крым С. Аксёнов заверил, что Крым намерен освоить по ФЦП 30 миллиардов рублей в этом году. Освоение подразумевает качественное выполнение работ по 300 объектам, связанным с проектированием и строительно-монтажными работами. Надо сказать, что это достаточно смелое заявление, которое претендует на характеристику безответственного. Поскольку в 2015 г. крымские власти не смогли освоить и 1 млрд. руб. Не исключено, что пришедшее позднее осознание трудновыполнимости таких показателей освоения денег по ФЦП подвигло С. Аксёнова грозить трибуналом за сбой в её реализации.

В апреле 2016 г. было принято решение Министерством экономического развития РФ, что в дирекцию по управлению крымской ФЦП войдут и федеральные чиновники. Реализацией программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и города Севастополя до 2020 года» будут заниматься в общей сложности около 170 человек. При этом власти Республики Крым намерены на 100 человек увеличить штат Службы капитального строительства Крыма, которая участвует в реализации ФЦП в части проектирования различных объектов.

В Севастополе будет осуществлена работа по 93 социально важным объектам в 2016 году. На реализацию ФЦП город федерального значения получит 4,5 миллиарда рублей. В числе внесённых в категорию социально важных для города объектов – дороги, очистные сооружения, водопроводы и системы водоснабжения, проектирование гражданского сектора аэропорта «Бельбек».

В рамках мониторинга социально-экономических процессов в Крыму, следует отметить и II Ялтинский международный экономический форум «Экономика роста в условиях новых вызовов». Хотя непосредственного влияния на социально-экономические процессы в Крыму он не оказал, но по целому ряду признаков стал знаковым не только для крымского общества, но и для России в целом. В его работе приняли участие представители 26 стран со всех континентов. И в этом смысле была достигнута основная цель Форума – преодоление экономической изоляции Крыма. В числе достижений Форума можно отметить следующие:

1. Крымские депутаты приняли в первом чтении законопроект об утверждении соглашения между Советом министров Республики Крым и Кабинетом министров Республики Абхазия. Документ был подписан в апреле в ходе Ялтинского международного экономического форума.

2. В рамках Ялтинского международного экономического форума представители одной из крупных торговых сетей России выразили готовность к работе в Крыму. В частности, они готовы открыть на полуострове до ста магазинов.
3. В рамках форума власти Севастополя представили площадки для инвестпроектов, а также договорились о дальнейшем сотрудничестве с иностранными партнерами.
4. В ближайшее время в ряде зарубежных государствах пройдет презентация инвестиционного потенциала Крыма.
5. Трастовые формы ведения бизнеса в Крыму, которые позволят иностранным инвесторам оставаться инкогнито, помогут полуострову обойти экономические санкции, прорабатываются в ходе Ялтинского международного экономического форума.
6. Между Абхазией и Крымом подписали Соглашения в рамках Ялтинского международного экономического форума.
7. В Крыму планируют провести декаду абхазского искусства.
8. Более 400 договоров на реализацию проектов в рамках свободной экономической зоны заключено в Крыму. Общий объем инвестиций составляет свыше 70 млрд. рублей.
9. Участниками II Ялтинского международного экономического форума стали 1100 человек, в том числе более 70 человек из 26 стран мира. В ходе ЯМЭФ с предпринимателями заключены 12 соглашений на 70 млрд. рублей.

Для оказания помощи властям Республики Крым и Севастополя в реализации Федеральной целевой программы на полуостров прибыл ряд опытных специалистов в различных областях из Москвы, Сочи и других регионов страны. Этот факт (привлечение дополнительных специалистов некрымчан), а также увеличение штата «реализаторов» ФЦП Крыма в 6 раз в июне говорят о том, что и в 2016 г. реализация ФЦП сталкивается с серьезными трудностями. В результате, если в начале второго квартала 2016 г. председатель Совета министров РК С. Аксёнов заявлял о стремлении освоить 30 млрд. руб. в течение года, то по итогам второго квартала он уже опустился до уровня 23 млрд. руб., хотя по-прежнему использует бодрую риторику: «Прорыв произошел у всех – все контракты заключены. Это произошло благодаря совместной работе республиканских и муниципальных органов власти. Это доказывает, что когда вы захотите, коллеги, вы все можете сделать. Поэтому мы сейчас вышли на финишную прямую по реализации объектов. Деньги нам доведены. Ориентировочно, даже с учетом нынешних графиков, мы сможем освоить около 24 млрд. рублей. Прошу всех сосредоточиться на выполнении государственных задач», – сказал Аксёнов на совещании с главами муниципалитетов [10].

Несмотря на вышеуказанные проблемы, оптимистический сценарий реализации поставленных задач вполне возможен. В основе конфликтов зачастую лежит экономический интерес и амбиции определенных людей, которые переводят их в плоскость межнациональных отношений. Минимизация экономической напряженности с ее потенциальной возможностью трансформации в межэтнические конфликты возможна при:

- создании эффективных бизнес-проектов и, соответственно, дополнительных рабочих мест;
- более объективном и обоснованном подходе к выделению и расходованию бюджетных средств на профилактику и противодействие негативным явлениям в межнациональных отношениях;
- повышении эффективности работы органов власти всех уровней по прогнозированию и предупреждению межэтнических конфликтов;
- целенаправленной работе национальных общественных объединений по формированию гражданской солидарности, культуры мира и согласия.

Список литературы

1. В Крыму инвесторов больше всего привлекают Симферополь и ЮБК. URL: <http://crimea.ria.ru/economy/20160204/1103056786.html>
2. Из-за ЧС Крым увеличил финансовый резерв в 7,5 раз. URL: <http://crimea.ria.ru/society/20160129/1102945195.html>
3. Глава комитета ГД: Крыму не урежут финансирование по госпрограммам. URL: <http://crimea.ria.ru/opinions/20160127/1102899208.html>
4. Для крымских национальных творческих коллективов сшили 170 костюмов. URL: <http://crimea.ria.ru/culture/20160119/1102742963.html>
5. Крымские итальянцы получили президентский грант на сбор информации о депортированных. URL: <http://cistr.ru/ru/news/kryimskie-italyanczyi-poluchili-prezidentskij-grant-na-sbor-informaczii-o-deportirovannyix.html>
6. Минфин: Крыму вернут 2,6 млрд, не освоенных по ФЦП в 2015 году. URL: <http://crimea.ria.ru/economy/20160120/1102774793.html>
7. Средства ФЦП для Крыма и Севастополя на 2016-й год определяют в феврале. URL: <http://crimea.ria.ru/radio/20160122/1102816486.html>
8. В МЭР рассказали о проблемах в реализации ФЦП по развитию Крыма. URL: <http://www.interfax.ru/business/501066>
9. Автопарк Крыма не соответствует местным ямам и канавам. URL: <http://crimeapoints.ru/crimea-news/avtopark-kryma-ne-sootvetstvetuet-mestnym-yamam-i-kanavam/>
10. Проект и реализация федеральной целевой программы (ФЦП) «Социально-экономическое развитие Крымского федерального округа до 2020 года». URL: <http://ecostaff.ru/krym/1285-proekt-kontseptsii-federalnoj-tselevoj-programmy-ftsp-sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-krymskogo-federalnogo-okruga-do-2020-goda>

Grosfeld E. V. Filatov A. S. Economic Aspects of Optimization Ethno-confessional Relations in Crimea // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 3. – P. 92–101.

The lack of a sound and effective state national policy promotes ethnic and religious tensions in the relationship. Possible increase in the number and intensity of conflicts and confrontations in all major areas of social life caused both by itself transitional content of contemporary socio-economic processes in Crimea, as well as a number of objective and subjective factors that increase conflicts in social development. In today's Crimea transition to a new model of inter-ethnic relations management should become a barrier to the penetration into society of xenophobia and extremist attitudes. As part of the article proved that ethnic tensions could adversely affect the economic processes, increasing it negative aspects of inter-ethnic relations, which badly perceived in a multiethnic community in the region, and complicating these relations. On the other hand, negative factors (the sanctions policy of the West, the blockade) can optimize the ethno-confessional relations through the development of socio-economic and regulatory measures to ensure the revitalization of international economic cooperation. The study revealed a significant increase in the attention of foreign investors to the region's economy, as well as quite a weak effect of Western sanctions policy in the economic

sphere of the Crimea. Ensuring interaction with civil society institutions should be used as the basis of improving the regulatory framework, stabilize and strengthen inter-ethnic relations in the context of economic policy in the Crimea.

Keywords: international relations, ethno-confessional relations, economic processes, optimization.

References

1. V Krymu investorov bol'she vsego privlekayut Simferopol' i YUBK [In the Crimea Investors are Most Attracted to Simferopol and the South Coast]. URL: <http://crimea.ria.ru/economy/20160204/1103056786.html>
2. Iz-za CHS Krym uvelichil finansovyy rezerv v 7,5 raz [Due to the of Emergencies of Crimea has Increased the Financial Reserve of 7.5 Times]. URL: <http://crimea.ria.ru/society/20160129/1102945195.html>
3. Glava komiteta GD: Krymu ne urezhut finansirovaniye po gosprogrammam [The Head of Committee of the State Duma: the Crimea does Not Cut Back on Funding for State Programs]. URL: <http://crimea.ria.ru/opinions/20160127/1102899208.html>
4. Dlya krymskikh natsional'nykh tvorcheskikh kollektivov sshili 170 kostyumov [For the Crimean National Creative Teams Sewed 170 Costumes]. URL: <http://crimea.ria.ru/culture/20160119/1102742963.html>
5. Krymskiye ital'yantsy poluchili prezidentskiy gran na sbor informatsii o deportirovannykh [Crimean Italians Received a Presidential Grand Prize for the Collection of Information on the Deported]. URL: <http://cistrc.ru/ru/news/kryimskie-italyanczyi-poluchili-prezidentskiy-grant-na-sbor-informaczii-o-deportirovannyix.html>
6. Minfin: Krymu vernut 2,6 mlrd, ne osvoyennykh po FTSP v 2015 godu [The Ministry of Finance: Crimea Will Return 2.6 Billion, not Disbursed by the FTP in 2015]. URL: <http://crimea.ria.ru/economy/20160120/1102774793.html>
7. Sredstva FTSP dlya Kryma i Sevastopolya na 2016-y god opredelyat v fevrale [Means of the FTP for the Crimea and Sevastopol in the 2016 Year Will Determine in February]. URL: <http://crimea.ria.ru/radio/20160122/1102816486.html>
8. V MER rasskazali o problemakh v realizatsii FTSP po razvitiyu Kryma [The MED Told About the Problems in the Implementation of FTP for the Development of the Crimea]. URL: <http://www.interfax.ru/business/501066>
9. Avtopark Kryma ne sootvetstvuyet mestnym yamam i kanavam [Crimean Autopark does not Correspond to the Local Pits and Ditches]. URL: <http://crimeapoints.ru/crimea-news/avtopark-kryma-ne-sootvetstvuet-mestnym-yamam-i-kanavam/>
10. Proyekt i realizatsiya federal'noy tselevoy programmy (FTSP) «Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye Krymskogo federal'nogo okruga do 2020 goda» [Design and Implementation of the Federal Target Program (FTP) "Social and Economic Development of the Crimean Federal District Until 2020"]. URL: <http://ecostaff.ru/krym/1285-proekt-kontseptsii-federalnoj-tselevoj-programmy-ftsp-sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-krymskogo-federalnogo-okruga-do-2020-goda>

УДК 316.4.066

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГРАЖДАНСКИХ ИНИЦИАТИВ РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ¹

Когай Е. А.

Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация

E-mail: eakogay@mail.ru

В статье поднимается проблема представленности социально-инновационной компоненты в модернизационном потенциале регионов Центрального Черноземья. В качестве примера показан опыт гражданских инициатив некоммерческих организаций. Эмпирической основой статьи являются результаты полевого исследования, проведенного на базе научно-исследовательской социологической лаборатории Курского государственного университета в 2015 году, экспертного опроса руководителей НКО, тексты докладов о состоянии гражданского общества в регионах Центрального Черноземья 2014-2015 годов, а также анализ данных социологических исследований по проблемам гражданского общества в макрорегионе. Выявляются ведущие тенденции развития некоммерческого сектора в макрорегионе: невысокая общественно-политическая активность жителей макрорегиона, стабильное функционирование НКО с длительной исторической традицией, в целом успешная деятельность социально ориентированных НКО, преобладание социальных практик НКО, нацеленных на помощь социально уязвимым категориям населения, духовно-нравственное и патриотическое воспитание граждан. Показан ряд лучших практик и гражданских инициатив макрорегиона. Гражданские инициативы в регионах Центрального Черноземья органично сочетают в себе традицию и новацию, а также ориентируют реализацию модернизационных процессов на повышение качества жизни населения. Делается вывод о необходимости активизации работы над усилением модернизационного потенциала гражданских инициатив как в институциональных, так и неинституциональных формах. Отмечается потребность в повышении эффективности работы общественных палат макрорегиона в рамках обсуждения и решения наиболее острых социальных проблем, а также в рамках содействия гражданским инициативам и координации усилий деятельности самих НКО. Отмечается необходимость поддержки ресурсных и других центров институализации системы НКО. Подчеркивается значение межсекторного партнерства, внедрения и развития негосударственных безвозмездных услуг в макрорегионе.

Ключевые слова: модернизация, макрорегион, некоммерческие организации, гражданские инициативы.

Тема модернизации является одной из актуальных в общественной жизни современной России. Она выражает потребность в реформировании не только экономики страны, но также социальной сферы. Как отмечает Н. И. Лапин, социокультурная модернизация связана с утверждением в повседневной жизни

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект № 15-03-00506 (а) «Социокультурный потенциал модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья».

людей «совокупности ценностей, в центре которой находится развитие человека как личности, а их реализация обеспечивается соответствующими социальными институтами и структурами» [1, с. 6]. Как соотносятся модернизация и ее социальная компонента? Если рассматривать модернизацию как комплексный способ решения различных задач (экономических, политических, социальных, управленческих, а также культурных и личностных), то можно сказать, что обеспечение устойчивого функционирования всех социальных структур, повышение качества жизни жителей страны и ее регионов выступает целью модернизационных процессов. Вопрос о том, насколько данная цель достижима, выдвигает на первый план: 1) социально-инновационную компоненту модернизационного потенциала, в сегменте которой закладываются ориентиры модернизационных процессов; 2) региональные особенности, определяющие ход этих процессов в реальности.

В связи с последним обстоятельством стоит подчеркнуть, что российские регионы существенно дифференцированы по стадиям и фазам модернизации. В частности, применение к субъектам РФ инструментария измерения и сопоставления стадий, уровней и фаз модернизации стран мира, разработанного руководителем Центра исследований модернизации Академии наук Китая профессором Хэ Цуаньци и адаптированного к российским реалиям членом-корреспондентом РАН Н. И. Лапиным, показало, что регионы могут быть условно распределены на шесть групп, соответствующих разным модернизационным стадиям [2]. Определенные различия фиксируются и в регионах Центрального Черноземья.

Учитывая фактор региональной специфики, мы обратимся к вопросу о том, каким образом социально-инновационная компонента находит свое проявление (деятельность руководителей и представителей некоммерческих организаций, а также частные инициативы граждан макрорегиона) в рамках модернизационного потенциала Центрального Черноземья.

Эмпирическую основу данной работы составили результаты полевого исследования (N=500) о деятельности НКО Курской области, проведенного на базе научно-исследовательской социологической лаборатории Курского государственного университета в 2015 году под нашим непосредственным руководством, экспертного опроса руководителей НКО региона (N=30), тексты докладов о состоянии гражданского общества в регионах Центрального Черноземья 2014 года [9; 10; 11] и 2015 года [7], а также анализ данных социологических исследований по проблемам гражданского общества в макрорегионе.

Прежде всего, отметим, что пять областей, входящих в Центральное Черноземье – Белгородская, Воронежская, Курская, Липецкая и Тамбовская области – в августе 2016 года, согласно результатам независимого исследования РИА «ФедералПресс», вошли в число самых спокойных, неконфликтных областей России [3]. Это дает повод полагать, что имеющиеся в регионах гражданские инициативы носят преимущественно конструктивный характер. Важно также отметить, что гражданское общество макрорегиона выступает за формирование общества равных возможностей в качестве устойчивой социокультурной нормы.

Высокая ответственность при этом возлагается на некоммерческий сектор как организационную основу гражданского общества.

Если обратиться к анализу документальных материалов и информационных сообщений печатных и электронных СМИ, то можно обнаружить, что общая картина развития гражданского общества Центрального Черноземья проявляет ряд тенденций. Во-первых, обращает на себя внимание невысокая общественно-политическая активность жителей ЦЧ, инертность и разобщенность, а также недостаточная их осведомленность о деятельности НКО. На это указывают социологические исследования, проводимые в Курской, Белгородской и Воронежской областях [4; 7; 8]. Во-вторых, следует указать на стабильное и довольно успешное функционирование в данном макрорайоне тех НКО, которые прошли в своем развитии относительно длительный исторический путь, порой восходящий еще к советскому периоду развития страны. В-третьих, можно отметить активизацию деятельности социально ориентированных НКО, которые оказались сегодня в зоне государственной поддержки. В-четвертых, к числу доминирующих направлений социальных практик НКО принадлежат те, что нацелены на помощь социально уязвимым категориям населения, духовно-нравственное и патриотическое воспитание граждан, сохранение и популяризацию культурного и природного наследия региона, активизацию исторической памяти. Среди проблем развития институтов некоммерческого сектора в макрорегионе важно назвать недостаточную профессионализацию НКО, преобладание контроля над выполнением социальных полномочий по сравнению с предоставлением самих услуг, невысокий уровень доверия к некоммерческому сектору, а порой и настороженное, недоброжелательное отношение к нему, низкую степень информированности о реализуемых проектах НКО.

При этом нельзя не отметить, что деятельность некоммерческих организаций (НКО) являет собой максимально действенный способ проявления гражданских инициатив. Среди данных организаций в настоящее время выделяется особая группа – социально ориентированные НКО (СО НКО) и организации взаимопомощи, организации клубного типа, благотворительные организации, организации экологической направленности и ряд других. Так, по данным Росстата, на начало 2015 года, только в Центральном федеральном округе было зарегистрировано 27234 таких организации, а по России их численность составила 132087 [5, с. 50–51]. Важно, что данные организации берут на себя функции государственных структур в решении социально значимых проблем. И в реализации данных функций им способствует, во-первых, поддержка государства (в форме грантов), во-вторых, участие в деятельности этих организаций самих граждан. И прежде всего, это добровольчество и благотворительность.

Так, исследование состояния гражданского общества в Курской области в 2015 году (N=500), проведенное на базе научно-исследовательской социологической лаборатории Курского государственного университета под руководством автора данной статьи [7], показало, что 57% опрошенных имели за последний год опыт участия в добровольческой деятельности, причем свыше 40% – опыт неоднократный.

Проведенное нами региональное исследование также обнаружило, что добровольчество и благотворительность наиболее развиты в городах, где инфраструктура и качество услуг стремительно растут. Организаторами добровольческой деятельности в регионе стали: профсоюзные организации, благотворительный марафон «Мир детства», церковные организации, ветеранские организации, Общественная палата Курской области. При этом довольно значимое число респондентов (43,2%) осуществляли добровольческую деятельность по собственной инициативе, за рамками фондов и общественных организаций [7].

Вместе с тем, представляется важным раскрыть состояние институционализированных (воплощенных в деятельности общественных организаций) практик гражданского общества, позволяющих участвовать жителям региона в решении важных социальных проблем.

В Курской области на решение данной задачи было нацелено экспертное социологическое исследование (N=30), проведенное под руководством и непосредственном участии автора данной работы в мае-июне 2014 года. В этом исследовании приняли участие руководители наиболее активных НКО региона. Задачами экспертного опроса стало определение ключевых сфер деятельности некоммерческих организаций региона, выявление их социальной направленности; уточнение характера взаимоотношения некоммерческих организаций и социальных институтов региона; обнаружение проблем и трудностей развития общественных некоммерческих организаций в регионе. Адресатами деятельности этих НКО стали, прежде всего, представители молодежи, дети, ветераны, представители различных профессиональных сообществ, военнослужащие, пенсионеры и другие. Исследование показало, что по сравнению с предыдущими годами, в регионе произошло усиление консультационной работы НКО (53%), активизировалось военно-патриотическое воспитание (33%), усилилась юридическая поддержка населения (20%), увеличилось число НКО, занимающихся пропагандой здорового образа жизни (30%). В качестве препятствий для развития руководители некоммерческих организаций указали на трудности финансовые и организационные, отметили недостаток добровольцев и слабую поддержку со стороны местных властей. Были указаны трудности, связанные с налогообложением, а также с избытком отчетной документации.

Помимо стандартного экспертного опроса в рамках данного исследования нами был проведен также ряд свободных интервью, в которых руководителей НКО попросили рассказать о наиболее ярких социальных проектах, реализованных за последние годы их организациями. Интервью дали возможность воссоздать широкую палитру «добрых дел», которые выполняют сегодня в регионе НКО:

- организация досуга для социально незащищенных групп населения и для лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ);
- образовательные практики для жителей региона различных возрастов;
- осуществление акций по утилизации отходов;
- проведение благотворительных кампаний, концертных программ;
- организация поисковой работы;

- активизация исследовательской работы, проведение социологических исследований и многое другое.

Проведенное исследование показало, что некоммерческие организации вносят посильный вклад в приумножение социокультурного потенциала региона, привлекают внимание общественности к актуальным социальным проблемам, а также сами оказывают помощь социально незащищенным категориям населения.

Анализ материалов «Докладов о состоянии гражданского общества» в регионах Центрального Черноземья за 2014 и 2015 гг. и контент-анализ информационных сообщений СМИ позволяет воссоздать общую картину проявления общественной активности жителей макрорегиона. Обратимся к этим материалам.

Так, в Белгородской области фиксируется возрастание активности, целеустремленности, инициативности граждан. Со стороны жителей региона актуализируется проблема обеспечения разумного соотношения справедливости и законности. Последовательно идет реализация стратегии формирования солидарного общества [8]. Вместе с тем в этом регионе, как и в ряде других, констатируется низкий уровень общественной инициативы, а также иждивенческая позиция граждан [9]. При подведении итогов проявления гражданских инициатив за 2015 год к лучшим реализованным и реализуемым проектам в регионе отнесены «Белгородский бессмертный полк», а также «Солидарное общество» – проект, нацеленный на улучшение качества человеческих отношений на основе принципов справедливости, взаимного доверия и социальной ответственности. В качестве лучших гражданских инициатив отмечены рейтинг информационной открытости органов власти и бизнес-структур, а также проект «Стоп секты» – борьба с тоталитарными сектами в молодежной среде.

В Орловской области в качестве важных направлений деятельности НКО и проявления гражданской активности обозначены такие, как: гражданское и патриотическое воспитание, образование и культура, социальные вопросы и экология, демография и здоровье, совершенствование форм сотрудничества и взаимодействия НКО с органами государственной (муниципальной) власти, добровольчество и благотворительность, правовое просвещение, защита прав граждан и обществ. Важными считаются проблемы консолидации общества, повышения гражданской активности населения региона, формирования высокого уровня доверия орловчан к деятельности НКО [10]. В качестве ведущих проектов 2015 года здесь отмечены проекты: «Правовое и патриотическое просвещение граждан призывного возраста и военнослужащих», экологический проект «Родники Орловщины». Лучшей гражданской инициативой признан проект «Севастополь и Крым в сердце моем».

В поле зрения региональных институтов гражданского общества Тамбовской области находятся вопросы «реализации прав граждан в сфере здравоохранения, образования, культуры, физической культуры и спорта, социальной и молодежной политики, экологии, а также гармонизации межнациональных отношений, укрепления семейных ценностей, формирования патриотизма, содействия развитию общественных инициатив и самодетельности» [11, с. 15]. Среди проектов здесь выделены такие, как: творческий конкурс для школьников области «Спасибо за

Победу!», ежегодная премия Общественной палаты Тамбовской области «Общественное признание»; среди гражданских инициатив – мониторинг и общественный контроль за ростом цен на продукты питания и оказание помощи беженцам из Украины, прибывшим в Тамбовскую область.

В Липецкой области в центре внимания НКО стоят проблемы лиц с ограниченными возможностями. Именно с этой категорией людей связаны и ведущие проекты региона в 2015 году – VI областная летняя Параспартакиада для детей и молодежи «Мир без границ» и проект «Психосоциальная реабилитация инвалидов “Пси-проект”». Что касается гражданских инициатив, то здесь отмечены фестиваль НКО Липецкой области и проект «Здоровая нация – сильная Россия».

Воронеж, как столица Центрального Черноземья, не так давно принимал гостей на форуме общественно-государственного признания заслуг молодежи Центрального федерального округа «Новые лица». В Воронежской области активно действует «Совет отцов» (этот совет работает в Каширском районе области и помогает отцам в воспитании детей), а к 70-летию победы здесь работал волонтерский корпус. Среди гражданских инициатив региона отмечены такие, как: «Сделаем чистой Воронежскую область», «Чужих детей не бывает», «Качество нашей жизни – мы есть то, что мы едим» [7].

Как видим, гражданские инициативы в регионах Центрального Черноземья органично сочетают в себе традицию и новацию, а также ориентируют реализацию модернизационных процессов на повышение качества жизни населения. Однако при этом следует признать, что о реальной передаче обеспечения определенных сфер жизни общества от государства к НКО сегодня говорить не приходится. Некоммерческие организации были и остаются некой «надстройкой» над государственными структурами, деятельность большинства из них сводится к реализации определенных проектов или проведению тех или иных акций. Тем не менее, общественные организации и гражданские инициативы представляют собой достаточно гибкую и оперативную силу гражданского общества, объединяющую наиболее активных представителей различных социальных групп. Эта сила нацелена на решение проблем обустройства жизни граждан регионов, она конструктивна и одновременно довольно прагматична.

Проводимые исследования деятельности НКО в регионах Центрального Черноземья свидетельствуют о недостаточно активной общественной позиции жителей макрорегиона. Данная недостаточность проявляется, прежде всего, в том, что в осуществлении гражданских инициатив о себе заявляет не более 10% НКО, зарегистрированных в макрорегионе, а также в том, что сами жители ЦЧ в большинстве своем оказываются за пределами участия в данных инициативах.

Экспертные опросы указывают на важность усиления работы над повышением модернизационного потенциала гражданских инициатив как в институциональном, так и неинституциональном выражении. Это, прежде всего, активизация работы общественных палат макрорегиона в рамках обсуждения и решения наиболее острых социальных проблем, содействия гражданским инициативам и координации усилий деятельности самих НКО. Сюда следует отнести также поддержку ресурсных, экспертных и других центров институализации системы НКО. Помимо

того, важно указать на необходимость обеспечения более тесного межсекторного партнерства, внедрения и развития негосударственных безвозмездных услуг в макрорегионе.

В целом следует признать, что НКО сегодня выступают значимым субъектом модернизационного потенциала, по сути, они являются собой важный «столп» гражданского общества. Поддержка данных организаций со стороны самого государства, бизнес-структур, а также со стороны граждан могла бы значительно усилить эффективность реализации стратегий НКО, а также способствовать реальному воплощению их «миссий», связанных с решением социально значимых проблем, с повышением качества жизни граждан Центрального Черноземья.

Список литературы

1. Лапин Н. И. Модернизация в мире, ее состояние в регионах России / Н. И. Лапин // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России. – Уфа: ГИЛЕМ, 2012. – С. 6–23.
2. Лапин Н. И. К поэтапной интегрирующей модернизации регионов России / Н.И. Лапин // Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России: материалы X Всеросс. научн.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», г. Пермь, 14-17 окт. 2014 г. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2014. – С. 25–42.
3. Карта конфликтов ЦФО: строгий режим для экс-мэра, скандал в РПЦ и исчезновение «Позитива». URL: <http://fedpress.ru/article/1673140> (Дата обращения: сентябрь 2016 г.).
4. Глухова А. В. Модернизационный проект: перспективная стратегия или упущенная возможность? (на примере Воронежского case study) / А.В. Глухова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2014. – № 4. – С. 68–73.
5. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2015 год. Проект. – М.: Общественная палата РФ, 2015. – 264 с.
6. Киреева Л. В. Феномен современного добровольчества / Л. В. Киреева // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. – 2011. – № 21. – С. 19–25.
7. Дремова Л. А., Когай Е. А. Доклад о состоянии гражданского общества в Курской области / Л. А. Дремова, Е. А. Когай. – Курск: Общественная палата Курской области, 2015. – 100 с.
8. Бабинцев В. П., Ушамирская Г. Ф. Стратегия формирования солидарного общества в регионе В.П. Бабинцев, Г.Ф. Ушамирская // ДИСКУССИЯ: Политематический журнал научных публикаций. – 2013. – № 5–6 (35–36). URL: <http://journal-discussion.ru/publication.php?id=115> (Дата обращения: июнь 2015 г.).
9. Овчинников В. Ежегодный доклад о состоянии гражданского общества Белгородской области в 2014 году. URL: <http://op31.ru/910/>(Дата обращения: май 2016 г.).
10. Доклад об инициативах гражданского общества ассоциации общественных объединений «Общественная палата Орловской области». – Орел, 2014. – 72 с.
11. Доклад о состоянии гражданского общества в Тамбовской области (проект). – Тамбов, 2014. – 69 с. URL: <http://op-tambov.ru/index.php?in=serch> (Дата обращения: июнь 2016 г.).
12. Успешные практики общественных палат субъектов Российской Федерации. – М.: Президиум Совета общественных палат России, 2015. – 74 с. URL: <http://www.oprf.ru/documents/498/1847/newsitem/32325> (Дата обращения: июнь 2015 г.).

Kogay E. A. Modernization capacity of citizens' initiatives regions of the Central Black Earth // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 3. – P. 102–110.

In the article the problem of representation social and innovative components in the modernization capacity of regions of the Central Black Earth rises. As an example experience of citizens' initiatives of non-profit

organizations is shown. Empirical basis of the article are results of the field research conducted on the basis of the research sociological laboratory of the Kursk state university in 2015, expert poll of the heads of NPO, texts of reports on a condition of civil society in the regions of the Central Black Earth of 2014-2015 and also the analysis of these sociological researches on problems of the civil society in the macroregion. The author reveals the leading tendencies of the development of noncommercial sector in the macroregion. These are such tendencies as: low social and political activity of the inhabitants of the macroregion, stable functioning of NPO with long historical tradition, in general successful performance of socially oriented NPOs, prevalence social practices of the NPO aimed at the help to the socially vulnerable categories of the population, spiritual, moral and patriotic education of the citizens. A number of the best practices and citizens' initiatives of the macroregion is presented. The Citizens' initiatives in the regions of the Central Black Earth organically combine tradition and an innovations, and also orient implementation of modernization processes to improvement of the quality of life of the population. The author comes to a conclusion about the need of work activation on strengthening of modernization capacity of the citizens' initiatives as in institutional and not institutional forms. Now increase in overall performance of public chambers of the macroregion within discussion and the solution of the most acute social issues, assistance to citizens' initiatives and coordination of efforts of activities of NPOs is required. The experts indicate that supports of resource and other centers of an institutionalization of system of NPO are needed. It is also important the development of closer intersectoral partnership, implementation and the development of non-state non-paid services in the macroregion.

Keywords: modernization, macroregion, non-profit organizations, citizens' initiatives.

References

1. Lapin N. I. Modernizatsiya v mire, ee sostoyanie v regionah Rossii [Modernization in the World, its Status in the Russian Regions]. Problemy modernizatsii v sotsiokulturnykh portretakh regionov [Modernization Problems in the Socio-Cultural Portraits of Russian Regions] Rossii. Ufa: GILEM, 2012, P. 6–23.
2. Lapin N. I. K po etapnoy integriruyushey modernizatsii regionov Rossii [By Integrating a Phased Modernization of Russia]. Sotsiokulturnye i prirodno-resursnyye faktoryi sbalansirovannosti modernizatsii regionov Rossii: materialy X Vseross. nauchn.-prakt. konf. po programme «Sotsiokulturnaya evolyutsiya Rossii i ee regionov» [Socio-Cultural And Natural-Resource Factors Balance in the Modernization of Russian Regions: Materials of X All-Russia. Conf. on the program "Social and Cultural Evolution of Russia and its Regions"], Perm, October 14–17, 2014. Perm. gos. nats. issled. un-t. Perm, 2014, P. 25–42.
3. Karta konfliktov TsFO: strogiy rezhim dlya eks-mera, skandal v RPTs i ischeznovenie «Pozitiva» [Conflict Map CFD: a Strict Regime of Ex-Mayor, Scandal in the ROC and the Disappearance of the "Positive"]. URL: <http://fedpress.ru/article/1673140> (Accessed: september 2016).
4. Gluhova A. V. Modernizatsionnyy proekt: perspektivnaya strategiya ili upuschennaya vozmozhnost? (na primere Voronezhskogo case study) [Modernization Project: a Promising Strategy or a Missed Opportunity? (An Example of the Voronezh Case Study)]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya. [Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology], 2014, no. 4, P. 68–73.
5. Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obschestva v Rossiyskoy Federatsii za 2015 god [Report on the State of Civil Society in the Russian Federation in 2015 Year]. Proekt. Moscow, Obschestvennaya palata RF [The Public Chamber of the Russian Federation], 2015, 264 p.
6. Kireeva L. V. Fenomen sovremennogo dobrovolchestva [The Phenomenon of Modern Volunteerism]. Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psihologiya. [St Tikhon's University Review. Series 4: Pedagogy. Psychology], 2011, no. 21, P. 19–25.
7. Dremova L. A., Kogay E.A. Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obschestva v Kurskoy oblasti [Report on the State of Civil Society in the Kursk Region]. Kursk, Obschestvennaya palata Kurskoy oblasti [The Public Chamber of the Kursk region], 2015, 100 p.
8. Babintsev V. P., Ushamirskaya G.F. Strategiya formirovaniya solidarnogo obschestva v regione [The Strategy of Solidary Society in the Region]. Diskussiya: Politematicheskiy zhurnal nauchnykh publikatsiy [Discussion: Multidisciplinary Journal Of Scientific Publications.], 2013. no. 5–6. URL: <http://journal-discussion.ru/publication.php?id=115>

9. Ovchinnikov V. Ezhegodnyiy doklad o sostoyanii grazhdanskogo obschestva Belgorodskoy oblasti v 2014 godu [Annual Report on the State of Civil Society of the Belgorod Region in 2014]. URL: <http://op31.ru/910/> (Accessed May 2016).
10. Doklad ob initsiativah grazhdanskogo obschestva assotsiatsii obschestvennyih ob'edineniy [The Initiatives of Civil Society Associations Association Report]. «Obschestvennaya palata Orlovskoy oblasti». [Public Chamber of the Orel region]. Orel, 2014, 72 p.
11. Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obschestva v Tambovskoy oblasti (proekt) [Report on the State of Civil Society in the Tambov Region (Draft)]. Tambov, 2014, 69 p. URL: <http://op-tambov.ru/index.php?in=serch> (Accessed June 2016).
12. Uspeshnyie praktiki obschestvennyih palat sub'ektov Rossiyskoy Federatsii [Successful Practices of Public Chamber of Russian Federation]. Moscow, Prezidium Soveta obschestvennyih palat Rossii [Russian Presidency of the Council of the Public Chamber], 2015, 74 p. URL: <http://www.oprf.ru/documents/498/1847/newsitem/32325> (Accessed June 2015).

УДК 32.019.5

«МЯГКАЯ СИЛА» И ВОЗМОЖНОСТЬ ЕЁ ПРИМЕНЕНИЯ УКРАИНОЙ

Марецкая Н. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: maretska.n@gmail.com

В статье рассматривается феномен «мягкой силы» и его способность оказывать влияние на процесс конструирования положительного имиджа государства. Помимо этого, изучены основные характеристики и различия «мягкой силы» и «жесткой силы». Рассмотрены ресурсы исследуемой технологии, достоинства и недостатки применения данной технологии. Анализируется возможность применения «мягкой силы» украинским правительством. Проведен интернет-мониторинг с целью изучения применения Украиной «мягкой силы». Делается вывод, что Украина не может использовать «мягкую силу» по ряду причин: из-за отсутствия в Украине национальной идеи, универсальных, привлекательных ценностей; низкого уровня качества жизни; отсутствия соответствующих социальных институтов и стратегии по реализации «мягкой силы» и механизмов преодоления негативных стереотипов и мифов; неэффективно используются средства коммуникации для формирования положительного имиджа страны; отсутствует достаточное количество средств для реализации стратегии «мягкой силы». В связи с этим, автор приходит к выводу о том, что Украина является не субъектом, а объектом, на который направлена данная технология Западных стран.

Ключевые слова: «мягкая сила», «жесткая сила», имидж, Украина, США, информационные технологии.

В научной среде до сих пор идут споры о том, какая сила более эффективна «жесткая» или «мягкая». Так приверженцы концепции реализма утверждают, что эффективной может быть только «жесткая сила» и соответственно она определяет место государства на международной арене. В свою очередь, представители неолиберальной концепции, в частности, Дж. Най, не отрицают значимость «жесткой силы», более того, подчёркивается, что «жесткая» и «мягкая силы» связаны, т. к. они являются средствами для достижения необходимой цели путем воздействия на поведение других субъектов. Однако «мягкая сила» не зависит от «жесткой» [1, с. 7–9]. Исследователь настаивает на том, что нужно использовать «умную силу», суть которой заключается в грамотном сочетании использования «мягкой» и «жесткой силы» [1, с. 32]. Так, холодную войну США выиграли за счет применения в равной пропорции «жесткой» и «мягкой силы». Посредством жесткой силы США сдерживали военную мощь СССР, а за счет «мягкой силы» они разрушили союз изнутри.

Целью статьи является рассмотрение феномена «мягкой силы» и возможность её применения Украиной.

Новизна исследования заключается в том, что рассмотрены причины, по которым Украина не может использовать «мягкую силу».

Понятие «мягкой силы» впервые ввел в оборот американский политолог, один из основоположников неолиберализма, Дж. Най. Он определял «мягкую силу» как возможность получить то, что хочется, за счет привлечения, а не принуждения [1, с. 6]. Базой для реализации данного вида силы является привлекательность культуры, политических идеалов и политики. Ключевыми словами, которые раскрывают сущность «мягкой силы» являются: подражание и восхищение, способность привлекать, соблазн.

Отечественный исследователь К. С. Гаджиев утверждает, что одним из инструментов реализации «мягкой силы» во внешней политике является имидж государства. В отношении целей имиджа государства он говорит следующее: «Для внутреннего пользования имидж служит средством политической мобилизации, идейного, психологического единения и сплочения нации, укрепления или смены базовых социальных ценностей и т. д. Вне главное его предназначение состоит в обеспечении легитимности внешней политики государства в глазах как своих граждан, так и мирового сообщества» [2, с. 39].

Другой исследователь А. А. Вилков отмечает, что «мягкая сила» является элементом имиджевых технологий. Он считает, что «процесс глобализации формально основывается на принципах демократии, что предопределяет приоритет использования «мягкой силы» во внешней политике для формирования положительного имиджа ведущих держав мира и усиления привлекательности, продвигаемой ими для других стран модели общественно-политического и социально-экономического устройства» [3, с. 73].

По мнению В. Д. Мансуровой, термин пропаганда был заменен на «мягкую силу» и по сути дела ставит знак равенства между ними [4, с. 12]. Однако данное утверждение мы считаем не совсем корректным.

В работе мы будем придерживаться мнения, что «мягкая сила» способствует формированию внешнеполитического имиджа, однако не отрицаем и тезис о том, что в ряде случаев внешнеполитический имидж страны может быть использован в качестве инструмента для реализации этой силы.

Основная черта «мягкой силы» – это способность формировать предпочтения других субъектов [1, с. 5]. И когда политика государства, использующего «мягкую силу», признается легитимной людьми из других стран, тогда эффективность его «мягкой силы» усиливается. Стоит отметить, что помимо «новых медиа», народная дипломатия, пропаганда также являются инструментами «мягкой силы».

«Мягкая сила», возникшая в эпоху информационного общества является скорее социально-экономическим, побочным продуктом, а не результатом официальных действий правительства.

У. Мид идет дальше и предлагает разделить «жесткую силу» на «острую» – военную, которая заставляет нас идти, подталкивая острыми штыками, и «липкую» – экономическую, которая «соблазняет и убеждает одновременно» [5, с. 25]. В

концепции «мягкой силы», он также выделяет два аспекта: «притягательная сила» – идеи и ценности, «сила гегемонии» – создание мирового порядка, который люди принимают, в силу убеждений, что он является гарантом процветания. Так, «острая», «липкая» и «притягательная силы» поддерживают силу «гегемонии». Он отмечает: «Эти три разнородные силы, действуя совместно, теряют свою специфику, сливаются в синергетическом смысле, образуя целое, превышающее сумму составляющих его частей» [5, с. 41–42].

Безусловно, «мягкая сила» может принуждать к каким-либо действиям посредством манипуляции или угроз, однако в отличие от «жесткой силы» это принуждение носит скорее словесный характер, а не физический.

По мнению И. Я. Якоба, в краткосрочной перспективе «мягкая сила» более эффективна, когда использует такой инструмент как медиа, а в долгосрочной, она находит свое отображение в формировании привлекательных парадигм и ценностей, которые строятся на качестве жизни, экономических показателях, социальных достижениях, уровне культуры и т. д. [6]. Однако на наш взгляд стоит не согласиться с утверждением, что использование «старых» и «новых медиа» актуальны только для краткосрочных стратегий, напротив, они являются основным инструментом для реализации как для долгосрочных, так и краткосрочных задач. Поскольку именно посредством медиа можно продвигать и популяризировать привлекательные образы того или иного государства, их культуру, экономические показатели и пр. Этот тезис можно подтвердить на примере США, которые годами не только за счет стажировок, но и посредством медиа продвигали свои ценности в разных странах.

Исследования доказывают, что традиционная культура не способствует реализации «мягкой силы», в отличие от массовой культуры. Именно поэтому общество потребления является продуктом «мягкой силы», где ценности сдвинуты в сторону гедонизма. С. А. Цатуряна считает, что «мы стоим на пороге создания нового человека с упрощенными вкусами и устоями, свободного от архетипов прошлых столетий, своей наследственности; его патриотизм, основанный на коллективизме и инстинкте территориальности» [7, с. 145].

Несмотря на то, что изначально «мягкую силу» начали использовать европейские страны, в настоящее время наиболее эффективно её реализуют Соединенные Штаты Америки. Эффективность «мягкой силы» США легко доказать на примере Украины: продвижение идей демократии, универсальных ценностей прав человека, стажировки в США, голливудские фильмы и т. д., все это способствовало формированию положительного имиджа США в представлении жителей этой страны, проевропейской ориентации большинства украинцев и в последствии привело к Евромайдану, воссоединению Крыма с Россией и военному конфликту на Востоке Украины.

Если взглянуть на телевизионные передачи, которые транслируются в Украине, то можно с уверенностью заявить, что где-то 70% из них – это американские телевизионные передачи, адаптированные под наш менталитет. Это элемент подражания, который является свидетельством лояльности культуре и ценностям США. Более того, это является свидетельством эффективной политики США по реализации «мягкой силы» на постсоветском пространстве.

«Мягкая сила» является основным механизмом формирования имиджа страны. Исследователи выделяют два способа формирования положительного имиджа государства: естественный и искусственный. Первый заключается в том, что государство автоматически улучшает свой имидж за счет культурных, научных, экономических и пр. достижений страны. Искусственное же позиционирование государства за рубежом предполагает проведение информационных мер по продвижению внешнеполитического имиджа, которые опираются на «старые» и «новые медиа» [8].

По мнению Б. Майкла, К. Хартвелла и Б. Нуреева уровень использования Интернета коррелирует с «мягкой силой». Это обосновывается тем, что суть «мягкой силы» можно свести к влиянию одних акторов на других. В этом случае Интернет является одним из инструментов, который может оказывать подобное влияние [9]. В то же время доступ к Интернету не только предоставляет возможность стране использовать «мягкую силу», но и делает её более открытой и восприимчивой для «мягкой силы» других политических акторов.

Исследователи отмечают, что «мягкая сила» не только способствует развитию государства, но и может навредить ему. Так, чрезмерное использование «мягкой силы» может создать ложное чувство безопасности у политических акторов. Поэтому нельзя использовать только «мягкую силу», не наращивая «жесткую».

Конечно, «мягкая сила» зависит от таких показателей «жесткой силы» как экономический потенциал, который в свою очередь формирует качество жизни и культурные ценности, а также дает финансовые возможности продуцировать качественный идеологический и культурный контент.

Во внешней политике «мягкую силу» можно свести к продвижению национальных интересов государства. Положительный имидж страны – это индикатор того, что государство может использовать «мягкую силу». Так, исследователи отмечают, что чем большими ресурсами «мягкой силы» обладает политический актор, тем больше влияния он может оказывать и, соответственно, большим авторитетом среди других акторов он обладает.

Стоит не согласиться с Б. Майклом, К. Хартвеллом и Б. Нуреевым в тезисе о том, что Украина за счет использования «мягкой силы» смогла повысить свой авторитет на международной арене [9]. Авторы утверждают, что балансирование Украины между ЕС и РФ, отказ от ядерного оружия в 1994 г. и проведение «Евро–2012» являются результатом политики «мягкой силы». На наш взгляд, только «Евро–2012» является инструментом для позиционирования Украины на международной арене. Все остальные вышеперечисленные примеры, скорее являются свидетельством эффективной реализации «мягкой силы» других политических акторов.

В свете изучения применения «мягкой силы» Украиной был проведен интернет-мониторинг в поисковой системе «Google» по запросу: «мягкая сила Украины», «реализация Украиной мягкой силы». В результате исследования было выявлено, что зачастую встречаются статьи и информационные сообщения, в которых идет речь о том, как Западные страны или Российская Федерация реализуют политику «мягкой силы» на Украине. Было найдено всего 3 упоминания о том, что Украина

реализуют «мягкую силу» посредством музыкального конкурса «Евровидение» и культурных мероприятий, которые проводятся как внутри страны, так и за рубежом. Полученные данные свидетельствуют о том, что украинские власти не используют «мягкую силу».

Так, Украина является объектом, на который направлена «мягкая сила» США, свидетельством тому являются: образовательные программы для студентов и аспирантов, такие как Fulbright, наличие на территории страны большого количества общественных организаций, которые получают финансовую поддержку от западных фондов. Помимо этого, западные ценности являются более привлекательными, в результате они противопоставляются и способствуют разрушению традиционных. Вследствие этого, можно предположить, что происходящие события на Украине можно трактовать как информационную войну Запада против России, поскольку в медийном пространстве появляется множество русофобских и националистических высказываний.

Исследователь Э. Геллнер отнес постсоветское пространство к «4 поясу» становления новых наций и национализма (ирредентизации). Он утверждал, что для консолидации нации необходимо, чтобы национализм был направлен против внешнего субъекта, которому приписывается образ врага. Для Украины, других постсоветских и западных стран таким врагом является Россия, поскольку именно она была центром Российской империи и позже СССР [10, с. 12].

На примере украинских событий, начавшихся в конце 2013 г. можно заключить, что в борьбе, в чью сферу влияния попадет Украина, Россия пользовалась «жесткой силой», а Запад «мягкой». Сама же Украина использует «жесткую силу»: война на Востоке Украины, протестные акции на Евромайдане, блокада Крыма. Изначально предполагалось, что Евромайдан должен был быть реализован посредством «мягкой силы», однако, впоследствии начались протестные акции с использованием жестких мер. Данные акции вылились в неприемлемые для русскоязычного населения Украины заявления: «одна нация, один язык, одна церковь» – это в свою очередь спровоцировало недовольство на юго-востоке страны, что привело в случае Крыма к референдуму и воссоединению с Россией (в украинском случае именуемого аннексией), а в случае восточной части – к боевым действиям и в последующем провозглашению Луганской Народной Республики и Донецкой Народной Республики.

Резюмируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что Украина не использует «мягкую силу» по ряду причин:

1. В Украине отсутствует общая национальная идея, которая бы способствовала консолидации жителей всех регионов.
2. Нет универсальных ценностей, присущих только украинцам, которые можно было бы популяризировать и использовать для создания положительного имиджа страны.
3. Отсутствует стратегия по реализации «мягкой силы» и брендингу страны. Из брендов, которые способствуют позиционированию Украины за рубежом, можно назвать «Евро-2012» и участников от Украины музыкального конкурса «Евровидение».

4. Отсутствуют общественные организации, которые способствовали бы формированию положительного имиджа. В настоящее время все общественные организации, которые действуют на Украине, финансируются в большинстве случаев западными структурами и нацелены на формирования положительного имиджа Запада на Украине, а не наоборот.

В связи с этим, можно заключить, что Украина является объектом, а не субъектом реализации «мягкой силы».

Список литературы

1. Nye Jr. Joseph S. Soft power: the means to success in world politics / Jr. Nye Joseph S. 1 St ed. – New York: Public Affairs Group, 2004. –191 p.
2. Гаджиев К. С. Имидж государства в конфликте идеологий / К. С. Гаджиев. – М.: Андалус, 2007. – 128 с.
3. Вилков А. А. «Мягкая сила» как элемент имеджевых технологий во внутренней и внешней политике / А. А. Вилков // Известия Саратовского университета. Серия. Социология. Политология. – 2014. – Т. 14. – Вып. 2. – С. 66–74.
4. Мансурова В. Д. Медийные стратеги «мягкой силы»: «... и дым отечества нам сладок и приятен?» / В. Д. Мансурова // Журналистский ежегодник. – 2015. – № 4. – С. 12–15.
5. Мид У. Р. Власть, террор, мир и война. Большая стратегия Америки в обществе риска / Пер. с англ. А. Георгиева, М. Назаровой. – М. : Прогресс-Традиция, 2006. – 208 с.
6. Якоба И. Я. «Мягкая сила» в современной политике и дискурсивной технологии. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2014/2014_12/Yakoba.pdf
7. Цатурян С. А. Ненасильственная революция. От теории к практике: монография / С. А. Цатурян. – Москва: РУДН, 2015. – 280 с.
8. Наумов А. «Мягкая сила» и внешнеполитический имидж Российской Федерации. URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/magkaja_sila_i_vneshnepoliticheskij_imidzh_rossijskoj_federacii_2015-03-30.htm (Дата обращения)
9. Майкл Б., Хартвелл К., Нуреев Б. «Мягкая сила» – палка о двух концах? URL: <http://bricsmagazine.com/ru/articles/myagkaya-sila-palka-o-dvuh-kontsah> (Дата обращения)
10. Казанцев А. А., Меркушев В. Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» / А. А. Казанцев // Полис. – 2008. – № 2. – С. 1–19.

Maretska N. A. “Soft Power” and the Possibility of its Employment by Ukraine // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 3. – P. 111–117.

The article discusses the phenomenon of “soft power” and its ability to influence the process of constructing a positive image of the state. In addition, studied the main features and differences of “soft power” and “hard power”. Considered the resources of the study technology, the advantages and disadvantages of this technology. Analyzes the possibility of the use of “soft power” by the Ukrainian government. Spend online monitoring to study the use of Ukraine’s “soft power”. The author comes to the conclusion that Ukraine cannot use the “soft power” for several reasons: due to the absence in Ukraine the national idea, of universal, attractive values; low level of quality of life; no appropriate social institutions and the strategy for the implementation of “soft power”; not developed mechanisms of overcoming the negative stereotypes and myths about this country; inefficiently be used of communication tools to creating a positive image of the country; there are not enough resources to implement the strategy of “soft power”. In this connection, the author comes to the conclusion that Ukraine is not a subject, its object on which Western countries directed this technology.

Keywords: “soft power”, “hard power”, image, Ukraine, the United States, information technology.

References

1. Nye Jr. Joseph S. *Soft Power: the Means to Success in World Politics*. 1st ed. New York, Public Affairs Group, 2004, 191 p.
2. Gadzhiev K. S. *Imidzh gosudarstva v konflikte ideologij* [The State's Image in the Conflict of Ideologies]. Moscow, Andalus, 2007, 128 p.
3. Vilkov A. A. «Mjagkaja sila» kak jelement imedzhevyh tehnologij vo vnutrennej i vneshnej politike [“Soft Power” as an Element of Imedzhevyh Technologies in Domestic and Foreign Policy]. *Izvestia of Saratov University Series. Sociology. Political science*, 2014, Vol. 14, Iss. 2, P. 66–74.
4. Mansurova V. D. *Medijnye strategii «mjagkoj sily»: «... i dym otechestva nam sladok i prijaten?»* [Media Strategy of “Soft Power”: “... and the Smoke of the Fatherland Us Sweet and Pleasant?”]. *Journalistic yearbook*, 2015, no. 4, P. 12–15.
5. Mead W. R. *Vlast', terror, mir i vojna. Bol'shaja strategija Ameriki v obshhestve riska* [Power, Terror, Peace and War. Most American Strategy in a Risk Society]. Ed. from English. A. Georgiev, M. Nazarova. Moscow, Progress-Tradition, 2006, 208 p.
6. Jacob I. J. «Mjagkaja sila» v sovremennoj politike i diskursivnoj tehnologii [“Soft Power” in Modern Politics and Discursive Technologies]. URL: http://sosis.isras.ru/files/File/2014/2014_12/Yakoba.pdf
7. Tsaturian S. A. *Nenasil'stvennaja revoljucija. Ot teorii k praktike: monografija* [Non-Violent Revolution. From Theory to Practice: Monograph]. Moscow, Rundu, 2015, 280 p.
8. Naumov A. «Mjagkaja sila» i vneshnepoliticheskij imidzh Rossijskoj Federacii [“Soft Power” Foreign Policy and Image of the Russian Federation]. URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/magkaja_sila_i_vneshnepoliticheskij_imidzh_rossijskoj_federacii_2015-03-30.htm (Accessed)
9. Michael B., Hartwell Ch. and Nureyev B. «Mjagkaja sila» – palka o dvuh koncah? [“Soft Power” – a Double Edged Sword?]. URL: <http://bricsmagazine.com/ru/articles/myagkaya-sila-palka-o-dvuh-kontsah> (Accessed)
10. Kazantsev A. A., Merkushev V. N. *Rossija i postsovetskoe prostranstvo: perspektivy ispol'zovanija «mjagkoj sily»* [Russia and Post-Soviet Space: the Prospects for the Use of “Soft Power”]. *Policy*, 2008, no.2, P. 1–19.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 2 (68). 2016. № 3. С. 118–126.

УДК: 297:291:141.336

ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СУФИЗМА КАК АСКЕТИЧЕСКОГО ТЕЧЕНИЯ В ИСЛАМЕ

Течиев И. И.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: stechkins95@mail.ru

В статье рассматриваются этические аспекты суфизма, как аскетического течения в исламе, которое многие востоковеды называют «философией морали». Подчеркивается, что современная мусульманская социально-этическая мысль восходит к тарикату – своеобразному пути религиозно-нравственного самосовершенствования последователей ислама. Главное внимание уделяется религиозным основам суфизма, которые являются фундаментом для формирования суфийской этики. Затронуты исторические аспекты развития суфизма.

В современном мире суфийские течения приобретают все более ярко выраженные национальные и культурные черты, в зависимости от регионов распространения, что неминуемо ведет к утрате изначального знания о суфизме. Вместе с тем активизация деструктивных сил, выступающих под знаменем ислама, способствует формированию у немусульман, особенно на уровне массового сознания, искаженных представлений о подлинных ценностях ислама. В связи с этим, изучение и популяризация наиболее традиционных положений суфизма представляет собой интерес, поскольку именно из них впоследствии произрастают нравственные нормы многочисленных суфийских течений, которые исповедуются сегодня миллионами мусульман.

Новизна данного исследования характеризуется тем, что в исследовании достаточно подробно проанализированы исторические-культурные предпосылки и причины возникновения суфизма, которые в свою очередь позволяют составить наиболее полную картину самой этики суфизма как аскетического течения в исламе.

Ключевые слова: религия, ислам, суфизм, этика.

Вопросы этики традиционно занимают важнейшее место в религиозных системах мира. Хотя нравственные ценности существуют не только в рамках религии, исторически они связывались, прежде всего, с религиозной жизнью человека.

Современный этап развития цивилизации, который принято называть периодом «глобализации», актуализирует проблемы этики и нравственности. В мире, раздираемом распрями, ничто не представляется столь своевременным, как напоминание о нашей общей принадлежности к человеческому роду и об

универсальных ценностях различных религиозных учений и философских традиций. Исламская этика, в её аутентичном общечеловеческом значении, в данной статье рассматривается как возможное средство «исцеления» пороков современного мира и как основа для создания нового мирового глобального порядка. Единый мир нуждается в базовой этике, основу которой образуют конкретные ценности основных религий мира.

Обращение к исламским этическим традициям продиктовано и остротой исламской тематики в современных средствах массовой информации, сложившимся образом «врага», ассоциирующимся со странами мусульманской культуры. Нельзя не считаться с опасностью предрассудков и расхожих мифов об иной традиции как «агрессивной» и «нетерпимой».

На протяжении столетий ислам играл значительную роль в формировании культуры многих национальных общностей. Основные мусульманские принципы регламентировали практически всю жизнь верующих: от мельчайших деталей вплоть до самых глобальных категорий, таких, как социальная деятельность, образ жизни, обряды и праздники, традиции, отношения между людьми и т.д. Элементы этнической психологии многих народов, определяющие их повседневный житейский быт, ценностные ориентации складывались под влиянием ислама.

Стержнем ислама всегда являлась его нравственная составляющая.

Ислам характеризуется тесной связью религиозной веры и морального одобрения: мораль является здесь составной частью веры, а вера – способом, в первую очередь, нравственно-ответственного существования человека в мире. Вера есть определенное отношение человека к Богу, которое обнаруживается в поступках. Очевидно, она не исчерпывается констатацией существования Бога, более важно здесь существенно иное – понимание того, что Бог требует от людей и осознание своей обязанности выполнять все Божьи заповеди. Ведь только благодаря требованиям, исходящим от Бога, верующий знает о том, что Бог существует. Не случайно, что все качества человеческой природы рассматриваются в Коране в их отношении к вере в единого Бога. По мнению исследователей, вопрос, перед которым останавливается христианская европейская этика, – зачем быть моральным? – в мусульманской этике снимается включением категории морали в веру [5, с. 142].

Согласно мусульманской традиции, вера (иман) предполагает: внутреннее восприятие (тасдик), исповедание словом (икрар), совершение благих дел (амаль). Вера должна соединяться с добродетелью (ихсан), из чего складывается религия (дин) в самом широком смысле слова. Только тот, кто искренне приемлет все три составных элемента этой веры, будет в числе избранных. Иначе говоря, суждение о том, что вера без дел греховна и лишь единство веры и добродетели представляет нравственную ценность, является одним из важнейших принципов исламской нравственной доктрины [5, с. 161].

Такая нравственная доктрина, несомненно, является универсальной для многих исламских течений. Тем не менее, исторический подход позволяет нам выяснить, что в каждом течении сложились своеобразные взгляды на вопросы этики, морали и нравственности. Зачастую это связано с различиями в интерпретации тех

достоверных источников, которые занимают центральное положение в религиозной литературе ислама – Коран, Сунна и сборники хадисов пророка Мухаммеда.

В данной статье рассматриваются религиозно-нравственные положения одного из крупнейших течений ислама – суфизма, а также их становление и развитие.

Суфизм или «тасаввуф» (от араб. «суф» – «шерсть») – эзотерическое течение в исламе, проповедующее аскетизм. Одно из основных направлений классической мусульманской философии.

Возникновение суфизма, как мистического направления в исламе, происходит в конце VII века. На протяжении следующих столетий данное учение распространяется на обширные территории мусульманского Востока, оказывая огромное влияние на духовную и материальную культуру местного населения.

Причин возникновения и развития в исламе аскетико-мистических тенденций, которые впоследствии образовались в течение суфизма, много. Среди наиболее заметных можно отметить социально-политические неурядицы первых двух веков существования мусульманской общины, которая породила эскапистские настроения, а также общее усложнение религиозной жизни, сопровождавшееся углубленными идейными и духовными исканиями. Влияние других религиозно-философских систем (в первую очередь христианства) также внесло немалый вклад в развитие суфизма [5, с. 42].

Предпосылки возникновения суфизма кроются в расколе (схизме) в мусульманском обществе, который произошел после смерти пророка Мухаммеда в 632 году. Сам раскол произошел после того, как в мусульманском обществе остро встал вопрос относительно преемника пророка на посту правителя всех мусульман [10, с. 231]. Сунниты считали, что наследником Пророка должен стать наиболее достойный человек из всего исламского общества (уммы). Таковым они считали первого сподвижника и тестя пророка Мухаммеда – Абу Бакра ас-Сиддика [10, с. 247]. Шииты, в свою очередь, полагали, что пост главы Арабского Халифата должен занять кровный родственник пророка Мухаммеда, коим был двоюродный брат, зять и сподвижник пророка – Али ибн Абу Талиб [10, с. 251]. Стоит отметить, что если изначально различия между суннизмом и шиизмом касались только вопросов правоприменения и политики, то в нынешнее время мы можем наблюдать большую разницу в вопросах религиозной догматики, а также культовой части данных течений.

В этот период смуты и появляются аскетически-мистические тенденции в исламе. Разумеется, в течение, которое впоследствии станет известно как суфизм, они оформляются не сразу. Первыми суфиями были дервиши – бедные монахи, странствовавшие по миру в поисках истины и самопознания. Социальную базу раннего суфизма составляли в основном мелкие торговцы и ремесленники. Людей с богословским образованием среди них было мало. Уже на раннем этапе суфизма его важнейшим элементом было овладение его теорией и практикой под руководством духовного наставника (шейха, муршида). Шейхи требовали от начинающих суфиев (мюридов) полного подчинения и признания его авторитета во всех религиозных и светских вопросах [8, с. 54].

Активная разработка теории и религиозных практик суфизма начинается с IX века. Этот период принято называть периодом «тасаввуфа». Среди наиболее влиятельных школ данного периода можно выделить басрийскую, багдадскую и хорасанскую суфийские школы. В этот период складываются основные теоретические разработки, которые в дальнейшем лягут в основу всех суфийских течений мира. Наиболее известными теоретиками суфизма данного периода можно назвать исламского богослова родом из Испании Мухйиддина Абу ибн Араби, богослова, философа и мистика Абу Хамида аль-Газали, а также великого религиозного деятеля Бахауддина Мухаммада аль-Бухари, более известного как Бахауддин Накшбанд [5, с. 146].

Таким образом, среди основных теоретических положений суфизма, которые сформировались в данный период, можно выделить следующие три:

1. Строгий аскетизм. Данный пункт является основным для всех суфийских течений. Суть его заключена в том, чтобы максимально отказаться ото всех благ мирской жизни и тем самым облегчить процесс постижения божественного.

2. Мистическое постижение Бога через регулярные религиозные практики. Конечной целью суфия является максимальное приближение к постижению божественного. Само постижение осуществляется посредством ряда религиозных практик. В разных течениях суфизма эти практики, разумеется, разнятся, тем не менее основные виды практик можно разделить на «громкий» зикр и «тихий» зикр.

3. Паломничество к могилам святых вероучителей. Изначально мусульманам было запрещено посещать могилы, что объясняется необходимостью пресечь любые пути для почитания и поклонения умершим, что было широко распространено среди арабов во времена язычества (т. н. период «джахилия» – «невежества»). Однако, после того как ислам распространился и опасения о возрождении язычества рассеялись, пророк Мухаммед разрешил мусульманам посещать могилы, чтобы это послужило им напоминанием о смерти и грядущей жизни.

Уже к концу IX века в суфизме возникает принцип символично-аллегорической трактовки Корана и извлечения его «скрытого» смысла, который доступен только «посвященным». Этот принцип положил начало теософским учениям о мироздании и мистическом откровении.

Религиозное учение суфизма основной своей целью ставит очищение души через самопознание, как через практику аскетизма, так и через практику постоянных молитв, обрядов и веры в единого Аллаха. Примером для суфиев служил пророк Мухаммед, который на своем примере указал пути духовного воспитания личности. Мухаммед вел аскетический образ жизни, довольствовался лишь самым малым и не преследовал сугубо земных интересов. Его не интересовали богатство и власть, и большую часть своего времени он проводил в молитвах и постах, посему и был образцом наилучших моральных качеств для суфиев [5, с. 69].

В современном суфизме существует около 100 разнообразных течений. Суть различий между этими течениями кроется в социально-политических принципах, а

также в обрядовой и культовой части этих течений. Несмотря на всю разницу, основная цель всех суфиев везде одна – постижение Бога через аскезу.

Таким образом, мы приходим к выводу, что аскеза является основой всего суфизма, следовательно, и основой всей его этики. По мнению исламского суфия, богослова и правоведа имама Абу Халида аль-Газали, именно суфийская этика и духовная дисциплина в сочетании с тщательным выполнением всех обязательств, предписанных в исламе, незаменимы для достижения религиозной истины, обретения непоколебимой веры и, в конечном счете, для достижения спасения в будущей жизни.

Как уже было сказано выше, каждой суфийской школой были разработаны свои правила поведения, психотехнические и физические упражнения нравственного очищения и духовного совершенствования суфия. Посвящению в суфии предшествовал особый образ жизни, призванный подчинить чувственность власти духа. Пост, обряды очищения, уединение, душевные упражнения – все это предназначалось для того, чтобы изменить мир своих ощущений.

Суфии выступают за устранение посредничества между человеком и Богом и за «прямой» разговор верующего с Богом. Мистик, идущий к цели индивидуальным путем, не испытывает нужды в посредниках за исключением своего наставника. При этом обращение к Богу не должно сводиться к просьбе. Выпрашивание благ, согласно суфийским представлениям, аморально, является своеобразным торгашеством, ибо, как писал один из крупнейших теоретиков суфизма Мухйиддин ибн Араби, «Бог не дает молящемуся ничего, что не вытекает из его (собственно человеческой) сущности» [13, с. 47].

Паломничеству как внешнему проявлению религиозной добродетели суфии противопоставляют «паломничество» в глубины собственного сознания, души. В частности, принцип накшбандийского братства (тариката) состоит в том, что «внешнее для мира, а внутреннее – для Бога». Согласно данному принципу, не одобряется показная набожность, выбирается индивидуальный путь самосовершенствования. Пост является непременным условием их мистической практики: мало есть, мало спать, мало говорить – принципы повседневной жизни истинного суфия. Ссылаясь на предание, согласно которому пророк говорил: «Бедность – моя гордость», суфии считают, что равнодушие к материальным благам есть необходимая предпосылка вступления на путь самопознания и самосовершенствования [13, с. 51].

Шариат – это закон в мире бытия, в мире явного, некий закон, посланный Всевышним для поддержания справедливости на земле. Для вступления же в мир «тайного» надлежит пройти по сложному пути – пути тариката. Тарикат можно определить как «метод духовного возвышения и мистического познания истины». Ориентиром на этом пути служит «совершенный человек» – «инсанкамиль». Такого уровня могут достигнуть как пророки, так и святые – «вали». Эталонем нравственности, индикатором добра и зла может и должен быть сам человек, способный к совершенствованию на пути к самопознанию, обретению своего истинного «Я» [13, с. 64]. Также немаловажными понятиями в религиозной жизни суфия являются понятия марифата и хакиката. Марифатуллах – это словосочетания,

состоящее из двух слов «марифат» и «Аллах». В лексическом значении слово «марифат» означает мастерски выполненное дело, знание и средство познания. В терминологии шариата слово «марифат» означает познание Аллаха посредством его имен и атрибутов и знание о безграничности его воли и могущества.

В своем сочетании два этих слова образуют «марифатуллах» или марифат, что можно определить, как «знание о существовании и единственности Аллаха». В сущности, слово «марифатуллах» используется в значении познания человеком Аллаха должным образом и покорности ему. Так как если человек должным образом познает своего Творца, то он будет покорен ему во всем.

Марифат включает в себя три основных момента:

1. Знание о единственности Аллаха Всевышнего, а также отрицание уподобления его кому-либо, и отрицание любых качеств, указывающих на недостаток и противоречащих его величию;

2. Знание атрибутов Аллаха и установлений, касающихся этих атрибутов;

3. Знание действий Аллаха Всевышнего и постижение мудрости этих действий [5, с. 92].

Хакикат – в суфизме понимается как финал духовного самосовершенствования, означающий полное освобождение от неверия (куфра) и ясное умозрение сокровенного (гайба). Таким образом, хакикат – это постижение Божественной истины, что и является основной целью любого суфия. Данное постижение осуществляется посредством ряда религиозных практик, которые в течениях суфизма разнятся, но так или иначе сводятся к хакикату.

Как уже было упомянуто выше, религиозные практики суфиев можно разделить на две категории – «громкий» и «тихий» зикр (поминание Бога). Суть зикра заключена в многократном произнесении определенной молитвенной формулы, содержащей прославление Бога. Зикр совершается после завершения намаза, во время мавлидов (поминаний пророка Мухаммеда), собраний или в любое удобное для зикра время. Суфии называют зикр «столпом, на котором зиждется весь мистический путь». Разница между «громким» и «тихим» зикром заключается в том, что в «громком» зикре присутствуют элементы движений, зачастую очень резких и быстрых, в то время как в практиках «тихого» зикра основной мотив кроется в постижении Бога сердцем и словом [2, с. 92].

В практике зикра переплелись многие элементы мусульманской культуры – в зикре мы можем обнаружить и поэтические строки, которые наталкивают на философские размышления, и элементы танца, и специфическое музыкальное сопровождение, и многое другое. Наиболее показательными, в смысле переплетения с мусульманской культурой, практиками являются практики зикра одного из первых орденов суфизма – ордена мевлеви. Обряды мевлеви, которые также известны, как «сама» (от араб. «слышание»), представляют собой довольно сложный ритуал. Он состоит из декламации стиха во славу Пророка, музыкальных импровизаций и исполнения «вертящегося» танца, за этим идет вторая часть из четырех музыкальных и танцевальных разделов, именуемых «салам», которые завершаются инструментальной музыкой и рецитацией Корана вместе с творением молитв. Дервиши появляются в белых продолговатых колпаках из войлока, имеющих

среднеазиатское происхождение, и с черными накидками; эти накидки сбрасываются во время танца, и дервиши предстают в белых одеяниях. Такая смена одежд истолковывается как смерть и воскресение. При вращении дервиш держит правую руку обращенной к небу, а левую – к земле. Движения поначалу медленные и величавые с постепенным ускорением в такт музыке, но никогда они не становятся бесконтрольными [2, с. 138].

Дервиши кружатся отдельно, не касаясь друг друга плечами, каждый вокруг своей оси и вокруг шейха и других дервишей. Они не произносят ни звука, не производят никаких движений ладонями или головой. Послушники мевлеви подвергаются долголетнему самоотречению и тренировке в «сама». Руми, основатель ордена мевлеви, верил, что дух освобождается от тяжести плоти в процессе сама и ликование человеческого существования как чувств и мыслей может быть достигнуто только мастерством в «сама». Правильная сама может быть проведена только с разрешения и в присутствии шейха. Дервиши, ответственные за исполнение ритуала, покрывают пол в семахане овечьими шкурами, символизирующими обряд шейха. Одетые в белые одежды с широкими юбками, называемыми «теннуре» и в высокие шапки из войлока, дервиши совершают свои молитвы после того, как получают знак в виде появления шейха в зеленом головном уборе. После чтений из Корана, один из дервишей начинает играть на нэе, старинной камышовой флейте [2, с. 147].

Таким образом, исходя из данных, представленных в статье, можно утверждать, что течение суфизма образовалось в период сложного социально-политического положения в арабском мусульманском обществе. Суфизм появился стихийно, в период смуты. Очевидно, что предпосылкой для возникновения этого мистического течения явилась та вражда, которая образовалась в мусульманской среде после раскола на суннитов и шиитов. Суфии же считали все эти противоречия и конфликты бессмысленными, посему и принялись создавать новое течение, в котором вся суть материального утрачивалась окончательно.

В догматической части суфизма возникли совершенно революционные для ислама положения, которые в дальнейшем подвергались суровой критике со стороны ортодоксального ислама. Фундаментом этики суфизма является аскетический образ жизни суфия. Отказ от земной жизни ради постижения Бога есть основной постулат мусульманина-суфия. Тем не менее, постижение состояния полной аскезы осуществляется не только максимальным отказом от мирских благ, но и посредством регулярного выполнения религиозных практик, среди которых наиболее распространенными являются практики «громкого» и «тихого» зикра (поминания Бога).

Список литературы

1. Али-заде А. А. Тасаввуф / Исламский энциклопедический словарь / А. А. Али-заде. — М.: Ансар, 2007. — с. 93.
2. Али-заде А. А. Исламский энциклопедический словарь / А. А. Али-заде. — М.: Ансар, 2007. — 400 с.
3. Аль-Худжвири. Раскрытие скрытого за завесой для сведущих в тайнах сердец / Аль-Худжвири, Али ибн Усман. — М.: Восточная литература, 1993.

4. Гогиберидзе Г. М. Исламский толковый словарь / Г. М. Гогиберидзе. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. – 266 с.
5. Гусейнов А.А. Великие моралисты. Изд. 2-е, дополненное. – М., 2008. – 512 с.
6. Кныш А. Ислам: энциклопедический словарь / А. Кныш. – М.: Наука, 1991. – 253 с.
7. Колесников А. С. Суфизм – философия в рамках мистицизма / А. С. Колесников // История философии: Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2010. – 656 с.
8. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд; Научно-ред. совет: предс. В. С. Степин, заместители предс.: А. А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А. П. Огурцов. – М.: Мысль, 2010. Т.3. – 2010. – 692 [2] с.
9. Степанянц М. Т. Философские аспекты суфизма / М. Степанянц. – М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987. – 192 с.
10. Токарев С. А. Религия в истории народов мира / С. Токарев. – М.: Политиздат, 1986. – 576 с.

Techiev I. I. Ethical Bases of Sufism as Ascetic Movement in Islam // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 3. – P. 118–126.

The article deals with ethical aspects of Sufism called by many orientologists the «philosophy of morality». It is emphasized that modern Moslem social-ethical conception ascends up to tarikat, the peculiar way of religions and moral self-improvement of Islam followers. Much attention is also paid to the religious basics of Sufism, which are the foundation for the formation of Sufi ethics.

Moreover, the author investigates historical aspects of Sufism, highlighting the beginning of the VIIIth century when it became widespread within Near East territory. The main problem is the study of the specific provisions of the phenomenon of Sufism lies in the fact that the Sufi movements in today's world have become increasingly pronounced national and cultural features, depending on the spread of the regions, which will inevitably lead to the loss of the initial knowledge of Sufism.

However, the activation of destructive forces, acting under the color of Islam, promotes the formation of non-Muslims, especially at the level of mass consciousness, misconceptions about the true values of Islam.

In this regard, the study and promotion of the most traditional of the provisions of Sufism is of great scientific interest because it is from them subsequently grow numerous Sufi movements that are practiced today by millions of Muslims.

Novelty of this research is characterized by the fact that research gives us a historical-cultural prerequisites and the causes of Sufism movement which in turn allow to understand an essence of the ethics of Sufism as an ascetic movement in Islam. The considerable part is also assigned to the basic dogmatic provisions of this movement which were absolutely revolutionary in the Islamic society of Arabian Peninsula.

Also the article shows us an influence of Sufism on culture and art of people of the world, first of all – on culture of the people of the Middle East. Religious practice of a Sufi award of a Mevlevi order who represent an interlacing of many art forms are brought as a striking example.

Methods: chronological method, comparative-historical method, typological method and analytical method.

Keywords: religion, Islam, Sufism, ethics.

References

1. Ali-Zade A. A. Tasavvuf / Islamskiy entsiklopedicheskiy slovar [Tasavvuf. Islamic Encyclopedia]. Moscow, Ansar, 2007, 400 p.
2. Ali-Zade A. A. Islamskiy entsiklopedicheskiy slovar [Islamic Encyclopedia]. Moscow, Ansar, 2007, 400 p.
3. Al-Hujwiri Ali bin Usman. Raskrytie skrytogo za zavesoy dlya svedushchikh v taynakh serdets [Disclosure Hidden Behind a Veil for Versed in the Secrets of Hearts]. Moscow, Eastern Literature, 1993.

4. Gogiberidze G. M. Islamskiy tolkovyy slovar [Islamic Dictionary]. Rostov-on-Don, Phoenix, 2009, 266 p.
5. Huseynov A. A. Velikie moralisty [Great Moralists]. Moscow, 1995, 512 p.
6. Knysh A. Islam: entsiklopedicheskiy slovar [Islam: Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Nauka publ. [Science], 1991, 253 p.
7. Kolesnikov A. S. Sufizm – filosofiya v ramkakh mistitsizma [Sufism – a Philosophy Within Mysticism]. Istoriya filosofii: Uchebnik dlya vuzov [History of Philosophy: a textbook for high schools]. Saint Petersburg, Peter, 2010, 656 p.
8. Novaja filosofskaja jenciklopedija: v 4 t. In-t filosofii RAN, Nac. obshh.-nauch. fond; Nauchno-red. sovet: preds. V. S. Stepin, zamestiteli preds.: A. A. Gusejnov, G. Ju. Semigin, uch. secr. A. P. Ogurcov. [New Encyclopedia of Philosophy]. Moscow, Thought, 2010, Vol.3, 692 [2] p.
9. Stepanyants M. T. Filosofskie aspekty sufizma [Philosophical Aspects of Sufism]. Moscow, Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izdatel'stva Nauka, 1987, 192 p.
10. Tokarev S. A. Religiya v istorii narodov mira [Religion in the hHistory of the Peoples of the World]. Moscow, Politizdat, 1986, 576 p.

УДК 215

**СОВРЕМЕННАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ
И ЕЕ ТРАНСГРЕССИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ
КАК ЧАСТИ ПРИКАСПИЙСКОГО ФРОНТИРА)¹**

Топчиев М. С.

Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Российская Федерация

E-mail: ceo.gfu@gmail.com

Статья посвящена анализу роли религии в жизни современного общества. Ее положение в социальном процессе сильно осложнилось на фоне глобальных политических, экономических и социокультурных изменений. Процессы глобализации и информатизации привели к девальвационным последствиям, которые обратили внимание современных ученых на вопрос трансформации религии в сфере социальных отношений. В рамках рассматриваемой проблемы в статье предложены результаты проведенного социологического исследования, в котором принимали участие студенты высшего учебного заведения Астраханской области. Полученные данные составляют научный интерес, т. к. опрос проводился в полиэтничном и поликонфессиональном регионе. Вслед за современными учеными, автор причисляет Астраханскую область к части прикаспийского фронта. Под фронтиром на данном этапе понимается особая система межкультурных коммуникаций, которая может возникнуть на пространстве соприкосновения различных культур. Именно такие зоны наиболее уязвимы с точки зрения стабильности поликультурного общества, соседствующего с другими территориями и испытывающего миграционное давление. В статье автором раскрыты некоторые особенности современной религиозности. Первая особенность обозначена как секуляризация культуры. Второй особенностью стала детерриториализация религии. Этот процесс заключается в том, что та или иная религия обретает своих приверженцев там, где исторически их никогда не было или же наоборот теряет в регионах традиционного проживания. Третья особенность получила свое название «новая религиозность». Она представляет собой характерный для современного этапа развития западного (и российского в том числе) общества тип религиозности, определяемый ценностями массовой культуры и обладающий элементами глубокой новизны и нетрадиционности. Особое внимание уделяется религиозной трансгрессии, поскольку фронтирное положение региона нередко дает почву для осуществления подобных актов. Религиозная трансгрессия автором статьи понимается как переступание и радикальное преодоление религиозных запретов. В заключении сделаны выводы о соответствии современной религиозности постмодернистскому состоянию культуры.

Ключевые слова: религиозность, новая религиозность, детерриториализация религии, религиозная трансгрессия, Христианство, Ислам.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента для молодых ученых – кандидатов наук. Проект МК-7152.2015.6 «Социокультурный анализ механизмов религиозной трансгрессии на территории Астраханской области как части прикаспийского фронта».

В современном мире происходят глобальные политические, экономические и социокультурные изменения. Нарастает международная нестабильность, разрушаются прежние системы ценностей. Происходит формирование всеобщего информационного пространства. Под воздействием глобализационных процессов разрушается политическая идеология, связанная с религиозной и национальной идентичностью. А вместе с этим «девальвируется место и роль религии в жизни общества» [6, с. 14] и трансформация в сфере социальных отношений, в которых на протяжении многих веков человеческой истории религия занимала одно из важнейших мест, осложняет и проблематизирует ее роль и положение в современном социальном процессе.

Однако, несмотря на все это, религия по-прежнему играет достаточно серьезную роль в жизни современного общества. Именно она остается тем значимым фактором социально-политической мобилизации. Религиозные организации могут оказывать влияние и на политические, и на социальные процессы. Происходит это вследствие развития религией определенного мировоззрения верующих, которое формирует не только взгляды на жизнь, но и гражданскую позицию. Причем совершенно не важно, ведется ли речь о традиционных обществах, что вполне очевидно, или же о тех, на которые оказали влияние модернизационные процессы, о так называемых модернизированных обществах. Примерами таких модернизированных, а также модернизирующихся стран могут служить Израиль, Индия, Польша, Турция и Россия.

В рамках рассматриваемой проблемы мы предлагаем результаты проведенного поискового исследования, которые отражают характер и суть явления религиозной трансгрессии. Для более объективной оценки исследование проводилось разными способами. Во-первых, применялся метод социологического опроса, выборка которого составила 500 человек. В письменном опросе принимали участие преимущественно студенты Астраханского государственного университета. Во-вторых, это фокус-группы и интервью, позволившие более детально рассмотреть некоторые проблемы. Исследование проводилось на территории Астраханской области. Регион является полиэтничным и поликонфессиональным, и интересен в том числе своим территориальным положением, что дает возможность исследователю отнести его к части прикаспийского фронта. Проблема поликонфессиональности южнороссийского фронта поднимается в работах астраханских исследователей: Романовой А. П., Хлыщевой Е. В., Якущенкова С. Н., Якущенко О. С.

Следует отметить, что фронт – комплексный, многогранный феномен, включающий в себя не только экономико-географические, хозяйственно-исторические, но и философско-культурологические, духовно-ментальные аспекты. В классическом варианте, который предложил Ф. Тернер, под фронтом понимается территория, представляющая собой подвижную границу и обладающая рядом характеристик, к которым относится, например, полиэтничность, поликонфессиональность, религиозная свобода, отрицание старого, новое поле возможного и др. В современной же интерпретации изменился сам подход к

фронтину. Под фронтиром на данном этапе понимается особая система межкультурных коммуникаций, которая может возникнуть на пространстве соприкосновения различных культур [7, с. 268].

Помимо этого, территория фронта обладает следующими характеристиками: это более высокая мобильность по сравнению с глубинной территорией, перемещение больших групп людей, новые формы культурных и социальных контактов. Но именно такие зоны наиболее уязвимы с точки зрения стабильности поликультурного общества, соседствующего с другими территориями и испытывающего «миграционный нажим» [9, с. 241]. Тем интереснее и актуальнее становятся результаты проведенного исследования.

Говоря об особенностях современной религиозности, можно утверждать, что на данный момент происходит секуляризация культуры. Сильнее всего этот процесс отражается на традиционных религиях. Естественно, они не собираются выходить из пространства социального процесса, но свое дальнейшее развитие осуществляют в режиме постепенного снижения своей духовной и социокультурной значимости. Можно даже говорить, что в современной культуре происходит некоторая «секуляризация религиозного» и «сакрализация светского».

Судя по полученным данным, степень религиозности респондентов, принявших участие в исследовании, достаточно высока. Они указывали на то, что в семье в той или иной степени соблюдаются религиозные обряды и ритуалы. И, если сравнивать данные результаты с общероссийскими, согласно которым российское общество делится примерно на две равные части: тех, которые относят себя к последователям религии, и тех, которые таковыми себя не считают [4, с. 2], то данный перевес можно объяснить конфессиональными и этническими особенностями региона и продолжающимися процессами секуляризации. Ведь респонденты могли интерпретировать вопрос об исповедовании религии с точки зрения формальной причастности и искренне считать это нормой.

Еще одной особенностью современной религиозности является детерриториализация религии. Этот феномен стал возможным вследствие глобализации, повышения «географической мобильности» и развития информационно-коммуникативных технологий. Религия рассеивается поверх традиционных конфессиональных, культурных, политических и цивилизационных границ. Этот процесс заключается в том, что та или иная религия обретает своих приверженцев там, где исторически их никогда не было или же наоборот теряет в регионах традиционного проживания. Так, например, исследование показало увеличение количества респондентов, проживающих на территории Астраханской области, исповедующих ислам. Объяснить этот эффект можно особенностями Астраханской области. На фронтире постоянно происходит конфессиональная и этническая трансгрессия, о которой мы подробнее остановимся позже.

Продолжая изучение вопроса о месте религии в современном мире, необходимо отметить, что, несмотря на возрастание социальной роли науки, мы можем говорить о проявлениях в обществе различных форм религиозности, причем как в традиционных, так и нетрадиционных вариантах. Современный человек проявляет

интерес к мистике, оккультизму, чудесам, паранормальным явлениям, колдовству, магии и эзотерике. Особенно это свойственно для нестабильных, переходных эпох, когда человек стремится снизить уровень неопределенности в окружающем его мире, а с другой стороны, этот интерес формируется массовой культурой.

Сегодня происходит активное формирование, внедрение и широкое распространение «новой религиозности». Своё название данное явление получило вследствие влияния новых факторов. «Новая религиозность» представляет собой характерный для современного этапа развития западного (и российского в том числе) общества тип религиозности, определяемый ценностями массовой культуры и обладающий элементами глубокой новизны и нетрадиционности [8, с. 3]. Взаимодействие и взаимовлияние новой религиозности и массовой культуры приводит к симуляции религиозности, своеобразной постмодернистской игре, которая, с одной стороны, продвигает религиозные идеи в информационном поле, а с другой, девальвирует и трансформирует их [8, с. 35–36].

Для выявления ценностных ориентаций респондентов исследования было предложено из 22-х различных ценностей выбрать пять, наиболее значимых для них. В первую пятерку вошли семья, здоровье, любовь, работа и свобода. Несмотря на относительно высокую религиозность респондентов ни «Бог», ни «Религия» как ценности не вошли даже в десятку. Фокус-группы дали аналогичный результат: при беседе, как в группе, где подавляющее число информантов было религиозно, так и в группе с противоположными тенденциями, ни «Бог», ни «Религия» не прозвучали в качестве значимых ценностей. Лишь после акцентирования внимания на данном вопросе, участники фокус-группы озвучили мнения, что религия является важной составляющей в жизни общества и человека, а также способствует формированию социально-одобряемого набора базовых ценностей.

Данные факты позволяют выдвинуть предположение о том, что религия и вера не играют ведущей роли в жизни молодого поколения и выходят на первый план ситуативно, когда появляется соответствующий посыл в информационном пространстве.

В результате детального рассмотрения вопроса, связанного с ценностями и разбивке респондентов по конфессиональным различиям, необходимо отметить низкий рейтинг ценности «религии» у христиан, и, наоборот, ее высокий рейтинг у мусульман. Также любопытен феномен низкого рейтинга «традиций» во всех рассмотренных группах респондентов, которые должны были коррелироваться с «религией». Ведь в религии закодирована такая система ценностей, которая максимально адаптирована к национальному сознанию народа. Религия начинает на определенном историческом этапе выступать в роли традиции, то есть механизма, помогающего народу сохранить наиболее значимые для него духовные ценности и передать их по наследству. «Культура души» воспитывается в человеке с детства, прежде всего, через традицию, а значит, и через религию.

Традиция – это принятие народом самого себя, разотождествление со злом, а значит, с небытием, то есть самоуважение. По мнению О. В. Ивановской «религия – это традиция. Значит, и на личностном уровне вера есть самопринятие человека, то

есть самоутверждение – исходная посылка бытия» [5, с. 261]. А если мы фиксируем низкую роль традиций в структуре ценностей изучаемых групп, то, соответственно, отмечаем и низкую идентификацию себя с этнической культурой. Приверженность традициям своей культуры могла бы оказаться дополнительным сдерживающим фактором при принятии решения о смене религии и осуществления тем самым религиозной трансгрессии.

Религиозная трансгрессия представляет собой переступание религиозных запретов, призванных отделить человека от его погруженности в веру, радикальное преодоление запретов религии. Так, например, трансгрессию как выход за пределы существующих порядков опыта, а также через призму бинарных оппозиций «запрета» и «трансгрессии» рассматривал Ж. Батай. «Состояние трансгрессии вызывается желанием, требованием мира более глубокого, более богатого и невероятного, требованием, одним словом, мира святого. Трансгрессия всегда осуществлялась в чрезвычайных формах» [1].

Тема трансгрессии была также концептуализирована в рамках философии XX века в творчестве М. Бланшо, М. Фуко, Ж. Деррида и др. М. Бланшо, интерпретируя Ж. Батая рассматривал трансгрессию как специфический внутренний «опыт-предел». Его человек получает, когда ставит свой прежний опыт на преодоление. «Это решение, компрометирующее всякое бытие, выражает невозможность человека остановиться – ни на миг, ни на одном утешении или какой бы то ни было истине, ни на интересах или результатах действия, ни на достоверностях истины или веры» [2, с. 67]. Согласно взглядам М. Бланшо, трансгрессия представляет собой парадоксальную реализацию таких возможностей, которые преодолевают осуществленность всех наличных возможностей, т. е. некоторой «невозможностью».

По оценке Ж. Деррида, опыт трансгрессии вообще невозможно рассматривать в качестве опыта применительно к действительности в силу его связанности с «невозможным». По мнению автора, внутренний опыт нельзя рассматривать как опыт, так как он соответствует лишь невозможному. И испытываться он может только в муке [3, с. 158].

Расширение опыта через трансгрессию рассматривает М. Фуко. По его мнению, современность началась с того, что возвести о «смерти Бога». И в этой ситуации трансгрессия является единственным путем обретения святого в его непосредственном содержании. Трансгрессия является «жестом, который обращен на предел» [2, с. 118]. И именно М. Фуко говорил о связи религии и трансгрессии, отмечая, что эти явления идут бок о бок.

Согласно проведенному исследованию, случаи религиозной трансгрессии известны половине респондентов. Рассматривая социальную среду, в которой произошел переход из одной религии в другую, можно отметить, что в основном данный переход осуществлялся в «дальнем круге». Обращает на себя внимание тот факт, что среди респондентов, причисляющих себя к христианству, случаи перехода наблюдаются в основном в «дальнем круге», то есть среди знакомых или малознакомых людей, с которыми у респондента нет социальных связей. Среди

мусульман мы видим иную картину. По количеству случаев перехода по-прежнему лидирует «дальний круг», но уже с меньшим отрывом, а также появляются случаи перехода в «ближнем» и «среднем» кругах. Таким образом, можно отметить, что респонденты, причисляющие себя к мусульманам, намного чаще сталкиваются с явлением религиозной трансгрессии непосредственно в среде своих родных и близких, с которыми они имеют достаточно тесные социальные связи, а также имеют возможность объективнее оценивать последствия подобного явления.

Доминирующим направлением религиозной трансгрессии является переход из христианства в ислам, подобные случаи были отмечены у значительной части респондентов, которая в три раза превышает переход из ислама в христианство. Информация о переходе из ислама в христианство зафиксирована лишь четвертью участников исследования. Данное доминирование связано со спецификой Астраханского региона, где мусульманская община представлена достаточно большой и наиболее религиозной частью населения.

Интересно распределение ответов респондентов по вопросу отношения к различным направлениям трансгрессии. Представители Ислама намного позитивнее оценивают переход из традиционной религии в традиционную, чем христиане. Данный факт можно объяснить интуитивным знанием мусульман о преобладающей направленности трансгрессии из христианства в ислам и, следовательно, отсутствии угроз конфессиональной стабильности ислама. С христианами дело обстоит с точностью до наоборот: есть интуитивное чувство наличия рисков, что проявляется в агрессивной защитной реакции.

Примечательно, что переход в атеизм одинаково порицается информантами обеих конфессии, но все большую нетерпимость по этому вопросу демонстрируют мусульмане. Информация, полученная на фокус-групповых интервью также подтверждает данную тенденцию. Большинство информантов не увидели никаких причин для беспокойства в фактах перехода из одной религии в другую, объясняя это личным выбором человека, совершившим переход, а также незначительным влиянием религии на жизнь современного человека. Исходя из такой позиции, переход серьезно не отразился ни на поведении, ни на мировосприятии человека, его совершившего. Для общества он остается прежним, соответственно это не вызывает тревоги или непонимания у окружающих.

Среди основных причин религиозной трансгрессии информанты на фокус-групповых интервью выделили три основные причины. Во-первых, это переход в религию будущего мужа девушки, которая решила связать свою жизнь с представителем другой религии. Переход чаще всего осуществляется под давлением партнера или его семьи. Большинство информантов высказались негативно относительно данной причины смены религии, так как переход осуществляется под давлением.

Во-вторых, акт религиозной трансгрессии, который возможно был связан с моментом переосмысления жизни и изменением ценностных ориентаций личности при активной миссионерской деятельности, информанты фиксировали у мужчин 25-30 лет.

В-третьих, переход происходит у подростков, выросших в межэтнических семьях, где данная ребенку с рождения религия не отвечала его религиозной самоидентификации. И при достижении сознательного возраста он принял решение изменить конфессиональную принадлежность на ту, которая наиболее соответствует его системе ценностей и мировосприятию.

Для того чтобы совершать религиозную трансгрессию, не обязательно совершать переход из религии в религию или становиться атеистом. История и современность показывает, что трансгрессия вполне возможна и в рамках конкретной религии [10, с. 7].

Так, стоит отметить, что участники фокус-группы неоднократно говорили о переходе в самую радикальную форму ислама, в ваххабизм. Ведь религиозной деятельности нетрадиционного типа свойственно активное миссионерство, необходимое для составления конкуренции традиционным для данного региона религиям. Нетрадиционные религии имеют профессионально разработанную рекламу и технику пропаганды своего учения. Ими проводятся широкомасштабные мероприятия, на которых используется как прагматическая, так и прагматическая мотивация. Особенно подобному влиянию нетрадиционных религий подвержены молодые люди, которые находятся в процессе поиска себя. Их привлекает своеобразная романтика, система тайных инициаций, экстравагантность и экзотичность нетрадиционных религиозных культов [6, с. 22–23].

Учитывая многие из изложенных особенностей современной религиозности можно говорить о том, что на данный момент в Астраханской области деформируется конфессиональный ландшафт с учетом всех секуляризационных, симуляционных, детерриториальных и трансгрессивных черт. Он вполне соответствует постмодернистскому состоянию культуры и отражает его важнейшие концептуальные и мировоззренческие черты.

К данным изменениям можно относиться по-разному. С одной стороны, можно видеть в этом определенный общественный прогресс и преодоление пережитков прошлого. С другой, искренне верить, что только при глубоком обращении к религии возможно спасти конкретного человека или же человечество в целом от негативных проявлений и последствий развития массовой культуры, культуры постмодерна. Как бы то ни было, на наших глазах происходит формирование принципиально новой социокультурной ситуации, определенным образом включающей в себя и новое отношение к религии.

Список литературы

1. Батай Ж. Запрет и трансгрессия. URL: <http://vispir.narod.ru/bataj2.htm> (Дата обращения 15.12.2016)
2. Бланшо М. Опыт-предел / М. Бланшо // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб., Мифрил, 1994. – 63–78
3. Герасимова П. С. О некоторых философско-психологических аспектах трансгрессии // Социокультурные проблемы современной молодежи: материалы 2 Международной научно-практической конференции / под ред. О. А. Шамшиковой, Н. Я. Большуновой. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2007. – Ч.1. – С. 153–160.

4. Данные Европейского социального исследования. URL: [http://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2010/96/2010_2\(96\)_10Kofanjva.pdf](http://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2010/96/2010_2(96)_10Kofanjva.pdf) (Дата обращения 15.12.2016)
5. Ивановская О. В. Трансценденция против трансгрессии // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – № 1. – С. 256–268
6. Мещеряков Д. А. Глобализация в религиозной сфере общественного бытия. Автореф. ... канд. филос. наук. – Омск, 2007. – 24 с.
7. Романова А. П. Специфика межкультурных коммуникаций на фронтальных территориях / А. П. Романова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – № 3. – С. 266–271.
8. Рыжков Ю. В. Новая религиозность в современной культуре. Автореф. ... докт. культурологии. – М., 2007. – 42 с.
9. Хлыщева Е. В. Фронтир как граница между «своим» и «чужим» / Е. В. Хлыщева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2013. – № 2. – С. 237–242.
10. Якушенкова О. С. Религиозная трансгрессия в условиях гетеротопии // Научный журнал КубГАУ. – 2015. – № 113. URL: <http://ej.kubagro.ru/2015/09/pdf/18.pdf> (Дата обращения 15.12.2016)

Topchiev M. S. Modern Religious and its Features Transgressive (on the Example of the Astrakhan Region as Part of the Caspian Frontier) // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 3. – P. 127–135.

This article analyzes the role of religion in modern society. Its position in the social process greatly complicated in the context of global political, economic and socio-cultural changes. Process of globalization and informatization led to the devaluation effects, which drew the attention of modern scholars on the issue of the transformation of religion into the sphere of social relations. As part of the problem in the article the results of a sociological survey, which was attended by students of higher educational institution of the Astrakhan region. The obtained data make scientific interest because the survey was conducted in multiethnic and policonfessional region. Followed by modern scholars, the author classifies the Astrakhan region of the Caspian Sea to the frontier. Under the frontier at this stage it refers to a special system of intercultural communication that can occur in the space of different cultures. These are the areas most vulnerable to the stability of a multicultural society, the neighborhood with other areas and experiencing migration pressure.

In the article the author revealed some of the features of modern religiosity. The first feature is referred to as the secularization of culture. The findings of a sufficiently high degree of religiosity of the respondents are understandable ongoing process of secularization, when the formal involvement of religion often sincerely considered the norm and accepted in her profession of issues.

Keywords: religion, new religious, deterritorialization religion, religious transgression, Christianity, Islam.

References

1. Batay Zh. Zapret i transgressiya [The Prohibition and Transgression]. URL: <http://vispir.narod.ru/bataj2.htm> (Accessed 15.12.2016).
2. Blansho M. Opyt-predel [Experience-Limit]. Tanatografiya Erosa: Zhorzh Batay i frantsuzskaya mysl' sere diny XX veka. [Tanatography of Eros: Georges Bataille and the French Idea of the Mid XX Century]. SPb., 1994, P. 63–78.
3. Gerasimova P. S. O nekotorykh filosofsko-psikhologicheskikh aspektakh transgressii [On Some Philosophical and Psychological Aspects of Transgression]. Sotsiokul'turnye problemy sovremennoy molodezhi: materialy 2 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Social and Cultural Problems of Today's Youth: Proceedings of the Second International Scientific and Practical conference]. Edited by O. A. Shamshikovoy, N. Ya. Bol'shunovoy. Novosibirsk, Izd. [Novosibirsk publ.] NSPU, 2007, Ch.1, P. 153–160.
4. Dannye Evropeyskogo sotsial'nogo issledovaniya [These European Social Survey]. URL: [http://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2010/96/2010_2\(96\)_10Kofanjva.pdf](http://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2010/96/2010_2(96)_10Kofanjva.pdf) (Accessed 15.12.2016).

5. Ivanovskaya O. V. Transtsendentsiya protiv transgressii [Transcendence Against Transgression]. Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy. [Scientific Problems of Humanitarian Studies], 2010, no.1, P. 256–268.
6. Meshcheryakov D. A. Globalizatsiya v religioznoy sfere obshchestvennogo bytiya. Avtoref. kand. filos. nauk [Globalization in the Religious Sphere of Social Life. Extended Abstract of Candidate's Thesis]. Omsk, 2007, p. 24.
7. Romanova A. P. Spetsifika mezhkul'turnykh kommunikatsiy na frontirnykh territoriyakh [The Specifics of Intercultural Communication in the Front Areas]. Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura [Caspian region: politics, economy, culture], 2015, no. 3, P. 266–271.
8. Ryzhkov Yu. V. Novaya religioznost' v sovremennoy kul'ture. Avtoref. dokt. kul'turologii [The New Religion in Modern Culture. Extended Abstract of Candidate's Thesis]. Moscow, 2007, p. 42.
9. Khlyshcheva E. V. Frontir kak granitsa mezhdu «svoim» i «chuzhim» [Frontier as the Boundary Between "Their" and "Foreign"]. Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura [Caspian region: politics, economy, culture], 2013, no. 2, P. 237– 242.
10. Yakushenkova O. S. Religioznaya transgressiya v usloviyakh geterotopii [The Religious Transgression in a Heterotopia]. Nauchnyy zhurnal KubGAU [Scientific journal KubSAU], 2015, no. 113. URL: <http://ej.kubagro.ru/2015/09/pdf/18.pdf> (Accessed 15.12.2016).

УДК 16

ИНТЕРВАЛЬНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ: ЛОГИКИ СТАНОВЛЕНИЯ, БАЗОВЫЕ КОНЦЕПТЫ И МЕТОДЫ

Лазарев Ф. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: fellazarev@rambler.ru

Данная статья рассматривает особенности интервальной методологии как новой эпистемологической концепции, по-новому раскрывающей общую модель познавательного процесса. Интервальный подход предлагает четко отрефлектированную философскую модель конкретного бытия объекта. Раскрыты истоки и предпосылки формирования интервальной парадигмы, как качественно нового концептуального подхода, учитывающего современные научные тенденции постижения сложных и многомерных по своим свойствам объектов. Также указаны основные ключевые понятия и методы интервального анализа, подробно вводящие в экскурс разработанной автором методологии. Новый тип теоретизирования акцентирует внимание на выявлении места, роли и фундаментальной значимости абстракции как ключевого инструмента научного познания, что предшествующими эпистемологическими теориями никогда не было в полной мере и с необходимой четкостью осознано. В статье детально анализируются основные методы интервального анализа – гносеологическая фокусировка, метод внешнего дополнения, концептуальная разверстка и др. В целом, данная работа служит подробным экскурсом в суть методологии интервальности в её развитии.

Ключевые слова: интервальная методология, абстрагирование, интервал абстракции, гносеологическая фокусировка, познавательная позиция, концептуальная разверстка, концептуальная сборка.

Методологическое сознание нашего времени переживает весьма своеобразный, если не сказать кризисный этап своей эволюции. Претензии классических версий научной методологии на привилегированное положение в вопросах истины и строгой рациональности не оправдались. Создается впечатление, что методологизм как установка и как сложившаяся в XX в. сфера исследований испытывает некий момент самоисчерпанности. Идея «конца» методологии стала особенно популярной в свете деконструивистской инициативы в рамках постмодернистского стиля философствования.

Философы активно ищут иной, «постнеклассический» опыт постижения истины, выводящий за пределы традиции, как она мыслилась в современной «позитивной» науке. Например, все явственнее просматривается когнитивный, ценностно-антропологический и конститутивный тренд в эволюции современных способов философствования, в связи с чем усилилась потребность в новых формах

и типах рациональной рефлексии. В этом контексте заметно возрос интерес к *интервальной дискурсивности* и к *интервальной методологии* в целом. Причина подобных процессов кроется, прежде всего, в особенностях современных научно-исследовательских практик, вовлекающих в свою орбиту чрезвычайно емкие по своей информационной насыщенности типы объектов, все чаще требующих обращения к ресурсам многомерного мышления. Еще одну причину можно усмотреть в том, что большинство классических методологий прошлого века (структурализм, феноменология, герменевтика, системный подход и др.) к настоящему времени во многом исчерпали свой эвристический потенциал. Возникла потребность в решительном обновлении методологического ресурса современной системы рационального мышления, в эпистемологической пересборке стандартов, норм и идеалов логического и дискурсивного оформления знания. В особенности это касается сферы социально-гуманитарных наук в контексте существенного изменения условий легитимации дискурсивных практик культурно-исторического познания.

ИНТЕРВАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА: ИСТОКИ И ПРЕДПОСЫЛКИ

Становление интервальной методологии приходится на 60-е годы XX века. Последняя, в сущности, была своеобразным ответом в области философской рефлексии на ряд принципиально новых и с достаточной определенностью проявившихся к середине XX века *особенностей научного знания* [1; 2; 3]. Среди этих последних, прежде всего, следует указать на *парадоксальность*, обнаружившуюся в самих теоретических основах науки. Особенно наглядно это проявилось в физике и математике в свете научной революции первой половины XX века. Вторая особенность, явно обозначившаяся в эволюции науки, – это общеизвестная тенденция к релятивизации и плюрализации знания.

Что явилось глубинной причиной указанных особенностей? Дело в том, что наука, именно начиная с XX столетия, подошла к изучению принципиально *новых типов объектов* и новых сфер, пластов реальности – сложных и сверхсложных, многоуровневых. Ученые стали проникать в ранее недоступные уровни мира – в микро- и мегамир, в мир околосветовых скоростей и т.п. Вследствие отхода от классической модели физической реальности появилась качественно новая задача изучения предельно малого и предельно большого. В рамках формирующейся научной парадигмы пересматривается концепция классического детерминизма, в результате чего миропорядок выступает не столько как структура вещей, сколько как структура событий. Резко усложнилось и само научное знание, его логическая и концептуальная основа.

Очевидно, что методологическая рефлексия середины XX века не могла не отреагировать на эту ситуацию. Среди появившихся в те годы методологических программ свое особое место с конца 60-х годов занял интервальный проект, ставивший своей задачей отыскание рациональных способов непротиворечивого постижения сложных, многомерных и экзотических по своим свойствам объектов.

Следует, однако, подчеркнуть, что новый всплеск интереса к интервальной методологии в текущем столетии связан с глубокими трансформациями в развитии

науки в конце второго тысячелетия. Классическое естествознание в течение почти четырех веков выстраивалось на основе *аналитической парадигмы*, основная установка которой заключалась в рассечении природы на базовые блоки (простые элементы, слои, интервалы). В этом смысле можно сказать, что классическая наука была *интервально-аналитической* как по своим познавательным стратегиям, так и по характеру форматирования и сборки систем знания. Однако к концу XX в. резко меняются акценты науки как основы инновационной деятельности современной цивилизации. Наука обогащается новыми исследовательскими стратегиями, связанными, с одной стороны, с синтетическим, целостным взглядом на мир, с другой стороны, с феноменом сращивания науки и технологии и возникновения «технонауки».

Наметившаяся интегрально-синтетическая интенция предполагает поиск путей конвергенции различных блоков знания и переход к методологии трансдисциплинарного типа. Сам феномен трансдисциплинарности возникает в связи с возрастанием значения *проблемно-ориентированных* форм исследовательской деятельности, таких как проектирование, прогнозирование, программирование и др. В русле таких исследований происходит многомерная трансгрессия дисциплинарного знания за границы своей классической самоидентификации [4, с. 11].

Способ разбиения мира на автономные, дискретные сферы привел в свое время к узкой специализации по отдельным дисциплинам – физике, химии, геологии, биологии и т. д. Современные познавательные стратегии, как мы видели, направлены на формирование целостного взгляда на изучаемую реальность. Появляются новые приоритеты и в области научно-технического прогресса. На первое место выдвигаются такие сферы, как безотходное, экологически чистое производство, природоподобные технологии (например, нанотехнологии). Все сказанное и обусловило потребность в адекватной методологии многомерного мышления, в том числе в её интервальной версии. Но если в 70–80 гг. прошлого века определяющим был аналитический аспект интервальности, то сегодня акценты существенно меняются. На первый план выходит синтетическая, интегральная стороны интервальной методологии.

ИНТЕРВАЛЬНОСТЬ КАК ТИП ТЕОРЕТИЗИРОВАНИЯ

Выстраивание интервальной методологии потребовало определенной пересборки ряда традиционных версий онтологии и гносеологии. В частности, речь шла о разработке эпистемологической концепции, по-новому раскрывающей как общую модель познавательного процесса, так и проблему обоснования научного знания. Отправной категорией на этом пути стало понятие *абстракции*. Предшествующие гносеологические теории не обращали достаточного внимания на тот факт, что абстрагирование как познавательная операция является *исходной, базовой формой* постижения человеком окружающего мира. Многовековые размышления философов и опыт исследований в науке показали, что реальность, этот чрезвычайно сложный клубок связей и опосредований, представляет собой диалектическое единство части и целого, конечного и бесконечного, прерывного и

непрерывного и т. д. Как распутать этот клубок? Познание реальности было бы в принципе невозможно, если субъект не обладал бы искусством отделять одно от другого, если бы он не умел расчленять целое на части, фиксировать устойчивость в текучем, а абсолютное – в относительном. Абстракция есть единственный, находящийся в распоряжении субъекта познавательный инструмент, способный эффективно рассекать реальность в соответствии с её собственной структурой. Искусство абстрагирования поэтому является началом и условием всякого результативного постижения мира.

Сказанное можно конкретизировать на примере диалектики конечного и бесконечного. Объекты, с которыми сталкивается человек в многовековой человеческой практике, равно как и в опыте познания, обнаруживают неисчерпаемость в своих признаках (свойствах, элементах, структурах, уровнях и т. п.), равно как и бесконечность своих связей и отношений с окружающей средой. Но если любой объект бесконечен как внутри себя, так и в своих отношениях с миром, то для познающего субъекта есть только один способ постижения – это «оконечивание бесконечного» в каждом акте познания. Перед нами процесс пошагового расщепления сложного на простое, непрерывного на прерывное, единого на многое. Именно в этом смысле абстракция – предпосылка и необходимое условие познания. Это в полной мере справедливо не только для теоретического, но и эмпирического уровня постижения мира. Известно, что экспериментально-опытная основа естественных наук, данные наблюдений, факты имеют «теоретическую нагруженность». Последняя включает в себя систему *исходных допущений* той или иной теории. «Так, прежде чем провести эксперимент, необходимо, по крайней мере, выяснить суть вопросов, на которые он должен давать ответ, и, соответственно этому, выделить некоторое конечное множество начальных условий, обеспечивающее все существенное (не постороннее) для того, что интересует нас в этом эксперименте. Это означает присутствие *изолирующей абстракции* уже в самом начале эксперимента» [5, с. 73]. Поскольку эксперимент чаще всего предполагает использование тех или иных приборов, то возникает вопрос о разрешающей возможности последних, о допустимых погрешностях измерения. А это влечет за собой принятие определенной *абстракции неразличимости*. Не меньшее значение имеет также выбор *языка описания*, выбор определенного вида операторов и функций [там же].

Из сказанного вытекает, что исследование природы абстракции – фундаментальная задача эпистемологии и логики науки. Между тем, мы должны констатировать тот факт, что эта задача никогда не была в полной мере осознана и с необходимой четкостью поставлена предшествующими эпистемологическими теориями. В сущности, здесь открывается весьма обширное проблемное поле исследования, требующее разработки существенно нового – *интервального* – типа философской рефлексии [6]. В связи с этим первой задачей интервальной рефлексии было прояснить подлинное место, роль и фундаментальную значимость абстракций как инструментов познания вообще, научного познания, в особенности. Вторая задача заключалась в том, чтобы выявить онтологические основания и конститутивные предпосылки всякого процесса абстрагирования.

Однако, радикальному переосмыслению традиционных взглядов была подвергнута и другая сторона проблемы. Речь идет о толковании *сущностной природы* абстракции. В этом вопросе мы сталкиваемся с одним, восходящим к учению Д. Локка эпистемологическим мифом, согласно которому абстракция есть некий психологический акт мысленного отбрасывания одних признаков объекта и удержание в фокусе внимания других, интересных «лишь для нашего субъективного употребления» (Гегель). С этой точки зрения, абстракция – это некая произвольная трансформация объекта в нашем разуме, «огрубление действительности», мысленный отход от реального положения вещей, приписывание предмету мышления таких характеристик, которые не существуют в действительности. В свете такой оценки познавательной сути отвлечения как своеобразной игры ума естественно возникает вопрос: как через отход мысли от действительности возможно ее продуктивное исследование? Как объяснить тот факт, что на таком зыбком пути человеческое познание достигло величайших успехов?

Как отмечает М. М. Новоселов, если объекты, поставляющие исходный материал для наших мыслительных операций, нам известны «сами по себе», независимо от этих операций, то какой резон наделять эти исходные объекты (свойства которых мы уже знаем) еще некими воображаемыми (к тому же искажающими реальное положение дел) свойствами?

Если же мы знаем, что представляют из себя объекты сами по себе, то о каком именно их искажении (действительного положения дел) идет речь, и в силу каких оснований мы можем судить, что свойства, которые мы им приписываем – это чисто воображаемые свойства и к тому же совершенно у них отсутствующие?

Разумеется, какие-то ответы на эти вопросы можно дать, сославшись просто на теоретическое оправдание идеализаций. И все же операция «наделения» воображаемыми и «совершенно отсутствующими свойствами» становится слишком подозрительной, чтобы остаться без солидного оправдания [5, с. 61].

Решительно отказываясь от традиционного истолкования сущности абстрагирующей активности субъекта, интервальная рефлексия выстраивает свое объяснение этого вопроса, рассматривая его в новом онто-гносеологическом измерении. Очевидно, что существовавшая теория абстракций явно или неявно базировалась на определенных предпосылках онтологического и гносеологического порядка. Эти предпосылки необходимо было вскрыть и произвести определенную «деконструкцию» их содержания. Во многих прежних теориях подход к абстрагированию основывался исключительно на его видении «изнутри» познающего субъекта в пространстве когнитивного типа философской рефлексии. В рамках такой познавательной позиции абстрагирование выглядит как субъективный, ничем извне не обусловленный акт выбора из налично данных признаков объекта.

Новый взгляд на диалектику конкретного бытия объекта позволяет понять, что абстракция – это не отход от реальности, а, напротив, есть способ эффективного к ней приближения. В этом смысле любая разумная абстракция является не просто мысленным, но и конструктивным выделением предмета и его свойств в

соответствии с диалектикой его бытия. Однако в свете новой онтологической модели принципиально по-другому выглядит вопрос об «универсалиях» человеческого мышления, проблема *универсальности* понятий. Согласно версии платонизма, за понятиями скрыты некие абсолютные идеи, имеющие форму всеобщности. Но в свете интервальной гипотезы мы должны сделать важный эпистемологический вывод: любые абстракции носят принципиально *неуниверсальный* характер. Поэтому вопрос о границах их применимости выдвигается на первый план. Он не только важен сам по себе, но и становится органичным элементом понимания самой сущности абстрагирования. Именно в этом контексте и было разработано ключевое понятие *интервала абстракции*. Это понятие, с одной стороны, позволяет глубже осмыслить природу абстракции, с другой, оно проливает новый свет на логические технологии работы с концептуальным аппаратом в деятельности ученого. Последнему мало иметь в своем распоряжении ту или иную абстракцию как некую смысловую единицу теории, ему желательно иметь дополнительную информацию об интервале ее однозначной применимости. Только в этом случае исследователь имеет полноценное знание о концептуальных инструментах своей работы.

Интервал абстракции – понятие, обозначающее пределы рациональной обоснованности той или иной абстракции, условия ее «предметной истинности» и границы применимости, устанавливаемые на основе информации, полученной эмпирическими или логическими средствами. Необходимость введения в методологию понятия *интервала абстракции* связана с идеей *обоснования* любой научной абстракции – как самого процесса абстрагирования, так и его результата. Абстрагируя в процессе познания, исследователь действует отнюдь не произвольно, а по определенным правилам и согласно поставленной познавательной задаче. Разумеется, если ученый не руководствуется осознанно применяемой методологией абстрагирования, его познавательные операции, как правило, протекают на интуитивном уровне, что часто может снизить эффективность его научного поиска.

Наконец, следует указать на еще один аспект проблемы, который можно было бы обозначить, как конститутивный горизонт познавательной деятельности субъекта. Речь идет о том, что интервал абстракции выполняет в познании функцию смыслопорождающей структуры. Любой познавательный акт включает в себя два аспекта – предметно-содержательный и предпосылочно-формальный. Человек может понять только то, что наделено смыслом. Но придание предмету смысла – дело человека. Последний же может наделять предметное многообразие только своими человеческими смыслами. Как же в таком случае возможно объективное познание и понимание окружающего мира? Для ответа на данный вопрос следует подвергнуть аналитическому рассмотрению *природу смыслопорождающей деятельности субъекта познания*.

В рамках конститутивного дискурса рассматриваются два типа объектов – конституэнты и производные структуры. *Конституэнт* – это смыслопорождающая матрица, задающая пространство актуализации производных познавательных структур. *Производная структура* – любой познавательный феномен, имеющий в явной или скрытой форме конститутивные признаки. Примером конституэнта в

истории естествознания может служить понятие инерциальной системы отсчета в физике. Известно, что в классической механике понятия «движение» и «покой» не имеют конкретного физического смысла без указания соответствующей системы отсчета. Очевидно, что в этом случае выражения «движущееся тело», «покоящееся тело» служат примером *производных структур*. Для последних характерно, что при их смысловом определении (для каждого отдельного случая) указание на конституэнт входит в само это определение.

МЕТОДЫ ИНТЕРВАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Изменение способов размышления о диалектике бытия вещей вызывает необходимость разработки соответствующих методов анализа.

Метод интервализации – задание «оптики» рассмотрения объекта с точки зрения конкретной научно-исследовательской задачи с помощью специально подобранной совокупности абстракций. Речь идет, таким образом, о процедуре перехода от объекта (как единство многообразного) к *конкретному предмету* исследования, заданного в определенной перспективе видения с четко фиксированным интервалом абстракции. Каждый объект, вещь, явление неисчерпаемы в своих свойствах и отношениях. При этом, находясь в разных условиях, объект проявляет себя по-разному, в зависимости от того, какое его качество актуализировано в данном контексте.

Интервализация предполагает следующие познавательные операции.

Концептуализация – установление необходимых для построения теории ключевых абстракций и выявление их логической взаимосвязи, что в итоге обеспечивает целостное, самодостаточное, смысловое пространство. Данная операция предполагает фиксацию четко заданного смыслового поля со своей группой понятий, принципов подхода, теоретических конструкций, способных адекватно отобразить данный аспект исследуемого объекта. В рамках научной рациональности базовые концепты имеют свою содержательную наполненность благодаря тому, что в них отражаются некие онтологические прообразы (предметно-денотативный уровень). Первичная концептуализация обеспечивает дальнейшее понятийно-логическое развертывание теории и переход от исходных абстракций к более сложным теоретическим конструктам.

Операционализация – придание точного смысла понятиям посредством экспериментально-метрических и прочих эмпирически реализуемых процедур. Любое достаточно точное понятие (особенно в области естественных наук) имеет не только концептуальный, но и операциональный уровень.

Необходимость использования операциональных способов определения научных понятий была осознана в условиях научной революции в физике в первые десятилетия XX века, когда были созданы теория относительности и квантовая механика. Осмысление того, что было неудовлетворительным в структуре и содержании подвергшихся пересмотру старых понятий (таких, как «эфир», «одновременность», «пространство»), породило одновременно потребность в анализе «природы» физических понятий вообще, их «взаимоотношений» с экспериментом, в частности. Потребовалось ответить на вопрос, возникший в связи

с естественным беспокойством за «непустоту» понятий, используемых в научных описаниях физических явлений: имеются ли такие средства определения этих понятий, которые гарантируют их от «ревизии» в случае обнаружения принципиально новых экспериментальных фактов? Казалось, что ответ на этот вопрос заключается в анализе различных способов формирования семантики понятий, и, в частности, таких, которые использовали создатели новых научных теорий. Например, в теории относительности значения временных переменных (в соответствующих уравнениях) для двух событий, происходящих в разных точках пространства, считаются с показаний «синхронизированных» часов, расположенных вблизи соответствующих точек. Принципиально новым здесь оказывается понятие *одновременности* событий, которое определяется *операционально*, т. е. включает указания на последовательность операций – действий наблюдателей, по синхронизации часов, расположенных в разных точках, и, кроме того, для однозначного истолкования результатов этих операций, указание на *систему отсчета*, в которой находятся приборы и наблюдатели. Очевидно, что *экспериментальная процедура* может выступать как средство выявления точного физического смысла ключевых понятий теории, для чего в их определение должен входить метод, позволяющий в каждом отдельном случае на основе эксперимента решать, осмысленно ли применение этого понятия в данном случае или нет. Иначе говоря, каждое такое понятие приобретает строгий смысл лишь в операциональном контексте, т. е. тогда, когда указана последовательность актуально (или потенциально) осуществимых операций, фактическое выполнение которых позволяет шаг за шагом выявить физический смысл этого понятия, и, таким образом, гарантировать его непустоту.

Гносеологическая фокусировка – обеспечение максимально возможного смыслового уточнения и прояснения (как на концептуальном, так и на операциональном уровнях) используемых в теории образов реальности в заданном интервале абстракции. То обстоятельство, что каждая *познавательная позиция* предполагает как субъективную, так и объективную стороны, разумеется, не означает что они *a priori* или автоматически согласованы между собой. Априорная согласованность скорее является исключением, чем правилом в человеческом постижении мира. Поэтому в реальной практике познания часто возникает необходимость в особых процедурах, связанных с «подгонкой» этих сторон друг к другу. Такой тип познавательной деятельности в интервальной философии получил название «гносеологическая фокусировка».

Простейший тип фокусировки можно обнаружить на примере часто встречающегося в обычной практике процесса приближения наблюдателя к объекту своего внимания. Процесс приближения заканчивается, когда выбранная точка наблюдения обеспечивает максимально четкое восприятие объекта. Гносеологический смысл познавательной активности состоит здесь в том, чтобы компенсировать объективную ограниченность наблюдателя и найти необходимую меру адекватности зрительного образа в заданных условиях.

Экспериментальная деятельность ученого также может быть рассмотрена как систематический поиск согласования выдвигаемых в теории объяснительных

моделей и эмпирических данных. В этом контексте гносеологическая фокусировка приобретает новые черты. Суть ее в том, чтобы, с одной стороны, «навести на резкость» объективную картину изучаемого процесса по отношению к экспериментальным и концептуальным возможностям субъекта, а, с другой – посредством контакта теоретических построений с реальностью проверить их на адекватность и осмысленность. В отличие от предыдущего случая, здесь активность направлена не на субъект, а на объект. С чем связана необходимость этой «приготавливающей стадии» по отношению к объекту?

Дело в том, что не всякое наличное бытие, не всякая среда, в которой ученый рассматривает явление с интересующей его стороны, может служить эффективным условием познания. Поэтому возникает задача так искусственно подобрать или преобразовать среду (а соответственно и явление), чтобы объект стал «прозрачным» и рационально постигаемым. В естествознании эта деятельность связана с конструированием таких экспериментальных ситуаций, в рамках которых изучаемое явление протекает в «чистом виде». Воспроизводя в эксперименте упрощающее идеализирующее условие для протекания исследуемых явлений, ученый как бы воссоздает новую реальность, по отношению к которой научные абстракции находят однозначную интерпретацию.

То, что реальность позволяет познающему субъекту «идеализировать опыт», т. е. подбирать нужные для целей исследования *интервальные ситуации*, в рамках которых он получает возможность обнаруживать простые и устойчивые отношения вещей, подпадающие под математическое описание, есть первейшее условие научной рациональности. На важность такой методологической практики обращает внимание В. Гейзенберг: «В сегодняшней научной работе мы существенным образом следуем методологии, открытой и развитой Коперником, Галилеем и их последователями в XVI–XVII вв. Для нее, прежде всего, характерны две особенности: установка на конструирование экспериментальных ситуаций, изолирующих опыт и поэтому порождающих новые явления; сопоставление этих явлений с математическими конструктами, которым приписывается статус естественных законов» [7 с. 48]

Метод внешнего дополнения. Тот факт, что в познании существует множество различных познавательных позиций, имеющих равное право на истину, не отменяет того, что эти позиции имеют разные познавательные возможности. Отсюда вытекают три важных методологических требования: 1) при анализе познавательной деятельности необходимо фиксировать тип занимаемой субъектом познавательной позиции, ее гносеологические характеристики и возможности; 2) фиксируя познавательную позицию, необходимо добиваться максимальной согласованности субъективных и объективных оснований познания (гносеологическая фокусировка); 3) необходимо исследовать логические и гносеологические механизмы перехода от одной позиции к другой.

Своеобразие диалектики интервальных ситуаций заключается в том, что один и тот же предмет обнаруживает себя по-разному в зависимости от того, «изнутри» или «извне» соответствующей ситуации мы его рассматриваем. Пример такой диалектики можно видеть в анализе Эйнштейна, теоретически обосновавшего факт

равенства тяжелой и инертной массы. Ученый приходит к выводу, что удовлетворительное истолкование названного факта можно дать в соответствующей форме: в зависимости от обстоятельств одно и то же качество тела проявляется либо как «инерция», либо как «тяжесть».

С интервальной диалектикой внутреннего и внешнего нередко сталкиваются исследователи гуманитарного профиля – историки, этнографы, культурологи и др. К примеру, при изучении культуры ситуация наблюдения «извне» и «изнутри» воспроизводится с не меньшей четкостью и частотой, чем в естествознании. Какую позицию избрать – описывать ли реальности другой культуры в качестве «постороннего наблюдателя», вооруженного научной методикой, или пытаться «вжиться» в новую среду, научившись переживать ее изнутри? Возможно ли как-то комбинировать эти два смысловых горизонта и способа видения? История гуманитарных наук свидетельствует о методологических трудностях и коллизиях, которые встречались на пути ученых в контексте рассматриваемой проблемы. Одна из распространенных здесь ошибок – отсутствие рефлексии исследователя над своей познавательной позицией. В результате нередко бывало так, что все, что фиксировалось путем наблюдения (обычаи, ритуалы, брачные отношения и т. п.), проходило через призму понятий, характерных для той культуры, представителем которой является исследователь. Так, Л. Я. Штернберг отмечает, что Л. Шренк не увидел у гиляков экзогамной организации, несмотря на то, что прожил среди них более двух лет: он интерпретировал их отношения на европейский лад. О трудностях такого рода часто вспоминал Н. Н. Миклухо-Маклай в своих записках.

Необходимость в методологической рефлексии возникает у историка, когда он пытается реконструировать прошлое на основе исторических источников. Какую интеллектуальную основу выбрать? Можно мысленно перенести себя в прошлую эпоху, вжиться в психологию и миропереживание людей другого времени; можно, напротив, использовать «эффект дистанции», посмотреть на прошлое глазами современного человека, вооруженного современной теорией исторического развития. Ясно, что выбор той или другой перспективы обуславливает применение соответствующих методов и концептуальных средств описания. Так, внешний наблюдатель естественным образом использует «язык универсалий», в то время как при описании изнутри логично ограничиться номиналистическим языком наблюдения. В зависимости от того, какой путь предпочтет исследователь, он получит качественно различные картины живого исторического процесса. Так, сторонники ситуационного подхода к истории науки фокусируют свое внимание на событиях прошлого с точки зрения их целостности, уникальности, невоспроизводимости в других условиях. Ситуационные исследования могут вызвать чувство неудовлетворенности у историка-традиционалиста: ведь он привык не стесняться себя при использовании категории всеобщего. Напротив, приверженца нового подхода пугают цепкие смысловые химеры языка платонизма.

Метод концептуальной разверстки – отображение одного и того же исходного объекта исследования в разных мысленных плоскостях (картинах) и выявление с этой целью соответствующего множества интервалов абстракции. При этом имеется в виду, что фиксация того или иного среза объекта предполагает погружение его в

адекватное концептуальное пространство анализа со своей системой понятий, принципов, правил дискурса. Эти системы понятий логически несовместимы между собой, но лишь взятые вместе исчерпывают всю необходимую информацию о свойствах объекта. Так, например, в антропологии исторически сложилось несколько основных дискурсов о человеке – естественнонаучный, социально-экономический, философский, религиозный.

Концептуальная разверстка может быть двух типов – поисковая и трансинтервальная. Так, перечисление сущностных измерений человеческого бытия (биологическое, социальное, культурное, экзистенциальное и др.) заведомо не является полным, поскольку зависит от той или иной философской позиции и выражает ситуацию нескончаемого поиска сущности человека в истории мысли. В случае же трансинтервальной разверстки возможные перспективы видения объекта уже выявлены и четко зафиксированы в ходе познавательной деятельности. Например, элементарная частица имеет всего два варианта своего концептуального отображения – в виде волновой или корпускулярной картины.

Метод универсализации – теоретическое выявление при исследовании того или иного фрагмента действительности скрытых универсалий, инвариантов, устойчивых связей и отношений. Так, при создании теории относительности были релятивизированы такие величины, как масса, но при этом был выявлен новый инвариант – пространственно-временной континуум. Универсализация имеет исключительно важное значение в познавательной деятельности. М. Планк в свое время писал: «В основе так называемой теории относительности заложено нечто абсолютное; таковым является определение меры пространственно-временного континуума, и как раз особенно привлекательная задача состоит в том, чтобы разыскать то абсолютное, которое придает относительному его подлинный смысл». [8, с. 20] Удивительно, что спустя почти столетие можно сказать: в то время как о процессах релятивизации знания написаны сотни книг, о проблеме универсализации нет ни одного развернутого эпистемологического исследования. Это не значит, что на эту тему никто не размышлял. Богатый материал для философской рефлексии дает, к примеру, книга Е. Вигнера «Этюды о симметрии» [9].

Сам феномен абстракции тесно связан с понятием инварианта. Каждая разумная абстракция обладает фантастической точностью подтверждения. Как отмечает Вигнер, уравнения движения двух электронов в атоме гелия позволяют предсказывать результаты, находящиеся в согласии с опытом и точностью до 0,000001. Мы извлекаем из наших идеальных структур нечто такое, что в них не закладывали. Научные абстракции как бы «в себе», по своему смысловому содержанию обладают фантастическим запасом эпистемологической прочности, но строго ограниченной областью однозначной применимости. Но при этом пределы их применимости (интервал абстракции) не известны заранее. Их приходится устанавливать. И на эту работу уходят десятки, а то и сотни лет. Так, интервал абстракции понятий классической механики был выявлен лишь спустя 300 лет в результате создания теории относительности и квантовой механики.

Приведенное выше высказывание М. Планка о том, что в процессе познания необходимо разыскивать то абсолютное, которое придает относительному его

подлинный смысл, очевидно, справедливо не только для естествознания, но для социально-гуманитарных наук. Например, именно инварианты культуры являются необходимым условием самой возможности продуктивного диалога между различными народами, странами, этносами и т. п.

Метод универсализации основан на процедуре трансдукции, т. е. на рациональном переходе от одной интервальной ситуации (ИС) к другой. ИС можно ближайшим образом определить как любую опытно фиксируемую ситуацию, в рамках которой исследуемое свойство или явление обнаруживает себя в чистом виде и для отображения которых у наблюдателя имеются адекватные эмпирические и концептуальные средства. Совокупность эмпирических предикатов, фактуальных данных, которыми пользуется внутренний наблюдатель, позволяет ему, строго говоря, получать лишь номиналистически описываемую картину исследуемого явления, за адекватность которой он может ручаться лишь в рамках данной конкретной ИС. Поэтому возникает вопрос: в какой степени выводы, полученные изнутри ИС, могут быть обобщены на другие ситуации и на какие именно? Нет другого способа ответить на этот вопрос, как провести наблюдения в других ИС и показания наблюдателей сравнить между собой. Очевидно, что процедура сравнения не может быть проведена изнутри ИС. Эта процедура осуществляется познающим субъектом Т, выполняющим роль *теоретика*, в руках которого сосредотачивается информация от всех интервальных наблюдателей.

Теоретик Т мысленно помещает себя в метаинтервальную позицию, пытаясь рационально увязать фактуальные описания различных наблюдателей. Метаинтервальная позиция («над интервалом») представляет собой особую гносеологическую ситуацию, которая позволяет теоретику выполнять свою специфическую роль в процессе познания. Во-первых, он конституирует абсолютный характер любой внутриинтервальной истины («истины факта» по терминологии Лейбница), во-вторых, он устанавливает факт относительности любых данных наблюдения, имея в виду их привязанность лишь к определенной ИС; в-третьих, он вычленяет *инварианты*, *универсалии*, которые не зависят от заданных условий («истины необходимости» по терминологии Лейбница); в-четвертых, опираясь на инвариантные соотношения, он устанавливает соподчиненность и взаимосвязь исходных истин, а также комбинирует их в новые концептуальные целостности.

В контексте сказанного важно обратить внимание на существенные различия между теоретиками естественно-научного и социально-гуманитарного профиля. В естествознании теоретизирующий субъект предстает как нечто относительно простое, постулируемое в своей целостности. Другую картину мы наблюдаем в социокультурной сфере. Здесь субъект сам становится объектом наблюдения и самонаблюдения, ибо кроме ИС возникает еще метауровень: необходимость выяснения степени корреляции между видением себя в определенных условиях и объективным положением самого наблюдателя (по аналогии этот вторичный познавательный процесс можно было бы назвать «самофокусировкой»).

Как отмечает И. В. Лосев [10], осложняющим обстоятельством является в данном случае величайшая многозначность феноменов социокультуры как в

синхронном, так и в диахронном аспекте. В особенности это касается оценок инокультурной среды, выступающей для теоретика как внеположенность. Одна из отмеченных трудностей может быть сформулирована так: каким образом теоретик, если он является, например, представителем европейской культуры, способен в качестве внешнего наблюдателя адекватно анализировать реалии культуры и образ жизни народов Востока? Причем стиль мышления, менталитет европейца и представителя восточного мира, их нормы поведения далеко не идентичны. Сегодня мы наглядно видим это на примере поведения мигрантов, хлынувших десятками тысяч в Западную Европу. Диалог цивилизаций на базе принципов мультикультурализма оказался весьма жестким. В ходе кросс-культурного взаимодействия мигранты с Ближнего Востока испытывают так называемый культурный шок, своего рода стресс группового или индивидуального сознания, вызванный вхождением в иную социокультурную среду. Возникает конфликт между своими и чужими ценностями, нормами, повседневными практиками.

В то время как гносеологический статус позиций внутреннего и внешнего наблюдателей, связанных с той или иной культурно-исторической целостностью, достаточно ясен, вопрос о роли гносеологического посредника (теоретика) требует специального обсуждения. Каким образом ему удастся вычленять и теоретически отслаивать универсалии и инварианты культуры? Очевидно, что здесь требуется особая технология и методика работы.

Метод концептуальной сборки – представление объекта в многомерном когнитивном пространстве путем установления логических связей и трансдуктивных переходов между разными интервалами, образующими единую смысловую конфигурацию. Так, в классической механике одно и то же физическое событие может быть отражено наблюдателями в разных системах отсчета в виде соответствующей совокупности экспериментальных истин. Эти разные картины, тем не менее, могут образовывать некое концептуальное целое благодаря, например, «правилам преобразования» Галилея, регулирующим способы перехода от одной группы высказываний к другой.

В условиях, когда современная наука преступает дисциплинарные границы, становясь формой общественного производства, сплавом фундаментального и практически ориентированного, инновационного исследования, становится весьма актуальной задачей разработка трансдуктивных методов состыковки различных «универсумов рассуждений» в единую концептуальную конфигурацию.

Список литературы

1. Лазарев Ф. В. О природе научных абстракций / Ф. Лазарев. – М.: «Знание», 1971. – 31 с.
2. Новоселов М. М. Тожество / М. Новоселов // Философская энциклопедия, т. 5 – М., 1970. С. 238–241.
3. Лазарев Ф. В. Проблема точности естественно-научного знания / Ф. Лазарев // Вопросы философии. – М., 1968. – №9. – С. 31–42.
4. Киященко Л. П., Философия трансдисциплинарности / Л. Киященко, В. Моисеев. – М., 2009. – 203 с.
5. Новоселов М. М. Абстракция в лабиринтах познания / М. Новоселов. – М.: Идея-Пресс, 2010. – 410 с.

6. Лазарев Ф. В., Философская рефлексия: сущность, формы, типы / Ф. Лазарев, С. Лебедев // Вопросы философии и психологии. 2015, – № 1 (3). – С. 4–16.
7. Гейзенберг В. Реферативный сборник / В. Гейзенберг. – М., 1978. – С.148.
8. Планк М. Единство физической картины мира / М. Планк – М., 1966. – 288 с.
9. Вигнер Е. Этюды о симметрии. – М.: «Мир», 1971 – 318 с.
10. Лосев И. В. О специфике концептуальных программ интервальности в гуманитарном знании / И. В. Лосев // Диалектика и актуальные проблемы теории познания. – Севастополь, 1982.

Lazarev F. V. Interval Methodology: the Logic of Development, Basic Concepts and Methods // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 3. – P. 136–149.

This article discusses the features of interval methodology as a new epistemological conception, revealing a new general model of the cognitive process Interval approach offers clear reflection to philosophical ontology of concrete existence of any object: any object always exists under the specific conditions defined by holistic interval situations actually revealing themselves not in the diversity of potential properties and relations, but merely some one of their part as important to realize in this interval subject. The author revealed the origins and background of formation interval paradigm as a qualitatively new conceptual approach, taking into account current scientific tendencies of comprehension of complex and multi-dimensional in its properties of objects. Also identifies the major key concepts and methods in interval analysis, detailed digression leading into the methodology developed by the author. Based on the present novel method of interval, offered new questions and methodological approaches to solving modern scientific problems. A new type of theorizing focuses on identifying the place, role and importance of fundamental abstraction, as a key instrument of scientific knowledge that previous epistemological theories have never been fully, and with the necessary clarity realized. In general, this work is a detailed excursion into the essence of the methodology interval in its development, the formation of methodology and key points on which the particular type of scientific reflection, in its focus on the resolution of the contradictory claims of scientific concepts.

Keywords: the interval methodology, abstraction, abstraction interval, epistemological focus, cognitive stance, conceptual allotment, conceptual assembly.

References

1. Lazarev F. V. O prirode nauchnykh abstraksiy [About the Nature of Scientific Abstractions]. Moscow. Znanye Publ. 1971. 31 p.
2. Novoselov M. Tozhdestvo [Identity], Filosofskaya entsiklopediya [Encyclopedia of Philosophy], vol. 5. Moscow. Progress Publ. 1970. P. 238–241.
3. Lazarev F. V. Problema tochnosti estestvenno-nauchnogo znaniya [Problem of Accuracy Natural-Scientific Knowledge], Voprosy filosofii i psikhologii [Problems of Philosophy and Psychology], 1968, no 9. P. 31–42.
4. Kiyashenko L. Moiseev V. I. Filosofiya transdistsiplinarnosti [The Philosophy of Transdisciplinarity]. Moscow, Mysl Publ. 2009. 203 p.
5. Novoselov M. Abstraktsiya v labirintakh poznaniya [Abstraction in the Labyrinth of Cognition]. Moscow. Idea-Press Publ. 2010. 410 p.
6. Lazarev F. Lebedev S. A. Filosofskaya refleksiya: sushchnost, formy, tipy [Philosophical Reflection: the Nature, Forms, Types], Voprosy filosofii i psikhologii [Problems of Philosophy and Psychology], 2015, no. 1. P. 4–16.
7. Heisenberg W. K. Referativnyy sbornik [Collection of Reviews]. Moscow. 1978. p. 148.
8. Plank M. I. Yedinstvo fizicheskoy kartiny mira [The Unity of the Physical Picture of the World]. Moscow. Mysl Publ. 1996. 288 p.
9. Vigner E. Jetjudy o simmetrii [Etudes about Symmetry] – М.: «Мир», 1971 – 318 p.
10. Losev I. O. O spetsifike kontseptualnykh programm intervalnosti v gumanitarnom znanii [About Specifics of Conceptual Interval Programs in Humanitarian Knowledge], Dialektika i aktualnye problemy teorii poznaniya [Dialectics and actual problems of the theory of knowledge], Sevastopol Publ, 1982.

УДК 165.023

ПРИНЦИП ПРОСТОТЫ В ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОМ И ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

Сафонова Н. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: Safonov7070@mail.ru

В работе осуществляется попытка показать различие естественнонаучного и гуманитарного знания в области методологии. Было отмечено, что и в том, и в другом виде знаний в области методологии значительную роль играют ценности. Принцип простоты относят к классу социокультурных критериев научности, в которых ценностные представления играют определяющую роль. Автор выделяет операционные характеристики принципа простоты в результате анализа появления теорий в науке, где этот принцип был применен. В естествознании такими историческими фактами были: гелиоцентрическая (коперниканская) картина мира и теорема Ферма, доказанная Уайлсом. Необходимость обращения к этим фактам была вызвана потребностью дополнить интерпретационный ряд этих событий.

На основе фактического материала, а также анализируя высказывания ученых и философов науки, автор приходит к выводу о следующих операционных характеристиках критерия простоты: 1) из двух альтернативных теорий предпочтительнее та, которая проще (короче); 2) согласно принципу краткости, при объяснении явлений и построении соответствующих теорий стремятся к минимизации допущений; 3) обеспечивается доступность проверки. На фактическом материале показано, что в гуманитарном знании принцип простоты характеристику пункта (1) не имеет. Свойства, отраженные в пунктах (2), (3) имеют характер тенденции, а не жесткого требования.

Таким образом, на примере принципа простоты показано, что методология гуманитарного и естественнонаучного знания различна, а также на основе примеров из истории науки были выделены операционные характеристики принципа простоты.

Ключевые слова: естественнонаучное и гуманитарное знание, принцип простоты, краткость.

Об отличиях естественнонаучного и гуманитарного знания писалось много. Как правило, эти отличия объясняют различными объектами исследования и методами. «Различия между естественнонаучным и гуманитарным знанием существуют объективно и связаны с объектом, субъектом и методами исследования. В естествознании объектом исследования является природа и человек как ее часть, то есть его биологическая сторона. Для гуманитарных наук объект исследования – это сам субъект познания, человек, его социальная, духовная сторона» [1].

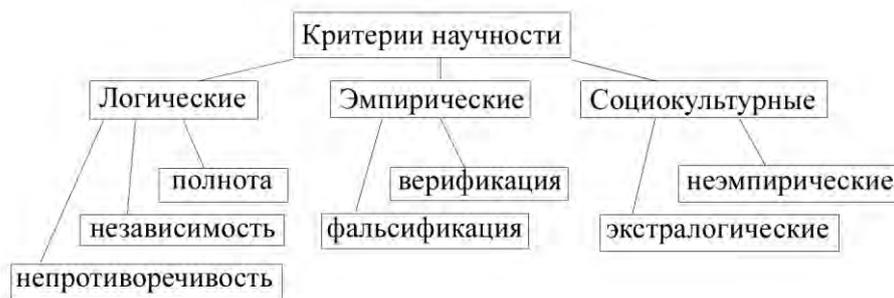
Необходимо подчеркнуть, что особую роль в трактовках современного гуманитарного знания играет *объяснение и понимание*, которые в человеческом

познании проходят через ценностное восприятие. Таким образом, роль *ценностей* становится основополагающим отличием естественнонаучного знания от гуманитарного, но при этом не абсолютным. Так, опираясь на исследования Т. Куна, можно утверждать, что ценности неявным образом присутствуют и в естественнонаучном знании. Безусловно, и тот, и другой вид знания имеют отличия в методологии. Выбор методов также проходит по реестру ценностей. Анализу таких предпочтений и посвящена наша работа. Проблематика сопоставления гуманитарной и естественной сфер научного познания актуализируется сегодня в связи с ростом междисциплинарных исследований, осуществляемых внутри границ каждой из этих сфер, но также проводимых на уровне сопряжения гуманитарного и естественнонаучного знания в целом.

Цель исследования – определить особенности такого критерия научности, как простота, в естественнонаучном и гуманитарном знании. Цель конкретизируется рядом задач:

- обозначить место критерия простоты среди прочих;
- определить основные свойства указанного критерия;
- показать его применимость в естественнонаучном и гуманитарном знании.

Определим место критерия простоты среди других критериев научности. Так, в учебнике по истории и философии науки [2, с. 160] авторы Н. Ф. Бучило и И. А. Исаев выделяют три группы критериев научности: логический, эмпирический и социокультурный. Данную классификацию удобно проиллюстрировать следующей схемой:

К логической группе авторы относят критерии непротиворечивости, полноты и независимости. Обусловленность последних, на наш взгляд, вызвана тем, что данные требования предъявляют к аксиоматическому методу, получившему в XX веке в области философии математики фундаментальную методологическую базу. Именно этот метод чаще всего используют при построении любых искусственных языков, в частности, языков логики.

Эмпирическими критериями научности авторы называют верификацию и фальсификацию. Верификация предполагает удостоверение теории эмпирически установленными фактами. Следуя историко-философской традиции, авторы учебника относят фальсификацию к эмпирическому способу опровержения. Не

будет большим преувеличением говорить о том, что критерий фальсификации можно применять шире: в рациональном познании.

Далее авторы, ссылаясь на работы В. В. Ильина [3], социокультурные критерии научности разделяют на экстралогические и неэмпирические. Их Ильин В. В. подразделяет на критерии красоты, *простоты*, эвристичности, конструктивности, нетривиальности, информативности, логического единства, концептуальной и когерентной обоснованности, оптимальности, прагматичности и т. д. [4].

На наш взгляд, автор помещает критерий простоты в группу социокультурных критериев научности вполне обоснованно. Ценностная характеристика настолько доминирует в данной критерии, что сама трактовка простоты имеет ряд разногласий.

Что можно назвать простым? Является ли капля воды простой или сложной?

В энциклопедии [5] принцип простоты определяют как эвристический принцип, обобщающий опыт познания, согласно которому при прочих равных условиях предпочтительна наиболее простая познавательная конструкция (теория, гипотеза, научно-исследовательская программа и т. п.). В данном определении содержится логическая ошибка, называемая в логике кругом: «принцип *простоты* – ... при прочих равных условиях предпочтительна наиболее *простая* познавательная конструкция». Из данного определения не ясно, что же понимают под простотой.

Критерий простоты восходит к сформулированному в истории философии принципу (требование минимизации допущений при объяснении Аристотеля, «бритве Оккама», требование простоты знания Г. Лейбница).

Знаменитый схоласт У. Оккам (во многом поддерживавший традиции Аристотеля) «принцип бережливости» (или «простоты») формулировал так: «Напрасно делать посредством большего то, что может быть достигнуто посредством меньшего» (*frustra fit per plura, quod fieri potest per pauciora*) [6, с. 142]. Следует обратить внимание, что принцип простоты у Оккама трактуется с точки зрения *краткости*.

Отсутствие четкого определения, вследствие субъективности критерия простоты, позволило многим мыслителям высказать мнение, что принцип простоты не имеет методической и методологической базы. В оценке критерия простоты нет единства: одни философы считают его действенным. Например, И. Ньютон приписывал принципу простоты онтологический статус: «Природа ничего не делает напрасно, а было бы напрасно совершать многим то, что может быть сделано меньшим. Природа проста и не роскошествует излишними причинами явлений» [7, с. 502].

Другие философы считали, что принцип простоты – субъективное стремление человека избежать излишних трудностей. Э. Мах сформулировал принцип «экономии мышления»: «не природа проста, а сознание человека стремится к простым описаниям, но ученые эти «психологические мотивы» стали проецировать на природу и приписывать их ей самой» [8, с. 430]. Речь идет о психологической потребности в «экономии мышления» и удобстве оперирования малыми объемами информации. Многие исследователи принцип простоты назвали теоретической химерой, которую следует исключить из науки [9, с. 232].

Представляется интересным найти операционные характеристики критерия простоты через его эффективность в науках, а также обозначить его отличия в гуманитарном и естественнонаучном знании в том же контексте.

Чаще всего, анализируя эффективность принципа простоты, обращаются к фактам из физики. В качестве таких случаев из истории науки авторы статьи [9, с. 232–234] приводят открытия Кулона и Максвелла, цитируют Ньютона, Эйнштейна.

Спектр применения принципа простоты в физике столь широк, что он получил свою методическую и методологическую базу. Так как упомянутые факты широко известны, мы не будем еще раз повторять, а попытаемся выделить характеристики по наработанному материалу. На наш взгляд, это короткие формулировки и расчеты, а также требование минимизации введения дополнительных параметров (которых в реальности может не существовать) для объяснения того или иного явления. Хотя содержание указанных подходов различно, оба они согласуются с бритвой Оккама.

Рассматривая выделенное свойство формулировок и расчетов, мы хотим обратиться к примерам из истории математики. На наш взгляд, помимо иллюстративного материала, который редко упоминается в этой связи, оба этих факта еще до конца не осмыслены.

Таким впечатляющим историческим событием было выдвижение аргументов против системы Птолемея (II в. н. э.) в защиту гелиоцентрической системы Коперника (1473 – 1543). До сих пор в этом вопросе нет ясности: при однозначной догматической позиции церкви, неожиданно сами церковники, в конечном итоге, предпочитают систему Коперника.

История вопроса такова. В то время широко использовалась модель «картины неба», известная под названием теории Клавдия Птолемея (сочинение «Альмагест»). В этой картине мира земля находилась в центре, а человек, сотворенный по образу и подобию божьему, естественным образом являлся центром мироздания. Древние греки считали, что движение планет осуществляется по идеальной окружности. Неудивительно, что для того, чтобы система Птолемея согласовывалась с реальным положением планет на небе, она должна была быть оснащена дополнительными параметрами. И, в итоге, обросла громоздкими математическими вычислениями: несмотря на то, что было известно только семь светил (включая Луну и Солнце), после усовершенствования арабскими астрономами, система насчитывала 77 кругов [10, с. 82].

Итак, геоцентрическая картина мира имела ряд преимуществ:

- согласовывалась с реальным положением планет на небе;
- не вступала в противоречие с религиозной доктриной.

Недостаток был один: трудоемкость и сложность вычислений.

Коперник помещает в центр системы неподвижное Солнце, Кеплер вместо окружности вводит эллипс. С точки зрения вычислений, конструкция существенно упрощается, однако вступает в противоречие с религиозной доктриной: гелиоцентрическая теория низводила человечество до жалкой роли малозначащего

пятнышка пыли на одном из многих шаров, вращающихся на бескрайних просторах Вселенной (см., например, Дж. Бруно «Философские диалоги»).

Реакция церковников была однозначной. Казнь Джордано Бруно на костре, судебный процесс над Галилео Галилеем (в 1633 году), широкий список *запрещенных* книг (в который входили работы Коперника, Кеплера, Бруно и др.) и не меньшее количество *утвержденных* метафизических религиозных текстов, опровергающих новую математическую модель «картины неба» – все это создает «идеальные» условия для господства геоцентрической модели.

Тем не менее, постепенно многие ученые начинают пользоваться более простыми расчетами, и уже в XVIII веке церковный запрет соблюдался в основном учёными-священниками. Например, в 1760 году два монаха Жакье и Лесёр, опубликовали французский перевод «Начал» Ньютона. Они добавили собственное заверение, что переводчики не разделяют заблуждений Ньютона и «следуют постановлениям, изданным верховными первосвященниками против движения Земли». Окончательно церковный запрет был снят только в 1835 году [11].

Пожалуй, описанный факт в истории науки является наиболее ярким и грандиозным примером эффективности применения критерия простоты в естествознании и математике. Однако не стоит однобоко интерпретировать указанное событие. Чаще всего подобные процессы редко имеют однозначность и непротиворечивость. Что побудило церковников снять запрет? Однозначного ответа нет. Безусловно, имеет место факт удобства астрономических вычислений.

Не исключено, что на появление новой системы картины неба могла повлиять и следующая точка зрения.

Существует мнение, что принятие новой научной картины мира произошло не в противовес религиозным убеждениям, а, скорее, в сопряжении с ними [10, с. 80–99]. К тому времени формируется уверенность, что Бог создал мир по гениальному и *простому* математическому плану. Настроение той эпохи передано крылатой фразой Галилео Галилея о том, что «книга природы написана на языке математики». Причем гениальность математического плана проявляется именно в простоте. Оказывается, простота – не хуже воровства и не глупость (таковы толкования простоты из многих других в словаре русского языка С. И. Ожегова), а выступает одной из характеристик Бога. Так, Иоанн Дамаскин (675–750 гг.) пишет: «Бог безначален, бесконечен, вечен, присносущен, несоздан, неизменяем, непреложен, *прост* (Курсив мой – Н. С.), несложен, бестелесен, невидим, неосязаем, неограничен, беспределен, неведом, непостижим, благ, праведен, всемогущ, вседержитель, всевидец, всепромыслитель, всевладыка и судья, – это мы и знаем, и исповедуем» [12, с. 16].

Можно говорить о том, что простота помимо своего первоочередного значения имела дополнительные смыслы трансцендентного познания мира. Идея создания Богом мира по «гениальному простому математическому плану» оказала значительное влияние на становление науки, формирование основ классической физики, и как следует из цитаты Ньютона, приведенной выше, это происходило не без участия онтологической установки простоты природы.

Итак, исходя из примера, приведенного выше, критерий простоты проявляется в ситуациях выбора альтернативных теорий, когда предпочтение отдается более короткой.

Еще одним ярким примером применения в истории науки критерия простоты является история Теоремы Ферма: для любого $n > 2$ уравнение $a^n + b^n = c^n$ не имеет решений в целых ненулевых числах a, b, c .

История теоремы Ферма такова [13]. На полях «Арифметики» Диофанта Ферма оставляет комментарий о том, что нашел доказательство для вышеуказанной теоремы, но оно не помещается на странице данной рукописи. Позднее были опубликованы доказательства для $n=4$ (Ферма в 1569 г.), $n=3$ (Эйлер в 1770 г.), $n=5$ (Дирихле и Лежандр в 1825 г.), также были получены доказательства для других, но не для всех целых n . Лишь в 1994 году (после устранения погрешностей) теорема была доказана английским математиком Эндрю Уайлсом и опубликована на 130 страницах журнала «Annals of mathematics».

Особенностью данной теоремы была легкость формулировки, вследствие чего появлялись многочисленные попытки доказательств как среди выдающихся математиков, так и непрофессионалов.

Еще одной отличительной чертой теоремы было то, что в случае ее доказательства, открывались определенные перспективы для развития некоторых разделов математики. Об этом говорил Д. Гильберт в своем знаменитом докладе «Математические проблемы» [14] на II Международном конгрессе математиков в 1900 году.

Несмотря на популярность теоремы среди математиков и целесообразность ее доказательства для развития самой науки, факт доказательства Уайлса прошел без особого триумфа со стороны общественности (им была получена Абелевская премия лишь в 2016 году – спустя 22 года). В настоящее время очень немногие знают о доказательстве Уайлса, несмотря на то, что являются современниками указанных событий. Причина такого равнодушия была объявлена сразу – слишком длинное доказательство, и высказано пожелание: найти более короткое доказательство.

Таким образом, несмотря на выполненный первоочередной критерий научности – непротиворечивость, доказательство теоремы полного признания не получило по причине невыполнения критерия простоты. Здесь мы имеем еще более сильный результат: речь идет не о выборе более простой теории, а об отказе от доказанного знания, вследствие невыполнения критерия простоты.

В этой связи, можно указать еще одну особенность принципа простоты (в том же значении краткости), чем проще гипотеза (короче), тем меньше усилий мы прилагаем для ее проверки. С этой точки зрения, требование К. Поппера – (фальсификации теорий) осуществлять будет проще, если сама теория является краткой. К. Поппер утверждает: простая гипотеза обладает меньшим числом параметров, а, следовательно, для того, чтобы ее опровергнуть в опыте, требуется меньше измерений [15, с. 130–134]. Этот способ применял Д. Гильберт – ученый, сумевший определить направления развития математики в XX веке. Проводя методологические семинары, где математики докладывали о полученных

результатах, он безапелляционно отбрасывал сложные теории, заявляя, что они ему непонятны, следовательно, неверны [16, с. 173–175].

Как было сказано выше, критерий простоты предполагает минимизацию допущений при объяснении явлений. Эйнштейн так объясняет этот принцип: «Важнейшая цель любой теории состоит в том, чтобы ... основных несводимых элементов было как можно меньше и чтобы они были как можно проще, однако так, чтобы это не исключало точного отображения того, что содержится в опыте» [17, с. 167].

Авторы статьи [9, с. 234] иллюстрируют механизм требования избегать гипотез *ad hoc* (букв. «для этого») – так называют допущения, придуманные специально для защиты теорий от опровержений. «Пусть мы решили, что лебеди – малинового цвета. Оппоненты показывают нам белого лебедя (наблюдение, противоречащее исходной гипотезе). Это опровергает гипотезу? Отнюдь. Мы благодарим оппонентов за важное наблюдение и уточняем гипотезу: все лебеди – малиновые и белые. Ах, вы нам еще и черного лебедя показываете? Спасибо! Все лебеди – малиновые, белые и черные (или даже еще сильнее: все лебеди – малиновые, но некоторые из них кажутся белыми и черными). При такой защите никакой опыт не опровергнет гипотезу о существовании малиновых лебедей» [9, с. 234]. Именно таким путем выдающемуся мыслителю прошлого Б. Горопию (Иоганну Бекану) удалось доказать в сочинениях «*Origines antverpiae*», что все языки произошли от фламандского, на котором будто бы говорили Адам и Ева. В честь этого события Г. Лейбниц [18, с. 286] предложил назвать подобный способ доказательства горопизированием.

Таким образом, критерий простоты в естествознании занимает прочное место, как со стороны обоснованности, так и эффективности.

Подводя итоги, исходя из приведенных примеров эффективности принципа простоты в естественных науках, можно говорить, что принцип простоты выступает в значении *краткости* и имеет следующие *особенности*:

1) из двух альтернативных теорий предпочтительнее та, которая проще (короче);

2) согласно принципу краткости, при объяснении явлений и построении соответствующих теорий стремятся к минимизации допущений;

3) обеспечивается доступность проверки (по критерию К. Поппера).

Альтернативная характеристика: у принципа простоты нет методологических основ, это – явления психологического характера, имеющие характер предпочтения. Действительно, на первый взгляд, это очень субъективный критерий (удобнее искать потерянную вещь в светлой комнате, а не там, где ее действительно потеряли). Математик и физик, знаменитый исследователь в области философии науки А. Пуанкаре в начале XX века писал: «Простота – единственная почва, на которой мы можем воздвигнуть здание наших обобщений. Но если эта простота только кажущаяся, то будет ли такая почва достаточно надежной?» [19, с. 122].

Насколько применим этот принцип в гуманитарных науках? На первый взгляд, он вообще не выполняется. Достаточно вспомнить сложность работ И. Канта, Г. Гегеля, многих современных философов и сопоставить с ними бесполезные (с

точки зрения глубокой методической работы) афоризмы – крылатые короткие выражения известных философов. Огромное количество подобного рода литературы вызывает у преподавателей философии резкое недовольство, так как знание студентами афоризмов не раскрывает содержания учений различных философов, а лишь порождает иллюзию знания у обучающихся. Роль афоризмов – популяризация знания. Таким образом, выделенное нами свойство п. 1 (из двух альтернативных теорий предпочтительнее та, которая короче) в гуманитарном знании не имеет места.

Тем не менее, в научной литературе указывают ситуацию, когда принцип простоты применяется в гуманитарных науках. Это связано с представлениями о том, что смысл во многом привносится самим интерпретатором, следовательно, произвольность интерпретаций в гуманитарных науках наибольшая. Поэтому и появляются методологические правила, ограничивающие произвол субъективности. К таким правилам относится *принцип смыслового совершенства интерпретации*, который выступает в гуманитарных исследованиях как аналог принципа простоты.

На особый статус данного критерия в психолингвистике указывают ряд авторов. «В психолингвистике требование простоты означает различие содержательного богатства текста, его насыщенности и информативности. Насыщенность (информационная) текста характеризуется в критериях меры новизны и степени сложности его содержания. Информативность текста характеризует текст с точки зрения возможностей его понимания. Простота текста в этом смысле означает меру возможностей экспликации его смысла: чем сложнее текст, тем меньшее количество информации может эксплицировать его читатель» [2, с. 162].

Можно обнаружить достаточно большое количество попыток осуществления принципа простоты в гуманитарном знании. Так, Н. Хомский выдвигает минималистскую программу, при ее разработке он опирается на принцип экономии и идею простоты. Основная его идея – свести к минимуму число элементов, принципов и правил [20, с. 17]. Все эти указанные выше тенденции связаны с потребностью все многообразие мира свести к единой, простой, следовательно, понятной системе знаний.

Мы не можем назвать определенных фактов эффективности принципа простоты в гуманитарных науках, как это имело место в естественнонаучном знании. Принцип простоты в гуманитарных науках носит неявный характер, скорее как изначальная установка, позволяющая ограничивать произвол субъективности, но при этом соблюдать принцип полноты изложения. Характеристики пунктов 2) и 3) имеют место, но только в качестве ориентира. В оформленном конечном гуманитарном знании эффективность принципа простоты мы наблюдать не можем.

Таким образом, на основе фактического материала, а также, анализируя высказывания ученых и философов науки, можно сделать вывод о следующих операционных характеристиках критерия простоты:

1) из двух альтернативных теорий предпочтительнее та, которая проще (короче);

2) согласно принципу краткости, при объяснении явлений и построении соответствующих теорий стремятся к минимизации допущений;

3) обеспечивается доступность проверки.

На фактическом материале показано, что в гуманитарном знании принцип простоты характеристику, определенную пунктом (1), не имеет. Свойства, отраженные в пунктах (2), (3) имеют характер тенденции, а не жесткого требования.

Список литературы

1. Горбухова М. Ю. Естествознание и гуманитарные науки: различие и проблема единства в контексте формирования гуманитарной культуры специалиста-естествоиспытателя // Известия Алтайского государственного университета. – 2007. – № 2. – С. 101–105.
2. Бучило Н. Ф. Исаев И. А. История и философия науки: учеб. пособие / Н. Ф. Бучило, И. А. Исаев. – Москва: Проспект, 2015. – 432 с.
3. Ильин В. В. Философия науки. Философия науки: [учебник] / В. В. Ильин. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 359 с.
4. Ильин В. В. Теория познания. Социальная эпистемология. Социология знания / В. В. Ильин. – М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2014. – 203 с.
5. В. Н. Порус. Простоты принцип // Новая философская энциклопедия. URL: <http://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH2120954aaecac8b1b76221>
6. Стяжкин Н. И. Формирование математической логики / Н. И. Стяжкин. – М.: Наука, 1967. – 508 с.
7. Ньютон И. Математические начала натуральной философии. – М.: Наука, 1989. – 687 с.
8. Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования / Э. Мах. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. – 456 с.
9. Аллахвердов В. М. Кармин А. С. Шилков Ю. М. Принцип простоты // Методология и история психологии. 2007. – Том 2. – Выпуск 1. – С. 230–246.
10. Клайн М. Математика. Поиск истины. / Пер. с англ. Ю.А. Данилова. – М.: Мир, 1988. – 295с.
11. Иоанн Дамаскин. Точное изложение Православной веры / преподобный Иоанн Дамаскин. – М.: ДАРЪ, 2007. – 415 с.
12. Проблемы Гильберта. Сборник / Под общ. ред. П.С. Александрова. – М.: Наука, 1983. – 237с.
13. Поппер К. Логика научного исследования. – М.: Республика, 2005. – 447 с.
14. Рид К. Гильберт. С приложением обзора Германа Вейля математических трудов Гильберта / Пер. с англ. А. В. Долмачева. – М.: Наука, 1980. – 367с.
15. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. – М.: Наука, 1967. – Т. IV. – 555 с.
16. Лейбниц Г. В. Сочинения в четырех томах. – М.: Мысль, 1983. – Т. 2. – 686 с.
17. Пуанкаре А. О науке / Пер. с франц. Под ред. Л. С. Понтрягина. – М.: Наука, 1990. – 735 с.
18. Силичев Д. А. Философия. Язык. Культура: Монография. – М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2016. – 311 с.

Safonova N. V. The Principle of Simplicity of Natural-science and Humanitarian Knowledge // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 3. – P. 150–159.

This work is an attempt to show the distinction of natural and humanitarian knowledge in the field of methodology. It was noted that in fact, and the other form of knowledge in the field of methodology play a significant role values. The principle of simplicity is referred to as the socio-cultural criteria of science, in which value orientations play a decisive role. The author identifies the operational characteristics of a principle of simplicity in the analysis of emergence theories in science, where the principle was applied. In the natural Sciences such historical facts were: the heliocentric (Copernican) view of the world and Fermat's last theorem, proven by Wiles. The necessity of addressing these facts were caused by the need to Supplement interpretation a number of these events.

Based on actual material and analyzing statements by scientists and philosophers of science also. The author concludes that the following operating characteristics of the criterion of simplicity: 1) of the two alternative theories is preferable to one that is easier (shorter); 2) according to the principle of brevity, in the explanation of the phenomena and building theories seek to minimize the assumptions; 3) availability check.

On the actual material, it is shown that in social Sciences the principle of simplicity characteristic of paragraph (1) does not have. Properties reflected in paragraphs (2), (3) have the character of tendencies, not rigid requirements.

Thus, for example, the principle of simplicity, it is shown that the methodology of Humanities and natural Sciences are different, and, based on examples from the history of science was allocated to the operational characteristics of a principle of simplicity.

Keywords: natural-science and humanitarian knowledge, the principle of simplicity and brevity.

References

1. Gorbuhoва M. Ju. Estestvoznanie i gumanitarnye nauki: razlichie i problema edinstva v kontekste formirovaniya gumanitarnoj kul'tury specialista-estestvoispytatelja [Science and Humanities: the Difference and the Problem of Unity in the Context of Formation of Humanitarian Culture of the Specialist–Scientist]. *Izvestiya of the Altai State University*, 2007, no. 2, P. 101–105.
2. Buchilo N. F. Isaev I. A. *Istorija i filosofija nauki: ucheb. posobie* [History and Philosophy of Science]. Moscow, Prospect, 2015, 432 p.
3. Il'in V. V. *Filosofija nauki* [Philosophy of Science [tutorial]. Moscow, Moscow State University Press, 2003, 359 p.
4. Il'in V. V. *Teorija poznaniya. Social'naja jepistemologija. Sociologija znaniya* [The Theory of Knowledge. Social Epistemology. Sociology of Knowledge]. Moscow, Academic Project: Gaudeamus, 2014, 203 p.
5. Porus V. N. *Prostoty princip* [Simplicity Principle]. *New philosophical encyclopedia*. URL: <http://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH2120954aaecac8b1b76221>
6. Stjzhkin N. I. *Formirovanie matematicheskoy logiki* [Formation of Mathematical Logic]. Moscow, Nauka Publ., 1967, 508 p.
7. N'juton I. *Matematicheskie nachala natural'noj filosofii* [Mathematical Principles of Natural Philosophy]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 687 p.
8. Mah Je. *Poznanie i zabluzhdenie. Oчерki po psihologii issledovanija* [Knowledge and Error. Essays on Psychology Research]. Moscow, BINOM. Laboratory of knowledge, 2003, 456 p.
9. Allahverdov V. M., Karmin A. S., Shilkov Ju. M. *Princip prostoty* [The Principle of Simplicity]. *Methodology and history of psychology*, 2007, Vol. 2, Issue 1, P. 230–246.
10. Klajn M. *Matematika. Poisk istiny* [Mathematics. The Search for the Truth]. Moscow, Mir, 1988, 295 p.
11. Ioann Damaskin. *Tochnoe izlozhenie Pravoslavnoj very* [Exact Exposition of the Orthodox Faith]. Moscow, DAR Publ., 2007, 415 p.
12. *Problemy Gil'berta. Sbornik* [Hilbert's Problems. Collection]. Moscow, Nauka Publ., 1983, 237 p.
13. Popper K. *Logika nauchnogo issledovanija* [The Logic of Scientific Research]. Moscow, Respublika, 2005, 447 p.
14. Rid K. *Gil'bert. S prilozheniem obzora Germana Vejlja matematicheskikh trudov Gil'berta* [Application Review Hermann Weyl the Mathematical Work of Hilbert]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 367 p.
15. *Jejnshtejн A. Sobranie nauchnyh trudov* [Einstein A. Collection of Scientific Papers]. Moscow, Nauka Publ., Vol. IV, 1967, 555 p.
16. *Lejbnic G. V. Sochinenija v chetyreh tomah* [Works in Four Volumes]. Moscow, Mysl Publ., 1983, Vol. 2, 686 p.
17. *Puankare A. O nauke* [About Science]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 735 p.
18. *Silichev D. A. Filosofija. Jazyk. Kul'tura: Monografija* [Philosophy. Language. Culture: Monograph]. Moscow, High school textbook, INFRA-M, 2016, 311 p.

УДК 165.23

АЛГЕБРО-ЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В ФОРМАЛИЗАЦИИ ЗАДАЧ УПРАВЛЕНИЯ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ СЛОЖНЫХ СИСТЕМ

Титов А. В.

МГУ ПС (МИИТ), МГТУ им. Баумана, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: a.v.titov@mail.ru

В статье рассматривается проблема математического обеспечения ситуационного подхода к разработке систем поддержки принятия управленческих решений при управлении и прогнозировании развития сложных объектов. Приводится последовательность основных этапов принятия управленческого решения при ситуационном подходе, на основании анализа которой выделяются особенности формального описания объектов управления различной природы. Приводится типологизация языков описания ситуации управления и на основе анализа связей этих языков предлагается подход к установлению связи между типом языка описания и типом объекта управления. Показана обобщающая роль языка теории категорий.

Ключевые слова: ситуационный подход, оценка, сложность, формальный язык, модель, структура оценки, математическая структура, категория.

В условиях развивающегося кризиса мировой системы решение задач управления процессами, а также прогнозирования «хода» развития социума становится все более актуальной проблемой. Тем более, что, как показывает практика последнего времени, принимаемые решения зачастую приводят лишь к ухудшению и без того непростой ситуации.

Над решением этих задач работает целая армия ученых и управленцев, однако решения, даваемые моделями управления, все чаще приводят к неадекватным результатам, а прогнозы оказываются ошибочными.

Следует признать, что «классические» подходы не всегда дают желаемый результат, в частности, в областях, где важно не только наличие того или иного свойства у предмета исследования, но важно то, насколько сильно проявляется данное свойство. Возникла потребность описывать такие объекты средствами математического моделирования, в которых предусмотрено использование многозначной логики. В результате необходимости моделирования объектов в условиях, когда информация о них не полна или противоречива, зародились такие новые средства моделирования, как эвристические методы, теория нечетких множеств, теория фракталов, теория экспертных оценок. Однако возникновение всех этих новых направлений не носило системного характера и часто их

построение не соответствовало по строгости требованиям, принятым в классической математике.

Как правило, к «сложным» объектам относят те, формальное описание которых невозможно, либо неприемлемо сложно. Как правило, их описание связано с необходимостью разработки формально-экспертных методов, которые позволяют осуществлять формализованное описание объектов при наличии факторов нечеткости и неопределенности.

Анализ основных идей и положений, характерных для класса проблем, в которых присутствуют элементы нечеткости и неопределенности, позволяет выявить следующие закономерности [1, с. 124; 2, с. 76]:

1. Исключительно велика роль субъекта при анализе таких проблем.
2. Информация о внешней среде, о связи между параметрами не бывает полной.
3. Принятие решений всегда сопряжено с риском.
4. Наиболее важная по своему характеру информация может быть получена только при помощи экспертов.
5. Принятие решений осуществляется человеком на основании опыта и интуиции, а также информации, полученной от других людей.
6. Существенные искажения собранной информации происходят обычно при попытках преобразования качественных понятий в числовые величины, поскольку каждый эксперт, как правило, имеет свои представления о соотношениях между качественными понятиями и количественными шкалами оценок.

При оценке состояний сложных объектов и процессов значительную роль приобретают семантические неколичественные оценки, выставляемые в качественных шкалах. Для «классического» оценивания такое положение дел нельзя считать обычным, поскольку точность оценок связывается с количественной оценкой.

Тем не менее, существует точка зрения, согласно которой количественная оценка не является единственно возможным видом оценки:

«Согласно всему здесь сказанному, следует признать поиски, как это часто случается, всех различий и всех определенностей предметного только в количественном одним из предрассудков, наиболее мешающих как раз развитию точного и основательного познания» [3, с. 92].

«Хотя сведение к числам тех явлений, в основании которых лежат определенные числа, и представляет большой научный интерес, все же никоим образом недопустимо рассматривать определенность мысли вообще как одну лишь числовую определенность» [3, с. 92].

В настоящее время представления о возможности и, более того, эффективности качественных оценок все чаще входят в обиход при оценке состояний сложных объектов в задачах управления и прогнозирования их развития.

Но, когда встает вопрос о моделировании сложных объектов или процессов управления этими объектами, возникает необходимость выбора способа представления результатов оценивания.

Анализ литературных источников позволяет провести следующую классификацию основных типов шкал, в которых может проводиться оценивание состояния исследуемых объектов [1, с. 96].

Таблица 1.

Классификация основных типов шкал.

Измерения	Шкала	Изоморфность относительно преобразования
Качественные	Номинальная	Взаимно-однозначные преобразования
	Порядка	Строго-монотонные преобразования
	Гиперпорядка	Строго монотонные, сохраняющие порядок первых разностей
Количественные	Интервалов	$f(x) = ax + b.$
	Отношений	$f(x) = ax.$
	Разностей	$f(x) = x + b.$
	Абсолютная	$f(x) = x.$

Использование вербальных шкал для оценки связано с тем, что по ряду показателей оценка объекта не может быть проведена в числовом виде. В этом случае значения оцифровываются с помощью шкалы Харрингтона [1].

Таблица 2.

Шкала Харрингтона

N/N п/п	Наименование градации шкалы	Численные значения
1	высокий уровень	0,80–1,00
2.	уровень выше среднего	0,64–0,80
3.	средний уровень	0,37–0,64
4.	уровень ниже среднего	0,20–0,37
5.	низкий уровень	0,00–0,20

Системность при решении широкого класса задач управления и прогнозирования развития объектов и систем реализуется, в частности, в ситуационном подходе, который, как отмечается в работах профессора Б. Г. Литвака, наиболее полно отражает проблемы, возникающие в управленческой деятельности, и включает основные методы, связанные с принятием управленческих решений, используемые при применении других подходов.

В рамках ситуационного подхода широкий класс задач управления (принятия управленческих решений) описывается моделью «ситуация-действие», в которой рекомендации по выработке управляющего воздействия определяются состоянием объекта управления (ситуацией управления) и целями управления, т. е. одним из

центральных звеньев технологии управления является звено оценки состояния объекта управления.

В реальной ситуации принятия управленческого решения вероятность нахождения ситуации управления в том или ином состоянии может быть не только неизвестна, но и сам вопрос о существовании этой вероятности может быть некорректным в связи, например, с ее уникальностью. В то же время сценарий развития ситуации зависит от того, в каком именно состоянии она находится на момент времени, принятый за начальный. В частности, если ситуация описывается аналитически уравнениями с переменными коэффициентами (параметрами), то различные диапазоны изменения коэффициентов могут приводить к различным решениям.

Проблемы, возникающие в задачах моделирования состояния сложных объектов и прогнозирования их развития, привели к формированию множества разрозненных методов моделирования.

Одним из направлений моделирования задач управления и прогнозирования развитием объектов и систем, является подход, основанный на использовании теории фракталов.

Для описания динамики состояний сложных объектов и перехода их в новые фазовые состояния полезными могут оказаться фрактальные модели в сочетании с нечеткими и эвристическими моделями. В частности, параметры модели развития: $Z_{n+1} = K(t)Z_{pn} + C(t)$ могут иметь не только сложную структуру и нечеткий характер, но и обладать динамическими свойствами, как в «мягких» моделях В. И. Арнольда.

Одним из направлений, позволяющих обобщить методы моделирования задач управления и прогнозирования развития систем и процессов, является синтетическая квалиметрия, развиваемая в ленинградской школе квалиметрии под руководством А. И. Субетто.

В основе концепции синтетической квалиметрии, являющейся методологической базой для оценки качества сложных объектов различной природы, лежит системный подход к оценке качества объектов и процессов. В расширенной трактовке ее можно рассматривать как концепцию общей теории оценки состояний объектов и процессов произвольной сложности.

При решении научных, технических, экономических и других задач существенную роль играет подбор (построение) математической модели, на основе которой происходит машинное моделирование либо разработка информационных технологий специального применения. Подбору (разработке) модели предшествует подбор теории, в терминах которой определяются базовые структуры данных и операции в модели. В выбранной теории дается представление (описание) исследуемых понятий. Например, может считаться, что характеристики связаны непрерывной зависимостью.

Выписываются соотношения, связывающие характеристики элементов (например, в виде уравнений). Построение модели завершается, чтобы, как правило, начаться снова, т. е. быстро выясняется ее ограниченность.

Подбор формализации и знание границ применимости модели очень важны при математическом моделировании, т. к. неадекватность модели может привести к серьезным ошибкам в выводах. Здесь полезен логический анализ, позволяющий вскрыть корни недостатков и ограниченности формализации, выявить причины неадекватности применяемых средств моделирования.

При управлении развитием сложных объектов в общем случае решаются следующие задачи:

- получение и анализ информации о возможных состояниях объекта управления;
- выделение семейства свойств объекта управления, определяющих его состояние и влияющих на принятие управленческого решения;
- преобразование семейства свойств объекта управления в систему параметров (показателей и критериев) оценки состояния объекта управления;
- описание “иерархии” параметров объекта управления;
- формирование системы мер, в которых оцениваются значения показателей и критериев оценки состояния объекта управления;
- шкалирование системы мер введением на ней системы отношений;
- разработка методов и процедур формирования массивов эталонных состояний объекта управления;
- установление метрик и определение мер сходства на пространстве признаков состояния объекта управления (показателей и критериев), по которым будет определяться близость состояния объекта управления к эталонным состояниям;
- разработка методов и процедур формирования массивов управленческих решений;
- формализация процесса сопоставления управленческих решений эталонным состояниям объекта управления, т. е. представление его в виде оператора определенного типа;
- формирование формализованного описания технологии принятия управленческого решения на основе оценки состояния объекта управления;
- повтор всей цепи процедур, если это необходимо.

При решении перечисленных задач важно учитывать, что в зависимости от сложности и природы объекта управления в описании элементов модели оценки может использоваться различный формальный аппарат, т. е. различные формы описания состояний объекта управления и методов оценки этих состояний. Классификация форм описания и используемых при этом формальных языков разрабатывалась А. И. Субетто в рамках синтетической квалиметрии, которая включает как составные части общую и специальные квалиметрии. Специальные квалиметрии развиваются как раскрытие общей квалиметрии относительно методов и формальных моделей оценки. При этом, как показано в работах А. И. Субетто, разные виды специальных квалиметрий находятся в органической связи друг с другом и образуют единое целое в рамках синтетической квалиметрии [5, с. 68].

Таким образом, в синтетической квалиметрии реализуется идея о взаимоопределяющей связи целого, выраженная в диалектике Гегеля: «Когда предполагается некое определенное содержание, какое-то определенное наличное бытие, то это наличное бытие, потому, что оно определенное, находится в

многообразном соотношении с другим содержанием. Для него не безразлично, имеется ли другое содержание, с которым оно соотносится, или его нет, ибо только через такое соотношение оно по своему существу есть то, что оно есть. То же имеет место и в представлении..., в связи с которым небезразлично, имеется ли бытие или отсутствие содержания, которое как определенное представляется соотнесенным с другим содержанием» [6, с. 94].

Важный вывод для организации управления заключается в следующем. Пока целое (данное качество) устойчиво, входящим в него определенностям, с одной стороны, чтобы измениться, необходимо преодолеть «сопротивление» целого. С другой же стороны, целым будут отторгаться определенности, не находящиеся в указанном соотношении необходимости с другими определенностями. Наконец, определенности, меняясь, меняют и целое.

В работе [7, с. 123] раскрывается взаимосвязь между различными типами специальных квалиметрий, описываются некоторые характеристики ситуаций, в которых проводится оценка качества и рекомендуемые для них типы формального описания в рамках специальных квалиметрий.

Надежды на дальнейшее обобщение методов формализации задач управления связаны с использованием языка теории категорий.

Категорный подход основан на том, что нечеткое множество связывается с некоторым топосом (т. е. категорией, обладающей конечными пределом и копределом, классификатором подобъектов и допускающей экспоненцирование), что позволяет для таких множеств определить теоретико-множественные конструкции.

Пусть P – произвольное линейно-упорядоченное множество с начальным элементом 0 и конечным элементом 1. P является решеткой и есть алгебра Гейтинга.

Операция \rightarrow задается здесь по правилу:

$$p \rightarrow q = \begin{cases} 1 & \text{при } p < q \\ q & \text{при } p > q \end{cases}$$

Проверяется, удовлетворяет ли операция $p \rightarrow q$ условиям, налагаемым на псевдодополнение. Это применимо, в частности, к отрезку $[0,1]$ с «естественным» упорядочением.

Приведенное замечание позволяет сделать вывод о применимости алгебры Гейтинга к операциям на нечетких множествах.

Нечеткое множество может быть определено через описанное выше отношение равенства, которое удобно иллюстрируется на топосе $\mathbf{Bn}(I)$ расслоений над индексным множеством I . Если заданы стрелки f, g на классе морфизмов $I \rightarrow A$ (где A – пространство расслоения), то, как было показано в [10, с. 175].

$$[f \approx g] = \{ i \text{ из } I: f(i) = g(i) \},$$

тогда

$$[f \approx f] = \{ i \in I: f(i) = f(i) \},$$

и принадлежность можно рассматривать как отношение

$$\frac{[f \approx f]}{I},$$

которому в работе соответствует выражение

$$\eta = \frac{n^{(1)}}{m},$$

описывающее относительный коэффициент принадлежность признаков качеству. Здесь $n^{(1)}$ множество признаков, присутствующих у исследуемого качества [4, с.125].

Развитие подхода позволяет интерпретировать алгебру нечетких множеств как полную алгебру Гейтинга в категории Q-Set.

Теоретико-категорный язык позволяет расширить описанный подход на случай алгебры оценок с дополнительной структурой и связан с условием сохранения дополнительной структуры на ней. [8, с. 98].

Применительно к задачам, решаемым в синтетической квалиметрии, это означает моделирование задачи комплексной оценки состояния объектов и процессов функторами, сохраняющими структуру из категории состояний объектов оценки в категорию оценок.

В частности, такой подход реализуется в нестандартном анализе, которой «есть алгебро-логический метод, основанный на рассмотрении оценок и в основном применяемый для изучения объектов, представимых в виде глобальных элементов некоторого пучка» [9, с. 377].

В работе [10, с. 76] уже рассматривался категорный подход к описанию задач квалиметрии, и было показано, что язык теории категорий, в частности, использование понятия подобъекта и классификатора подобъектов позволяет сформировать базис для фундаментального обоснования теории нечетких множеств и тем самым ввести качественные характеристики объектов оценки в область формального описания.

При категорном подходе «логики», к которым относятся и «логики оценки», как вид исследования структур представляют собой семейство функторов из категорий, соответствующих формальным теориям в категории структур, на которых принимает значение оценка. Иными словами, в категорном подходе *оценка есть функтор, сохраняющий дополнительную структуру*. При таком подходе вид минимальной логики «образующей» будет определяться типом функтора и, следовательно, минимальные логики будут представлять собой семейство, определяемое семейством баз, предбаз, образующих и т. д. структур значений оценки. Нельзя исключать и того, что сюда войдут функторы как гладкие отображения многообразий, поскольку в обиход уже введен термин «локальная истинность», в частности, в [11] рассматривается язык PL, в который включена

новая связка ∇ и если α – формула этого языка, то формула $\nabla\alpha$ читается «локально имеет место, что α ».

В категории \mathbf{K} подобъекты определяются как семейство вида $\text{Sub}(d) = \{[f] \mid f \text{ стрелка и } \text{cod}(f)=d\}$. Классификатором подобъектов называют \mathbf{K} -объект Ω вместе со стрелкой $\text{true}: 1 \rightarrow \Omega$, для которой диаграмма 1 – декартов квадрат

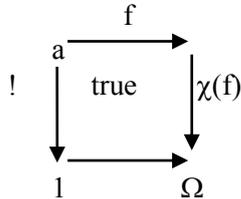

Диаграмма 1.

Для Ω также можно рассматривать семейство $\text{Sub } \Omega$. Рассматривая Ω как структуру, на которой принимает значение оценки, получаем инструмент для семантического анализа типа логического исчисления.

Введение в теории категорий классификатора подобъектов Ω , и связанная с этим понятием Ω – аксиома, порождает утверждение, о том, что в категории, обладающей классификатором подобъектов $\text{Sub}(d) \cong \mathbf{K}(d, \Omega)$. В частности, в качестве \mathbf{K} можно взять категорию, соответствующую формальной теории (в частности алгебру формул логического исчисления), в качестве Ω – структуру, на которой принимает значение оценка. В [11, с. 170] доказано, что утверждение о том, что топос \mathbf{K} булев, эквивалентно утверждению о том, что $\text{Sub } \Omega$ – булева алгебра. Этим определяются и ограничения на свойства функции $\chi(f): d \rightarrow \Omega$ – она должна сохранять структуру. В частности, подтверждается предположение о том, что структура оценки для булевой алгебры формул должна быть булевой алгеброй, что не всегда учитывается в многозначных логиках.

Вывод. В настоящее время моделирование процессов управления сложными объектами и процессов, и прогнозирования их развития сталкивается со следующими трудностями. Признанные классическими методы формального моделирования в условиях наличия факторов нечеткости и неопределенности, неполноты информации об основных факторах, влияющих на динамику развития объекта исследования, динамично изменяющейся внешней среды, зачастую не достаточно эффективны. Методы формального моделирования таких объектов и процессов не систематизированы, их применение не базируется на единой методологии, что снижает эффективность их применения. Поиск новых подходов требует, прежде всего, тщательного анализа причин, возникающих при моделировании состояний таких объектов. Недостаточно констатации факта низкой эффективности того или иного метода формального моделирования. Практика моделирования состояний сложных объектов в настоящее время часто нацелено на применение качественных, а не количественных оценок. Технически это осуществляется методами теории нечетких множеств, использующей лингвистические переменные, значения которых носят качественный характер.

Однако эта техника не имеет достаточно надежной базы. Разработка такой базы могла бы осуществляться на основе синтеза концепций синтетической квалиметрии, системного подхода и использования новых математических методов, связанных с использованием и разработкой неклассических вариантов формальной логики и теории категорий.

Список литературы

1. Литвак Б. Г. Экспертные оценки и принятие решений / Б. Г. Литвак. – М.: Патент, 1996. – 271 с.
2. Мельников А. Н. Бронштейн Л. С. Коровин С. Я. Ситуационные советующие системы с нечеткой логикой / А. Н. Мельников, Л. С. Бронштейн, С. Я. Коровин. – М.: Наука, 1990. – 271 [1] с.
3. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. – М.: Мысль, 1974. – 452 с.
4. Субетто А. И. Метаклассификация как наука о механизмах и закономерностях классифицирования / А. И. Субетто. – СПб. – Москва.: Исслед. центр пробл. качества подгот. специалистов, 1994. – 254 с.
5. Субетто А. И. Введение в квалиметрию высшей школы: [В 4 кн.] Кн. 3: Общая квалиметрия и специальные методы квалиметрии / А. И. Субетто. – М.: ИЦ Гособразования СССР, 1991. – 171 с.
6. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. – СПб.: Наука, 1997. – 799 с.
7. Субетто А. И. Титов А.В. Ситуационный подход к применению методов специальных квалиметрий в системах мониторинга качества образования на различных уровнях // Труды восьмого симпозиума «Квалиметрия человека и образования». – М.: Исслед. центр пробл. кач-ва подгот. спец., 1999. – 61 с.
8. Титов А. В. О зависимости типа логического исчисления от структуры оценки // Материалы международной конференции «Седьмые Смирновские чтения по логике» – М.: МГУ им. Ломоносова, 2011. – С. 34–36.
9. Любецкий В. А. Некоторые применения теории топосов к изучению алгебраических систем // П. Т. Джонсон. Теория топосов. – М.: Наука, 1986. – С. 376–430
10. Субетто А. И. Титов А. В. Категорный подход к описанию задач квалиметрии // Труды седьмого симпозиума «Квалиметрия человека и образования: методология и практика». – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1998. – 67 с.
11. Гольдблатт Р. Топосы. Категорный анализ логики / Р. Гольдблатт. – М.: «Мир», 1983. – 438 с.

Titov A. V. The Algebraic-logical Methods in the Formalizing the Tasks of Management and Predicting the Development of Complex Systems // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 3. – P. 160–169.

Classical approaches to modeling control tasks do not give the desired result. In particular, in the modeling complex objects and processes there is a need in mathematical modeling with using multi-valued logic.

The need of modeling objects in conditions when information about them is incomplete or contradictory, have arisen such new modeling tools like heuristics, fuzzy set theory, fractal theory, theory of expert estimates.

However, the emergence of all these new directions was not of a systemic nature and often their construction did not correspond to severity to the requirements accepted in classical mathematics.

The problem of mathematical software of situational approach to development of systems of support of a decision making for management and forecasting of development of the composite systems is considered. The sequence of the main stages of adopting the decision is given. On the basis of the analysis of these stages features of the formal description of objects of management of various nature are investigated. The main types of languages are given. Communication between type of language of the description and type of an object of management is described.

Keywords: situational approach, evaluation, complexity, formal language, model, structure of evaluation, mathematical structure, category.

References

1. Litvak B. G. Jekspertnye ocenki i prinjatje reshenij [Expert Assessment and Decision-Making]. Moscow, Patent, 1996, 271 p.
2. Melnikov A. N. Bronshtejn L. S. Korovin S. Ja. Situacionnye sovetujushhie sistemy s nechetkoj logikoj [The Case of the Soviet System with Fuzzy Logikoy]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 272 p.
3. Gegel' G. V. F. Jenciklopedija filosofskih nauk [Encyclopedia of Philosophical Sciences]. Vol. 1. The Science of Logic. Moscow, Mysl Publ., 1974, 452 p.
4. Subetto A. I. Metaklassifikacija kak nauka o mehanizmah i zakonomernostjakh klassificirovanija [Metaclassification as the Science of the Mechanisms and Laws of Classification]. St. Petersburg – Moscow, Research training center, 1994, 254 p.
5. Subetto A. I. Vvedenie v kvalimetriju vysshej shkoly (V 4 kn). Kn. 3. Obshhaja kvalimetrija i special'nye metody kvalimetrii [Introduction of Quality Control of Higher Education. Book III. General and special qualimetry]. Moscow, Research training center, 1991, 171 p.
6. Gegel' G. V. F. Nauka logiki [The Science of Logic]. St.Petersburg, Nauka Publ., 1997, 799 p.
7. Subetto A. I. Titov A. V. Situacionnyj podhod k primeneniju metodov special'nyh kvalimetrii v sistemah monitoringa kachestva obrazovanija na razlichnyh urovnjah [Situational Approach to the Use of Special Methods of Quality Control in Monitoring the Quality of Education Systems at Various Levels. Proceedings of the eighth symposium "Qualimetry man and obrazovaniya]. Moscow, Research training center, 1999, 178 p.
8. Titov A. V. O zavisimosti tipa logicheskogo ischislenija ot struktury ocenki [On the Dependence of the Type of Logical Calculus of the Evaluation Framework]. Proceedings of the international conference "Smirnov's Readings Seventh logically". Moscow, Moscow State University, 2011, P. 34–36.
9. Ljubeckij V. A. Nekotorye primeneniya teorii toposov k izucheniju algebraicheskikh system [Some Applications of Topos Theory to the Study of Algebraic Systems]. P.T. Johnson. Topos theory. Moscow, Nauka Publ., 1986, P. 376–430
10. Subetto A. I. Titov A. V. Kategornyj podhod k opisaniju zadach kvalimetrii [The Categorical Approach to the Description of Quality Control Problems]. Proceedings of Seventh Symposium "Qualimetry Rights and Education: Methodology and Practice". Moscow, Research Center problem the quality of training, 1998, 67.
11. Gol'dblatt R. Toposy. Kategornyj analiz logiki. [Topoi. The Categorical Analysis of Logic]. Moscow, Mir, 1983, 468 p.

Сведения об авторах

Бабурова Н. Б. – канд. полит. н., зам. директора Центра организации научно-исследовательской деятельности ВАВТ. E-mail: baburova.nadezhda@gmail.com

Вигель Н. Л. – д-р филос. н., профессор кафедры Истории и философии Ростовского государственного медицинского университета. E-mail: 22nara@mail.ru

Гросфельд Е. В. – канд. полит. н., кафедры политических наук и международных отношений Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: alegros@mail.ru

Дункевич С. Г. – канд. филос. н., доцент кафедры психологии и педагогики ГБОУ ДПО «Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования». E-mail: svetlana-vizavi@inbox.ru

Зарапин О. В. – канд. филос. н., доцент кафедры философии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: zaraoleg@yandex.ru

Кальной И. И. – д-р филос. н., профессор кафедры политологии и международных отношений Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: igor_kalnoy@mail.ru

Когай Е. А. – д-р филос. н., профессор кафедры социологии и политологии Курского государственного университета. E-mail: eakogay@mail.ru

Кураמיшина Ю. В. – канд. культурологии, доцент кафедры культурологии и религиоведения Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: jvt79@rambler.ru

Марецкая Н. А. – аспирант кафедры политических наук и международных отношений Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: maretska.n@gmail.com

Лазарев Ф. В. – д-р филос. н., профессор кафедры социологии и социальной философии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: fellazarev@rambler.ru

Романова А. П. – д-р филос. н., профессор Гуманитарного института Астраханского государственного университета. E-mail: aromanova_mail@mail.ru

Сафонова Н. В. – канд. филос. н., доцент кафедры социологии и социальной философии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: Safonov7070@mail.ru

Течиев И. И. – студент 3 курса направления подготовки «Религиоведение» Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: stechkins95@mail.ru.

Темненко Г. М. – д-р филол. н., профессор кафедры культурологии и религиоведения Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: galinatemnenko@sf.ukrtel.net

Титов А. В. – канд. техн. н., доцент МГУ ПС (МИИТ), МГТУ им. Баумана. E-mail: a.v.titov@mail.ru

Топчиев М. С. – канд. полит. н., старший научный сотрудник лаборатории по исследованию социально-политической и культурной динамики регионов Нижнего Поволжья и Прикаспия Астраханского государственного университета. E-mail: seo.gfn@gmail.com

Чернявская М. Н. – студентка 3 курса направления подготовки «Философия», Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: marina.tcherniawsckaya@yandex.ru

Шоркин А. Д. – д-р филос. н., профессор кафедры философии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: alexshorkin@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Зарапин О. В. Коммуникативная нагруженность идеи ноосферы В. И. Вернадского	3
Кальной И. И. Амбивалентность ценностных ориентиров: размышление о нравственных рисках в современном обществе	18
Чернявская М. Н. Философия как стремление к искренности	27

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Вигель Н. Л. Пищевая культура как маркер социокультурной идентичности	35
Дункевич С. Г., Курамшина Ю. В. Зрелищная культура в условиях информационного общества	43
Романова А. П. Современный мегаполис как фронтирная гетеротопия	51
Шоркин А. Д. Лезвие и рукоять (от осевого времени до смутных времён демографической катастрофы)	61
Темненко Г. М. Аристотель о Гомере	71

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бабурова Н. Б. Значимость явления жертвы в русской политической культуре.....	81
Гросфельд Е. В., Филатов А. С. Экономические аспекты оптимизации этноконфессиональных отношений в Крыму	92
Когай Е. А. Модернизационный потенциал гражданских инициатив регионов Центрального Черноземья	102
Марецкая Н. А. «Мягкая сила» и возможность её применения Украиной.....	111

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Течиев И. И. Этические основы суфизма как аскетического течения в исламе	118
Топчиев. М. С. Современная религиозность и ее трансгрессивные особенности (на примере Астраханской области как части прикаспийского фронта)	127

ЛОГИКА И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Лазарев Ф. В. Интервальная методология: логики становления, базовые концепты и методы	135
Сафонова Н. В. Принцип простоты в естественнонаучном и гуманитарном знании	150
Титов А. В. Алгебро-логические методы в формализации задач управления и прогнозирования развития сложных систем	160
Сведения об авторах	170
Содержание.....	172

About the Authors

Baburova N. B. – Candidate of Political Science, Deputy Director of Scientific Research Organization Centre VAVT. E-mail: baburova.nadezhda@gmail.com

Vigel N. L. – Candidate of Philosophy, Professor of History and Philosophy Department of Rostov State Medical University. E-mail: 22nara@mail.ru

Grosfeld E. V. – Candidate of Political Science of Political Science and International Relationships Department of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: alegros@mail.ru

Dunkevich S. G. – Candidate of Philosophy, Associated Professor of Psychology and Pedagogy Department, Crimean Republic Institute of Postgraduate Education. E-mail: svetlana-vizavi@inbox.ru

Zarapin O. V. – Candidate of Philosophy, Associated Professor of Philosophy Department of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: zaraoleg@yandex.ru

Kalnoy I. I. – Doctor of Philosophy, Professor of Political Science and International Relationships Department of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: igor_kalnoy@mail.ru

Kogay E. A. – Doctor of Philosophy, Professor of Sociology and Political Science Department of Kursk State University. E-mail: eakogay@mail.ru

Kuramshina Y. V. – Candidate of Culturology, Associated Professor of Culturology and Religious Studies of Philosophy Department of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: jvt79@rambler.ru

Maretskya N. A. – Postgraduate Student of Political Science and International Relationships Department of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: maretska.n@gmail.com

Lazarev F. V. – Doctor of Philosophy, Professor of Sociology and Social Philosophy Department of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: fellazarev@rambler.ru

Romanova A. P. – Doctor of Philosophy, the director of Humanitarian Institute of Astrakhan State University. E-mail: aromanova_mail@mail.ru

Safonova N. V. – Candidate of Philosophy, Associated Professor of Sociology and Social Philosophy Department of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: Safonov7070@mail.ru

Titov A. V. – Candidate of Technical Science, Associated Professor of Bauman MSTU. E-mail: a.v.titov@mail.ru

Techiev I. I. – Student of Culturology and Religious Studies Department of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: stechkins95@mail.ru.

Temnenko G. M. – Doctor of Philology, Associated Professor of the Culturology and Religious Studies Department of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: ga-la-te@mail.ru

Topchiev M. S. – Candidate of Political Science, the Senior Researcher of Social-Political and Cultural Dynamics Nizhnee Povolzhe and Prikaspij Regions Studies Laboratory of Astrahan State University. E-mail: ceo.gfn@gmail.com

Chernyavskaya M. N. – Student of Philosophy Department of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: marina.tcherniawsckaya@yandex.ru

Shorkin A. D. – Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy Department of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: alexshorkin@mail.ru

CONTENT

PHILOSOPHY

Zarapin O. V. Communicative Loading of V. I. Vernadsky's Noosphere Idea	3
Kalnoy I. I. The Ambivalence of Value Orientation Targets: Thinking about the Moral Risks in Modern Society	18
Tcherniawsckaya M. N. Philosophy as the Pursuit of Sincerity	27

CULTUROLOGY

Wiegel N. L. Food Culture as a Marker of Socio-Cultural Identity	35
Dunkevich S. G., Kuramshina Yu. V. Spectacular Culture in Information-Oriented Society	43
Romanova A. P. Modern Megapolis as a Frontier Heterotopia.....	51
Shorkin A. D. The Blade and the Hilt (from the Axial Age to Uncertain Times of Demographic Catastrophe)	61
Temnenko G. M. Aristotle: Contemplating on Homer	71

POLITICAL SCIENCE

Baburova N. B. The Importance of the Phenomenon of the Victim in the Russian Civil Culture	81
Grosfeld E. V., Filatov A. S. Economic Aspects of Optimization Ethno-Confessional Relations in Crimea	92
Kogay E. A. Modernization Capacity of Citizens' Initiatives Regions of the Central Black Earth	102
Maretska N. A. "Soft Power" and the Possibility of its Employment by Ukraine	111

RELIGIOUS STUDIES

Techiev I. I. Ethical Bases of Sufism as Ascetic Movement in Islam	118
Topchiev. M. S. Modern Religious and its Features Transgressive (on the Example of the Astrakhan Region as Part of the Caspian Frontier) ...	127

LOGIC AND METHODOLOGY OF SCIENCE

Lazarev F. V. Interval Methodology: the Logic of Development, Basic Concepts and Methods	136
Safonova N. V. The Principle of Simplicity of Natural-science and Humanitarian Knowledge	150
Titov A. V. The Algebraic-logical Methods in the Formalizing the Tasks of Management and Predicting the Development of Complex Systems	160
About the Authors	174
Content	176